

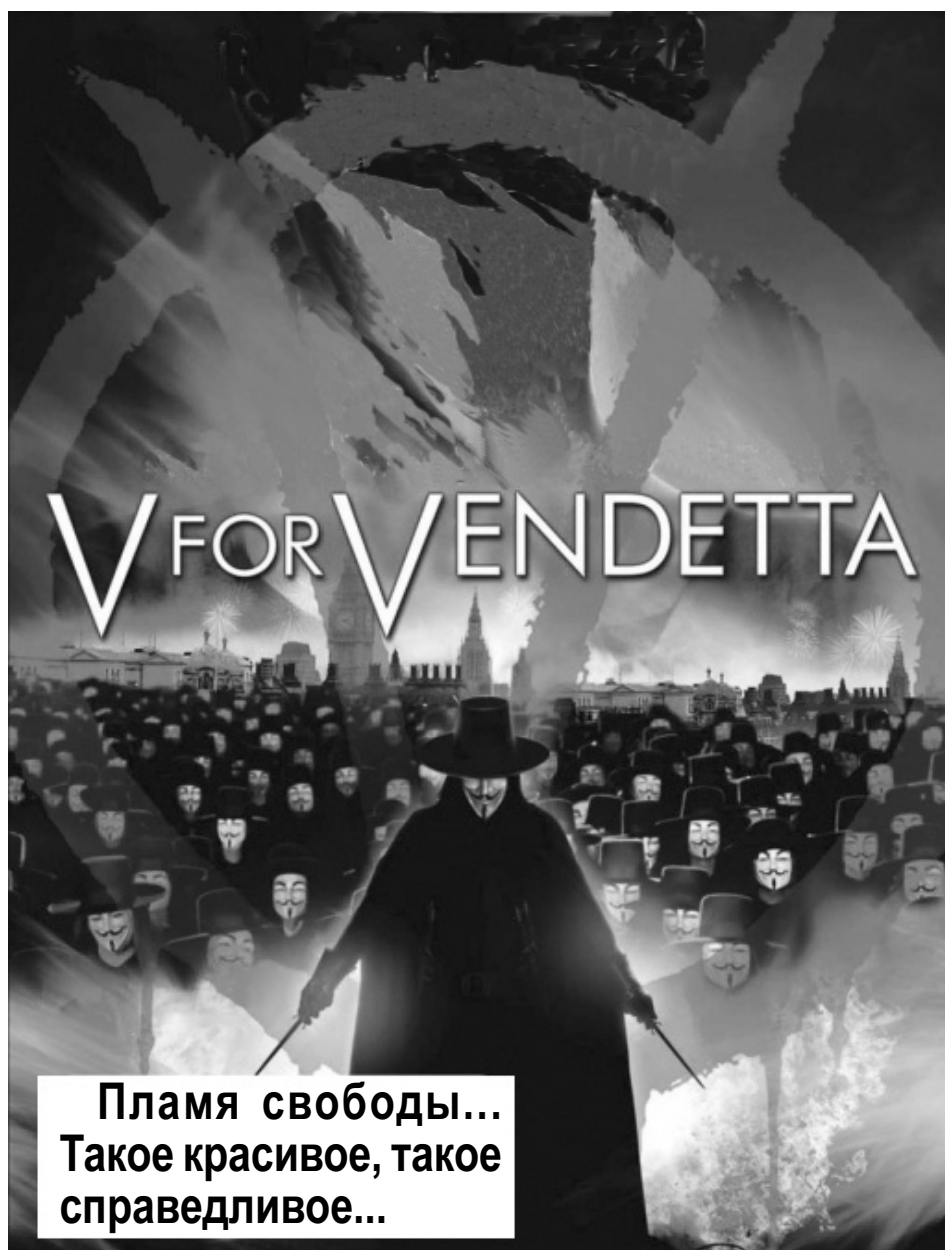
Прямое Действие

Революционное
Анархо-
Синдикалистское
издание

№27 (2007г.)

Секции
Международной
Ассоциации
Трудящихся

**Пламя свободы...
Такое красивое, такое
справедливое...**

АНТИФАШИЗМ

Как-то, работая в книжном магазине, я разговори-лась с молодым парнем, недавно устроившимся к нам на работу охранником. Парень был невысокий, худенький, неловкий, с нежным лицом белокурого ангелочка или завсегдатая гей-клуба, модно при этом и с иголки прикинутый, явно не из секонд-хенда и не с барахолки, а типа из бутика какого-нибудь. На роль охранника он явно не подходил и чувствовал себя не в своей тарелке. Оказалось, и правда, как бесхитростно рассказал мне парнишка, его отец – бизнесмен, владелец собственной, хоть и небольшой, фирмы, а в прошлом – ментовский начальник. Это выяснилось так. Кто-то из девчонок продавший стал привычно ругать ментов, отметелевших накануне ее приятеля – обычная тема для обсуждения почти в любом коллективе. Тут наш охранник покраснел неожиданно и стал горячо убеждать всех, что надо уметь правильно себя вести с милицией, а за просто так бить не будут – он-то знает, у него папа там проработал всю жизнь. А теперь у папы фирма своя, – с каким-то трогательным торжеством заявил этот мальчик, в том плане, что владение фирмой уж точно доказывает правильность и безупречность жизненного пути. Кстати, вопрос, чем именно занимается фирма его отца, он встретил с искренним недоумением, видимо у него самого он ни разу не возникал. Любил он, короче, своего папку, гордился им и слушался. И когда, выучив его в платном, естественно, институте «на менеджера», отец, перед тем, как взять в свою фирму, отправил его в воспитательных целях на некоторое время «в люди» – самому искать работу, парень покорно пошел в ближайший магазин и простодушно спросил, кем бы его могли взять – делать он ничего не умеет, а грузчиком – ему тяжело. Его взяли охранником, точнее «администратором-контролером», непыльная, в общем, должность, может, этот магазин крышевал как раз его папа; платили ему копейки, но для него это было абсолютно неважно. Ведь он находился на родительском обеспечении и терпеливо ждал, когда испытание закончится и его заберут отсюда. В ожидании он читал запоем книги из раздела «Психология управления и менеджмента»: Как продать все, что угодно? Как раздавить конкурента? Как заставить людей подчиняться Вам? Видно, для него это было как любимая мягкая игрушка для ребенка, отданного в детский сад – что-то единственно родное во враждебном мире, состоящем из чужих непонятных людей, которых ему и предстояло в дальнейшем давить, дурить, напаривать, подчинять, заставлять работать на себя, вообще использовать всяко – с применением последних достижений науки и техники.

А еще он слушал музыку, почти не снимал наушников, и все время как бы слегка подергивался в такт мелодии. Он увлекался стилем «Oi», каждый день после работы посещал с друзьями соответствующие клубы, вообще культурно отдыхал. Поскольку друзья у него были бонхедами, составляющей частью их досуга было выследить и напасть на какого-нибудь «черного». Возможно, они кого-то и убили, возможно, покалечили, может, просто сильно отметелили. Этот божий одуванчик, конечно, драться не умел, принимал, так сказать, пассивное участие, ну, может, решался разок пнуть кого-нибудь уже лежащего. «Мне по фигу, абсолютно, понимаю, какой кто национальности», – объяснял он, нетерпеливо моргая своими чистыми голубыми глазами, – «я просто с друзьями отдыхаю, как Вы не поймете!»

Его поведение лишь на первый взгляд было нелогично и бессмысленно жестоко. Он действительно отдыхал, развлекался, расслаблялся, общался к тому же с друзьями, это было как охота, это было ему нужно. Люди вообще, а те несчастные забытые гастрбайтеры, на которых они нападали, особенно, стоили настолько недорого, что он, ну а пока что, его папа легко могли включить эту статью в свои накладные расходы, если бы дело дошло до разбирательства. В конце концов, какой-нибудь Чубайс вовсе не ненавидел тех людей, которым отключали электроэнергию по его распоряжению (а ведь если это происходило в больнице, то людей в прямом смысле убивали). Что было необходимо в его деятельности менеджера, то он и делал. А нашему будущему менеджеру необходим хороший, бодрящий отдых. И никакой национализм тут ни при чем.

Разумеется, далеко не все фашисты или нацисты такие. Есть идеологи, есть фанатики. Есть опять же господа, приобретающие на этой теме нехилый политический и даже непосредственно финансовый капитал. Есть одуроченные ребята, которым показалось, что они нашли причину своей беспросветной жизни в засилье инородцев. В любом случае, думаю, действия бьющих бонов ребят из Антифа абсолютно оправданы, хотя, конечно, очень неэффективны. Ведь фашисты, похожие и непохожие на этого мальчика, и даже, на мой взгляд, прежде всего, такие как он, не являются, в общем, людьми в полном смысле этого слова. Может быть, они должны уничтожаться: просто из чувства самосохранения, как в этих дебильных фантастических фильмах люди уничтожают взбесившихся, хоть и технически сложных навороченных роботов, начавших вдруг крушить все живое, расчищая территорию для своего железного рая. Но уничтожать не получается, не говоря уж о том, что Антифа и не ставят перед собой таких целей... Остаётся возможность хотя бы слегка покоцать, поцарапать смертельно опасный для окружающих, обнаглевший механизм, часто рискуя при этом собственной жизнью. Не знаю, честно говоря, насколько это разумно. Но это вызывает уважение.

Но уж совсем мне непонятен смысл и цели антифашистских блоков и коалиций. Где все вместе, дружными рядами, в едином антифашистском порыве, невзирая на разные, да и просто противоположные, абсолютно враждебные друг другу и взаимоисключающие политические взгляды, цели и принципы, объединимся – и тогда... Даже если допустить возможность и целесообразность такого объединения – что собственно оно дает, что дальше-то? Пройти совместным «маршем против ненависти», покричать что-то «от души» по ходу, постоять – послушать либеральную истерику

с трибуны, удивительным образом каждый раз деловито заканчивающуюся неизменным: на следующих выборах не забудьте проголосовать за нашу партию, мы-то уж победим фашизм обязательно. Чтоб от твоего имени, как «участника митинга» в очередной раз приняли какое-то жалобное прошение-челобитную «господину президенту» или стукаческое обращение в какую-нибудь прокуратуру или демагогические призывы «к общественности». Я понимаю, конечно, все это делается и для того, в том числе, чтоб «засветиться», потом возможность агитации, распространение листовок и изданий опять же. Ну да, это нормально, я, например, именно этим и занималась (имею в виду распространение листовок и газет на массовых общественных мероприятиях). Правда, насколько эффективна эта агитация именно среди тех людей, которые собираются на подобные мероприятия? Не лучше ли в это время распространять листовки на проходной завода? Хотя, конечно, с листовками антифашистской ассоциации, или ПЛА хоть к заводу, хоть к любому другому предприятию не сунешься. Вызовут не ментов, а карету скорой психиатрической помощи.

Возможно, именно это обстоятельство и объясняет недоступное на первый взгляд человеческому пониманию сотрудничество и даже единую какую-то антифашистскую ассоциацию некоторых анархистов и совершенно чуждых им политических сил. Собственно реакция, поддержка, да и положение трудящихся их не то, что слабо волнует, а просто находится вне сферы их деятельности.

Что касается либералов-антифашистов, то сотрудничество с ними, по-моему, просто позорно. Наглость и лицемерие их может вызвать только обратную реакцию. Фашисты хотя бы честны и логичны в своем вековененавистничестве. Эти же неглупые вроде бы люди, оправдывали, восхваляли, а нередко и сами осуществляли «либеральные преобразования», обрекли огромное большинство людей на нищенскую рабскую жизнь или просто на физическое вымирание. Теперь с какой-то беспримерной нелогичной наглостью они гонят с трибун, гневно обвиняя, обличая, требуя от тех самых людей, которых они посчитали быдлом, мусором, лишним балластом на пути в светлое капиталистическое будущее, высоких «гражданских» чувств. Обращаясь к ограбленным либерализмом людям, либералы требуют от них единения «перед лицом фашистской угрозы», кстати, по-моему, сильно преувеличенной. Да и почему, собственно фашистская угроза должна страшить сильнее, чем угроза голода, холода, выселения из квартиры, увольнения, болезни ребенка (когда нет денег на лекарства). Можно было бы, конечно, провозгласить главенствующую роль какой-нибудь «великой» идеи, перед которой жизнь человека ничто, а самим потихоньку обделывать свои делишки, пока народ не опомнится. Так поступают, кстати, те же фашисты; и так пытается поступать нынешняя власть, хотя и не очень успешно. Но либерал-демократы непредусмотрительно провозгласили единственный критерий истины – экономическую целесообразность и грубую силу. С этой точки зрения, когда они сами по каким-то причинам станут нецелесообразны, и фашистское господство докажет свою эффективность (а такое вполне реально, именно так и получилось в Германии 30-х), то никакие лицемерные права человека и гаагский трибунал демократам не помогут. А законы, конституция, на которые они так любят ссылаться – в любом случае, все это – буржуазное дерьмо; но уж здесь, в России – елки-палки, да за кого вы нас держите, мы ж видели, как, когда и кем те законы и конституции принимались.

По поводу марксистов, с которыми анархисты выступали единым блоком на антифашистском марше. Думаю, эти люди заслуживают определенного уважения, которое должно проявляться в том, чтоб хотя бы поинтересоваться их программой, целями, историческими и идейными ориентирами. Все это вполне доступно, можно посмотреть на их сайте. Имею в виду прежде всего группу «Рабочая демократия». Естественно, у анархиста – фаната какой-нибудь музыкальной группы (особенно, если в этом и заключается весь его анархизм) никаких особых противоречий с ними и не возникнет. Ему что Троцкий, что Махно; что диктатура партии, что рабочие Советы – он все равно не работает. Именно таких анархистов с одной стороны презирают, а с другой стороны с удовольствием используют большевики, к которым себя и причисляют эти марксисты. И вот марксисты как раз ведут агитацию собственно там, где ей и место – на заводах тех же. И активно участвуют в контр-революционном бюрократическом профсоюзном движении, в котором всем заправляют не рабочие, а начальники. Создают единую партию на идейной основе «традиций Маркса, Энгельса, Ленина и Троцкого» (из соответствующей статьи на их сайте). Их, марксистов, практическая деятельность, те задачи, которые они перед собой ставят, то историческое наследие, на которое они опираются – все прямо противоречит анархо-коммунистическим целям и принципам, враждебно им.

Марксисты-государственники опираются в своей деятельности на партийный принцип. В соответствии с ним партийное руководство, лидеры должны управлять партией, организацией, обществом. Именно в руках партийного центра надлежит сосредоточить принятие всех ключевых решений об управлении. В такой ситуации возникает нормальное для капитализма противоречие между коллективным характером производства и частным способом присвоения. То есть работу делают все, но вот результатами ее распоряжается узкая группа людей. В своих современных организациях вожди марксистов уже готовят людей к покорности, послушанию, исполнению воли руководителей. Поэтому программа большевиков не выходит, просто не может выйти за рамки государственного капитализма. А на практике, как это было в СССР, Европе, Испании 30-х, всегда ведет к разрушению революционных движений, подчинению активистов новоявленным партийным начальникам, террору против несогласных и недовольных. Чем больше людей придет к большевикам, тем хуже для коммунистической анархистской революции.

Во время известных событий в Кондопоге националисты сумели оказать влияние на позицию митинга, собрания трудящихся. И это собрание приняло фашистские резолюции. Плохо, конечно. Но если бы сход прошел под полным контролем большевиков, это было бы лучше? Из практики большевизма во всех местах, где он себя проявлял, можно сделать вывод о том, что это было бы по своим последствиям ничуть не лучше.

Антифашистские альянсы еще и неэффективны в чисто практическом плане. Антифашизм проваливается как раз в том, ради чего он создается: в борьбе с фашизмом. Антифашизм подвергся разгрому в Испании, где тамошние анархисты не придумали ничего лучше, как объединиться с демократами и большевиками в единую коалицию. Власть этого блока осуществляла террор против трудящихся и эксплуатировала их. По итогам она оказалась немногим лучше фашизма, и трудящиеся Испании, в конце концов, перестали поддерживать республику: зачем им было умирать ради каких-то одних буржуев, не поделивших власть с какими-то другими буржуями? Конечно, сегодня времена иные. Но все же непонятно, чем таким особенным может привлечь на свою сторону симпатии трудящихся союз большевиков, либералов и автономов? Почему в глазах общества этот союз должен выглядеть более привлекательно, чем фашисты?

Между тем, существуют конкретные социально-экономические причины возникновения фашизма, главная из которых, как давно всем известно, – само существование капитализма. В этом смысле, несравненно эффективнее и разумнее, на мой взгляд – направить все силы на уничтожение в ходе классовой борьбы самого этого эксплуататорского строя, пожирающего, калечащего, ломающего, физически уничтожившего жизни миллионов людей. Ну и как все-таки частный продукт этого строя сдохнет и фашизм; прикроется лавочка, штампующая из людей безжалостным прессом капиталистической эксплуатации забытых рабов и обнаглевших хозяев, озверевших лузеров и покорных холуев, раздувшихся от сознания собственной важности и безнаказанности хозяев и одуроченную, используемую ими в своих целях «массу». Да и нет другого способа сплотить людей разных национальностей, кроме как через совместную борьбу против начальства, против эксплуатации, против вопиющей несправедливости этой жизни, словом, против капитализма.

Потому что, я думаю, исходно абсолютно каждый рождается человеком, т.е. существом, потенциально способным к развитию и творчеству, сочувствию и солидарности, одинаково нуждающимся в свободе и человеческой общности. По-моему, именно это и делает возможным и необходимым самоорганизацию трудящихся в повседневной борьбе против произвола капитала и государства. Здесь, в этой борьбе, по-моему, место анархо-коммунистов. Именно в этой борьбе и заключается, на мой взгляд, залог успеха социальной революции и построения общества всеобщего самоуправления – коммунизма.

О.С.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕНОЦИД

Шарлемань: Он избавил нас от цыган

Ланселот: Но цыгане очень милые люди.

Шарлемань: Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни не видел ни одного цыгана. Но я ещё в школе проходил, что это люди страшные.

Ланселот: Но почему?

Шарлемань: Это бродяги по природе, по крови. Они – враги любой государственной системы. Иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Они воруют детей и они проникают всюду. Теперь мы отчистились от них, но ещё сто лет назад любой бронеобязан был доказать, что в нём нет цыганской крови.

Е. Шварц. «Дракон»

В течение столетий на территории Европы было два крупных национальных меньшинства – евреи и цыгане. Если положение еврейского населения достаточно хорошо изучено, то история цыган продолжает оставаться уделом немногих специалистов, хотя и она содержит немало поучительных эпизодов.

Большинство ученых сходятся на том, что цыгане (самоназвание «рома») пришли в Европу из Индии. И сегодня европейские цыгане без большого труда понимают индийские фильмы на хинди. По одной из гипотез, предки цыган были бродячими артистами и ремесленниками, кочевавшими между дворами индийских махарадж. Известно, что побудило этих людей оставить родину и направиться на Запад. В 12-13 веке цыгане появляются в Византии. Византийские императоры предоставляют им привилегии, и в течение почти двух столетий цыгане мирно живут на территории угасающей империи. Документы упоминают о них редко, что свидетельствует об отсутствии каких-либо серьезных конфликтов между переселенцами и местным населением (а так же и властями). Большинство цыган, по видимому, занималось ремеслом. Согласно грамотам, полученным ими на Пелопоннесе в 1378 г. и на острове Крит в 1386 г. цыгане зарекомендовали себя как искусные мастера по металлу. Кроме этого они так же изготавливали кожаные ремни, седла, гадали и давали музыкальные и театральные представления.

Кризис и распад Византии тяжело ударил по цыганским общинам. Спасаясь от бесконечных войн, сопровождавших завоевание Балкан турками, цыгане постепенно стали переселяться в глубь европейского континента. В 1417 г. цыгане впервые появились в Трансильвании. В 1417 г. они достигли Франции, в 1425 г. – Испании, в 1500 г. – Шотландии. Европейцам, цыгане рассказывали разные истории о своём происхождении, но чаще всего они говорили о том, что вышли из Египта. Поэтому, например, в английском языке цыган называют «Gipsy» от слова «Египт» – Египет. В скором времени на территории Западной и Центральной Европы число цыган достигло несколько десятков тысяч.

На первых порах цыгане встретили радушный приём. Они достаточно легко усваивали местные верования и поэтому цыгане лишь в исключительно редких случаях подвергались гонениям со стороны инквизиции. Европейские короли предоставили им охранные грамоты. Так французский король Франциск I (1494-1547 гг.) повелел своим служащим оказывать всяческое содействие Антуану Морелю – «своему любимому капитану

Малого Египта», не препятствовать его табору, и даже предоставлять ему место для ночлега. Цыганским вожакам было предоставлено исключительно право суда над своими таборами. Английский король Генрих VI (1421-1471 гг.) повелел судить цыган особыми судами, где половина присяжных состояла из цыган, а половина из англичан.

Итак, на первых порах цыгане успешно нашли свою нишу в Европе. Интересно, что в Англии цыгане постепенно смешались с местными бродячими ремесленниками и артистами – «тинкерами», и стали называться единым термином – «трэвелерз» (путешественники). По сути дела цыгане стали своеобразной нацией-сословьем бродячих ремесленников и артистов. Трудно не усмотреть здесь параллелей с историей европейских евреев, которые обосновались в Европе при аналогичных обстоятельствах (переселившись в Европу в эпоху раннего средневековья из района Средиземного моря), и, по мнению историка-марксиста Аврама Лона, стали торговой нацией-классом.

Однако «золотой век» цыган в Европе был недолог. С конца 15 в. в странах континента начинают приниматься антицыганские законы. Согласно официальным документам причиной возникновения подобного законодательства были «дурные качества цыган», их мошенничество и преступность. Но, зная об аналогичных мотивировках антиеврейских законов, мы должны отнестись к ним с осторожностью, и попробовать понять, почему правители Европы сменили по отношению к цыганам милость на гнев.

Цыгане стали одной из первых жертв формирующегося в Европе капиталистического способа производства. Можно легко заметить параллель между судьбой цыган и трагической участью жертв «огораживания» в Англии. Мелкое ремесло и фермерство уничтожалось, а появившиеся «новые нищие» представляли из себя слишком опасный социальный элемент чтобы с его существованием можно было мириться. Английской бедноте, изгоняемой со своей земле, властями предлагалось только две альтернативы – работать за гроши на мануфактурах или отправляться на виселицу. Как известно, жертвами законов «против бродяг» стало до двух процентов населения Англии. Цыгане, бродячие мелкие ремесленники и артисты стали жертвами этой новой политики. Для нарождающегося капитализма они

были не нужны, а, следовательно, обречены на уничтожение, подобно северо-американским индейцам. Если сравнить гонения на евреев и на цыган, то можно заметить, что преследование последних было гораздо более жестоким и последовательным. Если вопрос об изгнании евреев каждый раз вызывал большие споры среди правящей феодальной верхушки (как это было, например, в Португалии), то цыган обрекали на изгнание и смерть без всяких проблем, несмотря даже на то, что они были христианами. Социально-экономические причины всегда были гораздо важнее вопроса, кто распял Христа!

С 15 по 18 в. в Европе было принято 148 антицыганских законов. Самые жестокие из них принимались в протестантских странах Германии, Англии и Скандинавии. (Самое толерантное отношение к цыганам было в таких отсталых странах как Испания, Турция и Россия). Английский закон от 1554 г. предписывал смерть для всех цыган мужчин, а так же для «тех кто водит или будет водить дружбу или знакомство с египтянами». (Можно предположить, что последнее дополнение было направлено против тинкеров, о которых мы писали выше). Уже в 1557 г по этому закону были казнены семь англичан и одна англичанка. В Швеции закон от 1637 г. предписывал казнить всех цыган мужчин. Фридрих Прусский пошел ещё дальше и в 1725 г. приказал казнить всех цыган старше 18 лет не взирая на пол. В графстве Рейн «всех встреченных в рейнских землях цыган полагается расстреливать на месте». Закон Майнца от 1714 г. предписывал казнь всех цыган мужчин и порку и клеймение женщин и детей. В Габсбургской империи цыгане были поставлены вне закона эдиктом императора Леопольда I. Император Карл VI в 1721 г. приказал вешать и мужчин и женщин, а детей отдавать на воспитание в госпитали.

Все эти драконовские законы проводились в жизнь. В 1724 г. в маркграфстве Баурейт в один день было повешено пятнадцать цыганок, старшей из которых было 98 лет, а младшей 15. В Кавассене в 1722 г. целый табор подвергся пыткам, после которых четырех

цыган колесовали, а головы двух цыганок насадили на пики. В 1782 г. в Венгрии табор цыган обвинили в людоедстве после пропажи нескольких людей. 15 цыган повесили, 6 колесовали, двоих четверговали. 18 цыганкам отрубили головы. Казни остановились только когда пропавшие нашлись.

Если цыганам Европы в отличие от тасманцев или индейцев удалось уцелеть, то в этом нет заслуги европейских правителей. Последние, сделали всё возможное, чтобы «окончательно решить цыганский вопрос». Во Франции с 1504 по 1666 г. антицыганские законы принимались 10 раз! Просто дело было в том, что абсолютистские монархии не располагали таким мощным репрессивным аппаратом, как государства 19-20 вв. Преследуемые цыгане довольно легко могли пересекать границы, прятаться в лесах, подкупать местных чиновников. Как и в случае с евреями, гонения привели к росту изоляции цыган от местного населения. Цыгане стали больше кочевать и ограничили до минимума свои контакты с нецыганами – «гажэ».

Цыгане находили и другие пути для выживания. Одним из них была эмиграция. Так цыгане оказались в Бразилии, где довольно активно занялись работоторговлей и стали процветать. Немногие счастливицы находили себе постоянную работу и тем самым избегали гонений. Другие поступили на военную службу. В 17 в. наблюдался резкий рост численности армий, и рекрутов постоянно не хватало. В Швеции 17 – 18 вв. военная служба стала своего рода цыганской профессией, и практически не было цыгана, не служившего в армии хоть раз. Подобное явление наблюдалось и в других европейских странах. Многие цыгане «ушли на дно» и примкнули к криминальным группировкам. Вынужденная криминализация части цыганского сообщества в свою очередь привела к возникновению антицыганских стереотипов среди широких масс населения, стереотипов которые не наблюдались ранее (Подобное явление можно видеть и в сегодняшней России. Так в ряде регионов из-за отсутствия других заработков, цыгане были вынуждены заняться наркоторговлей, что естественно вызвало гнев их соседей).

Сделав небольшое отступление от основной темы нашего повествования, мы отметим, что судьба цыган имеет много общего с судьбой европейских низов в переломный период 17-18 в. Она объясняет, почему на протяжении почти 150 лет, с 1640 по 1789 гг. Европа практически не знала мощных социальных потрясений. С одной стороны церковная Реформация уже не могла быть идеологией социальных низов – в 17 веке она могла предложить пролетариям и мелким ремесленникам только петлю. Всякое возмущение пресекалось превентивным террором. Наиболее активные представители низов эмигрировали в Америку или на окраины Европы, шли на военную службу (где существовала довольно высокая социальная мобильность) или криминализировались, ведь мы говорим о времени легендарного «Дворца чудес» и Картуша.

Цыган продолжали преследовать вплоть до начала 19 г. Кое-где антицыганские законы не отменены до сих пор. В Италии цыгане и сегодня имеют право жить только в провинции Венето и Сардиния. Если они появятся вблизи другого города, то мэр вправе вызвать войска.

Приход к власти в Германии нацистского режима дал новый толчок гонениям против цыган. Немногие знают, что так называемые «Нюрнбергские законы» от 15 сентября 1935 г. распространялись не только на евреев, но и на цыган. Их жертвами стали немецкие цыгане – синти. Как и евреи они уже давно были интегрированы в немецкое общество как торговцы, ремесленники и артисты. Изначально нацисты взяли курс на физичес-

кое уничтожение цыганского народа. Первоначально планировалось сделать это путём стерилизации. На учет было взято более 20 тыс. цыган Германии. С началом Второй империалистической войны власти Германии вступили на путь немедленного физического уничтожения цыган Европы. По данным ЮНЕСКО результатом этой политики стала гибель полумиллиона цыган. И это всего лишь заниженные и приблизительные цифры. Существенный вклад в дело геноцида цыган внесли коллаборационисты на захваченных немцами территориях. В Югославии усташаи разрывали цыганских детей на куски, забивали их до смерти и хоронили живьем. В Латвии было убито 2500 цыган. В Польше карательный отряд Казимежа Новака даже без приказа со стороны немцев за три месяца истребил около 300 человек.

Тысячи цыган были истреблены в лагерях смерти Трешлинка, Собибор, Аушвиц, Бухенвальд и др. Цыганские дети были главным объектом опытов зловещего доктора Менгеле.

Параимос (на цыганском языке это слово означает «пожирание») – холокост цыган – был крепко забыт после Второй мировой войны. И это не удивительно. Например, на 300 книг о нацистском геноциде евреев, приходится лишь одна книга о геноциде цыган. Большая часть организаторов геноцида цыган так же осталась безнаказанной. Др. Р.Риттер, организатор выявления всех цыган Германии заявил, что не знал, для чего проводятся данные мероприятия и был оправдан.

Если кто-то считает, что гонения на цыган остались в прошлом, то он ошибается. Лишь в 1990-1991 гг. в Восточной Европе произошло 44 цыганских погрома. В Румынии и Польше было разрушено 250 цыганских домов. Из Хорватии большинство цыган бежало, вследствие террора, устроенного против них правительством Ф. Туджмана. В Чехии и Словакии на дверях кафе и ресторанов нередко можно увидеть надпись «Цыганам вход запрещен». Каяться за эти преступления, похоже, никто не собирается. Известный российский левый публицист Михаил Магид, привел автору данной статьи интересный диалог, состоявшийся между одним румынским министром и немецкой журналисткой, близкой к партии зеленых. Во время их беседы за окном проехала цыганская бричка, что отвлекло внимание собеседников. Министр выразил сожаления за столь досадную помеху и невозможность в данный момент решить «цыганский вопрос». Когда же его собеседница возмутилась, достойный представитель румынской демократии, не поняв причину возмущения немки, воскликнул в сердцах – «Но вы же сами навязываете нам соблюдение этих прав человека!» Впрочем, цыганофобская политика не стала для восточноевропейских стран преградой для вступления в Европейский союз.

В отличие от «просвещенной» Европы, в России история цыган долгие годы складывалась почти идил-

лически. Бежав на территорию царской империи ещё в 18 в., цыгане приняли православие, выучили язык и занялись торговлей лошаадьми, гаданием и постановками небольших представлений. Не имея в этих областях конкурентов, они худо-бедно просуществовали до революции. В 20-х годах правительство проводило по отношению к цыганам политику патернализма, схожую с политикой по отношению к другим национальным меньшинствам. Был создан Всероссийский Союз цыган, школы, техникумы, кружки по ликвидации безграмотности. В 1928-1932 гг. была сделана попытка создания цыганской письменности.

С началом сталинской коллективизации и индустриализации у цыган начались проблемы, идентичные тем, что были у их предков в Европе за 200 лет до 1929 г. Власти упорно стремились посадить цыган на землю, создавая цыганские колхозы, или отправить их работать на фабрики. До середины 1950-х гг. кочевым цыганским таборам, отказывавшимся вписаться в систему, приходилось скрываться от милицейских облав. В 1956 г. кочевье было окончательно запрещено и большинство российских цыган осели. Многие из них неплохо вписались в нарождавшиеся структуры теневой экономики и неплохо живут и по сей день. Если раньше, зажиточные цыгане любили обмениваться лошаадьми, то теперь «новые цыгане» обмениваются «Мерседсами» и «БМВ».

Что же касается простых цыган, то для них история, похоже, повторяется. Так в Архангельске губернатор Донской просто депортировал всех местных цыган, посадив их на поезд до Москвы. Под Калининградом власти снесли бульдозерами цыганский поселок, мешавший строительству коттеджного городка. Есть информация, что во многих регионах России цыганским детям отказывают в получении образования и медицинского обслуживания. Так что в цыганском вопросе Россия скоро достигнет общепринятых европейских стандартов, даже без проведения дорогостоящих кампаний за государственный счет (подобно антигрузинской).

История цыган демонстрирует, что геноцид в Европе, в условиях капиталистической системы – это не печальное исключение, а довольно обычная практика. Топор для внезапно попавших в немилость или просто «не вписавшихся в рынок» народов наготове, а шея, как говорят в России, всегда найдётся.

Артем Кирпиченко

ЦЫГАНЕ

Мне было лет 13, когда родителя повезли меня летом на балтийское взморье, в городок под названием Каугури. Я помню там цыганский поселок. Его все обходили стороной. Считалось, что в нем живут опасные люди. Но все же мои еврейские родители и их друзья иногда ходили через этот поселок дорогой к морю.

Вспоминаю свою удивление и некоторые странности места, о котором идет речь. Прежде всего, эти цыгане были оседлыми, но разные люди отзывались о них как о кочевниках и дикарях. А между тем, «дикари» свободно говорили на трех (!) языках: латышском, русском и цыганском. На мои недоуменные вопросы кто-то из старших ответил, что эти жалкие люди живут в окружении русских и латышей, а потому с детства «естественным образом» выучивают два чужих языка, наряду со своим собственным. К сожалению, мне не пришло в голову спросить тогда, в чем именно состоит «естественный образ жизни», и почему ни я и никто из окружающих меня людей не владеет тремя языками, или хотя бы двумя; например, почему наряду с русским никто не говорит на еврейском?

Латвийские цыгане сильно отличались друг от друга. Я видел светленьких, похожих на русских и латышей, а однажды увидел девочку с необычными (позже узнал, что дравидическими) чертами лица и очень смуглой кожей. Эта пестрота человеческих типов тоже казалась странной, непонятной, вызывающей. Но доминировал вполне определенный тип: смуглая кожа, черные волосы. Цыганские девочки были прелестны: гибкие, тонкие, с огромными темными глазами, глубокими как омуты. Помню, одна ссорилась с родителями, ей сказали что-то резкое на непонятном диалекте, и ее огромные черные глаза мгновенно наполнились прозрачными слезами, отчего она стала такой красивой, что в нее просто нельзя было не влюбиться...

Но самым поразительным были развлечения цыган. Однажды они устроили что-то вроде боксерского турнира, в котором приняли участие и юноши и девушки. Они весело дрались друг с другом в боксерских перчатках, не взирая на пол. На почтительном расстоянии от поляны, где все происходило, собралась толпа зевак из числа отдыхающих. И опять зазвучали знакомые слова: дикари, дикие люди, что с них взять...

Замечу, правда, что поселок, о котором идет речь, был очень грязным, впрочем, не грязнее некоторых других, окрестных поселков, населенных русскими и латышами.

Население Советской Латвии вообще не отличалось этнической терпимостью. Миф о советской «дружбе народов» является ничем иным, как вздорной выдумкой. Именно здесь коренятся причины распада СССР. Обращение по-русски латыши чаще всего игнорировали. Что до отношения к отдыхающим, приносившим немалую пользу местному отнюдь не богатому населению, в виде арендной платы за жилье, то о них говорили кратко и выразительно: «миенас жид» («жидовский сезон»). Русские платили латышам взаимностью: однажды в автобусе чуть не избил какого-то латыша, сказавшегося протестантом: ему было высказано все, что возможно о его народе, боге и вере. Единственные проявления дружбы народов, или, хотя бы, некоторой солидарности между ними, наблюдались, как ни парадоксально, в день советской оккупации Латвии. В этот день буквально все мужское и половина женского населения Каугури напивались до последнего предела. На улицах собирались толпы, все вслух (по-русски и по-латышски) ругали «коммунистов». Однако, цыган там не было. Они держались обособлено. Вообще пьянство в Ка-

угури имело чудовищные размеры, но вот пьяных цыган видеть мне не довелось.

Круг общения моей семьи состоял главным образом из интеллигентных ассимилированных евреев. Цыгане же, о которых идет речь, не были таборными кочевниками. Это были самые обычные люди, конечно с особыми культурными традициями, но, в сущности, – типичные обитатели небольшого городка. Они жили оседло, работали где-то, растили детей... Однако, мне объясняли, что цыгане – опасные существа: воруют детей. Так что от них следует держаться подальше, а то, как бы чего не вышло.

...Однажды на пляже пропал ребенок, мальчик. Поднялся крик. Кто-то пустил слух, что ребенка украли цыгане. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мальчик не отыскался – он с друзьями играл в кустах.

Страх, брезгливое отвращение и в то же время любопытство, даже влечение к тем, кто живет «естественной», «дикой» или «полудикой» жизнью, не скованной дисциплиной – вот, пожалуй, те ощущения, которые долгое время связывались в моем сознании с цыганами. С беспощадной точностью радикальные европейские философы – Адорно, Хоркхаймер и другие описывают этот комплекс – типичный набор расистских мифов. Вытесненная ненависть к самому себе, к принудительной авторитарной дисциплине, к рабскому подчинению начальникам, к бесчисленным табу, сковывающим поведение «цивилизованного» человека, неизбежно проецируется на «других». Эти другие могут быть кем угодно – цыганами, евреями, арабами или индусами. В других ты ищешь и находишь запретную часть своего изуродованного «Я.» Отсюда и представления об их якобы «дикости», «животности», «естественности», «природном» (хтоническом) начале, необузданности, сексуальной раскрепощенности, тайных, утраченных цивилизацией магических знаний. Возможно, здесь истоки и мифа о Кармен (в действительности женщины в цыганском сообществе отнюдь не свободны, а, напротив, зачастую скованы более жесткой дисциплиной, нежели у других европейских народов) и странной ненависти-любви к цыганам, и страха и тайного преклонения перед ними.

Немецкий социолог Роберт Курц писал, что Белый человек, уже отмеченный самодисциплиной, мог сорвать на «дикарях» свою вытесненную ненависть к самому себе и свой комплекс неполноценности. Подобно «женщине», они казались ему близкими к природе и примитивными существами, стоящими на полдороги между животным и человеком... Культура в этом смысле – это добровольное подчинение эксплуатации, авторитарно организованному отчужденному труду, а труд носит мужской, белый и «западный» характер. Противоположное начало – нечеловеческая, бесформенная и лишённая культуры природа – является женским, цветным и «экзотическим».

...Детские впечатления мои, воспоминания о запретном поселке, отложились в памяти, как-то подсознательно влияли на отношение к цыганам. Сейчас мне кажется, что эти люди вели вполне самобытную и интересную жизнь, о которой я ничего не знаю, и мало кто знает что-либо.

...В школе учились вместе со мною две девочки-цыганки. Одна была красивой, а вторая... вторая была очень красивой, и они все время держались вместе. Но знакомство наше, хотя и состоялось, имело странный характер. На перемене я подходил к ним и говорил:

-Здравствуйте, товарищи цыгане!

Они за словом в карман не лезли.

-Здравствуйте, товарищи евреи! – отвечали они мне и дружно прыскали со смеху. Мы церемонно раскланивались и тем дело заканчивалось. Вспоминая это, не могу удержаться от мысли, что проводить эту красивую девочку мне мешал все тот же глупый страх.

...Однажды знакомая рассказала ужасную историю, свидетелем которой оказалась. В метро цыганка вытащила кошелек у русской женщины. Или той показалось, что вытащила. Цыганка была обмотана какими-то тряпками, несла за плечами ребенка, была маленькой, щуплой, жалкой. Начался скандал. Женщины заголосили. Какой-то мужчина схватил цыганку за плечи и закричал: «Не отдашь деньги, разобью об стену голову твоего ребенка!» Стала собираться толпа, сгустилась атмосфера погрома. И цыганка отдала деньги – свои ли, или же, в самом деле, украденные, не знаю...

Сегодня, глядя на толпы цыганок в национальных одеждах, не могу отделаться от мысли, что этот несчастный народ, отброшенный на обочину жизни, не ждет в будущем ничего хорошего. Разорение целых, жизнеспособных в прошлом отраслей экономики, сокращение социальной помощи со стороны государства уничтожили цыганские поселки. От безысходности и нищеты значительная часть ромов вернулась к бродяжничеству, попрошайничеству и воровству, к которым добавилась для полного счастья еще и торговля наркотиками. А в то же время традиционные цыганские ремесла, связанные с обработкой металлов, давно забыты. Криминализация и маргинализация цыганского сообщества превращает его в легкую жертву набирающего силу русского фашизма.

Чем на самом деле жили и живут эти люди? Каковы их проблемы, реальные, а не вымышленные? Цыганское сообщество для подавляющего большинства россиян – terra incognita, неизвестная земля. **Вряд ли добавляю понимание такие, пусть и замечательные в художественном отношении фильмы, как “Табор уходит в небо”, рисующие цыган дикими, необузданными существами. Фильмы же Эмиля Кустурицы – скорее философские притчи, нежели что-либо иное. А вот в старом кино с Ириной Муравьевой «Карнавал» цыганка Карма играет стабилизирующую роль. И проникается она симпатией к главной героине – провинциальной девочке как раз потому, что той не приходится в голову глядеть на нее как на «другую» (видимо, в силу недостаточной «цивилизованности»). Английский же комик Саша Козн, в своем последнем фильме «Борат» (кстати, запрещенном пока к показу в российских кинотеатрах) высмеивая анти-цыганские стереотипы, рассказывает о себе как о самом лучшем «охотнике на цыган», который может с 15 метров попасть камнем в цыгана, «разумеется, если того предвзвешенно свяжут».**

Существует глубокая социально-психологическая проблема. И это проблема не одних только цыган. До тех пор, пока не будут изжиты наши собственные комплексы и страхи, до тех пор, пока не будет радикальным образом изменена, исправлена наша собственная больная жизнь, до этих пор дружба народов будет пребывать лишь в области мечты. Все изменится лишь тогда, когда соединятся воедино две половинки целого – нашего собственного, расколотого «Я».

М.Магид

ЧУДЕСА ЕВГЕНИКИ

В последнее время усилились разговоры о том, что деяния человека в мире, его способности, а так же предрасположенность к добру или злу определяется его генами. А раз так, то, мол, необходимо улучшить человеческую породу, основываясь на знаниях ученых. Мы предлагаем вниманию читателей статью Артема Кирпиченка на эту актуальную тему.

Корни евгеники теряются в анналах истории. Издревле людям приходила в голову идея улучшить человеческую породу. Спартанцы убивали младенцев с явными физическими отклонениями, аристократы предпочитали браки среди родовитых людей, дабы не портить породу. Но конечные результаты не оправдали затраченных усилий. Спартанцы перешвыряли в пропасть такое количество младенцев, что сегодня живого спартанца и днём с огнём не найдешь. Аристократия выродилась и деградировала. Кто не верит, пусть взглянет на старшего отпрыска английской королевской семьи, смахивающего на Чебурашку из Освенцима. Или пусть поглядит на израильского наследного принца Омри, похожего на побочный продукт гениальных израильских генетиков - смесь квадратного помидора с цыпленком без перьев.

До поры до времени эксперименты по евгенике не выходили за рамки разумного. Когда было необходимо, древние роды омолаживали свою кровь при помощи бойких кучеров, а Дездемона без проблем шла на ложе к Отелло. Но вот настал просвещенный 19 век. Англичанин Чарльз Дарвин предпринял своё знаменитое путешествие на «Бигле» и по мотивам это поездки написал книгу «Происхождение видов». Тандем Гобино-Чемберлен создал расовую теорию. Некий д-р Франсис Гальтон завернул евгенику в современную научную оболочку и представил её почтенной публике как последнее достижение научной мысли.

И началась свистопляска. Новые идеи пришлись как нельзя ко двору в век колониальных захватов и капиталистических кризисов. Великие державы получили прекрасное идеологическое оправдание своих глобальных амбиций. Мы белые - они цветные, следовательно, мы умные, а они - дураки и должны нам чистить ботинки.

Идеи евгеники очень понравились социал-демократам и прочим реформистам, желавшим укрепить систему, не меняя её сути. Мол, отрежем кое-что у душевнобольных, бедных и бродяг и останутся на земле только молодые и красивые биржевые брокеры.

И всё будет хорошо. Теоретики рассуждали о том, насколько важен высокий процент белой крови в жилах граждан, для преуспевания страны. Новообразованные эмигрантские страны всеми правдами и неправдами заманивали голубоглазых блондинов, видя в их семени секрет процветания.

Пронрырливые американцы как всегда оказались впереди планеты всей и на рубеже 19-20 веков завезли в страну 2 миллиона белокурых норвежцев. Пикантный момент заключается в том, что общее население Норвегии в те годы не превышало 2 миллионов человек. Видимо, некоторые импортирование в США норвежцы были ненастоящими. Но так или иначе арийский генофонд Америке был обеспечен.

Южные соседи США по континенту шли на все тяжкие, чтобы заполучить к себе побольше европейцев аж до середины 20 века. Доминиканский диктатор Трухильдо в годы Второй мировой войны дошел до того, что был готов впустить в страну 100 тысяч евреев, но тут возмутились даже привычные ко всему сионисты, заявив, что они скорее готовы видеть евреев в Треблинке, чем в Сан-Доминго. Так оно и вышло. В конечном итоге бедным латиноамериканским диктаторам, что бы хоть как-нибудь улучшить ситуацию с белой кровью пришлось вплотную заняться геноцидом индейцев, оформив его как борьбу с коммунизмом.

Первыми, кто разочаровался в евгенике, стали японцы. Видимо поняли, что им никогда не удастся завести на Острова Восходящего Солнца достаточное количество блондинистых производителей. Последней попыткой предпринятой в этом направлении, по-видимому, являлся завоз на японские острова огромного количества русских военнопленных, захваченных в годы войны 1904-1905 годов. С пленными обращались на редкость хорошо, наверное, для того, чтобы те сохранили легендарную русскую потенцию. Но тут хитроумных самураев постигло разочарование. В условиях неволи русские упорно не желали размножаться, и вместо того чтобы вплотную заняться гейшами, нахально предавались высокой духовности. В итоге после возвращения пленных на родину генофонд сынов Ямато остался без изменений, зато в Токио и в других японских провинциях появились крупные православные общины. Японцы впали в уныние и от безысходности вернулись к своим традиционным ценностям - сказ и харакири.

В перерывах между войнами евгеникой серьезно занялись в просвещенных странах. Идея избавиться от всех проблем буржуазного общества без малоприятных революций представлялась для многих очень соблазнительной. В целом ряде европейских стран как грибы после дождя возникали центры, призванные кастрировать всех бедных, голодных и блаженных. Наибольшие успехи в этом направлении достигли США и Швеция. В последние большие, нищих, цыган и психов стерилизовали ещё долгое время после Второй мировой войны. В Америке в ряде штатов законы о принудительной стерилизации существуют до сих пор. Как правило, всё происходило очень просто - клиента приглашали заполнить некие бланки за столом, под которым был установлен мощный рентгеновский аппарат. Из-за стола человек выходил уже евнухом.

Нацисты приступили к проблеме со свойственным им радикализмом и перед началом войны стали просто отстреливать психически больных прямо в лечебницах. Но тут с протестами выступила церковь и Гитлеру с компанией пришлось свернуть свои планы, изрядно дискредитировавшие светлые заповеди евгеники.

Интересные вещи происходили в годы войны в пасторальной Исландии. Как известно мирный Рейкьявик волею военного счастья стал перевалочной базой для американских конвоев, плывших в Европу. А на кораблях служило немалое число чернокожих матросов, стремившихся подзаработать, выходя в полные опасности рейсы через Северную Атлантику. Моряки были людьми молодыми, холостыми и весёлыми, и исландские девушки не могли упустить свой шанс. Было то, что было, и через 9 месяцев рождались симпатичные исландо-африканцы, но здесь-то и начиналось самое интересное. Не один чернокожий ребёнок не вышел живым за пределы родильных домов. Все младенцы умерли по тем или иным уважительным причинам. Историю благополучно замолчали на долгие десятилетия. Не обвинять же демократическую Исландию в самом крупном избиении младенцев со времён царя Ирода!

Но Исландия далека от нас, а вот, что творилось на жарком Ближнем Востоке. Как известно, лидеры сионистов не были удовлетворены качеством еврейского человеческого материала, столь необходимого для строительства нового иудейского царства. Кто-то горбат, кто-то близорук, у третьего вообще шнобель выходит за рамки всех мыслимых пропорций. Поработав немного на благо Сиона, Теодор Герцель в сердцах ска-

зал, что прекрасно понимает антисемитов и претензий к ним не имеет. В перспективе виделся только один выход - новый еврейский человек - идущий по полям белокурой сабра (так называют евреев, рожденных в Израиле – прим. ред.), не знающий ни страхов ни сомнений. В то время среди окружения Герцеля наиболее последовательными сторонниками евгеники и расовых теорий были д-р Макс Нордау и д-р Артур Руппин. Все мы хорошо знаем этих господ благодаря богатой фантазии проектировщиков израильских городов. Последователи господина Нордау даже создали в 30-х годах одноименный клуб, призванный изучать еврейскую расу и искать пути её улучшения.

Многие эмигранты из России оказавшись в Израиле спрашивают себя: «Почему же нас не любят? Ведь мы такие же ашкеназим (европейские евреи), как и чертовы снобы из Рамат-Авива.» А вот и нет. Согласно сионистской идеологии любой профессор галутного происхождения (то есть родившийся в странах рассеяния, диаспоры) в подметки не годится Дуду Сассону, торговцу фалафелем из Сдерота. А если духовное, интеллектуальное и нравственное превосходство господина Сассона не очевидно, то можно дорассказать, что дипломы у профессора купленные, а жена его - шлюха, и по ночам убажывает клиентов в Южном Тель-Авиве.

Однако и у Дуду Сассона большие проблемы. Отцы-основатели Израиля принадлежали к этнической группе ашкеназим и разделяли все колониальные предрассудки своей эпохи. Долгое время они вообще не замечали евреев Востока. Но вот наступил роковой 1948 год. И восстало еврейское государство. Увы, то было отнюдь не величественное царство Давида и Соломона, а клочок земли на берегу Средиземноморья. Проблема жизненного пространства встала во всей остроте перед вождями Израиля. Для расширения жизненного пространства требовались солдаты, а их-то как раз и не хватало.

Из Европы удалось заманить тысяч сто евреев, поймав их на неосторожно вырвавшемся слове. Оставшиеся после первых писем от родственников из Святой Земли сказали, что они пошутили, и не в какую Палестину ехать не хотят, лучше лагерь для перемещенных лиц в Германии, чем «маоборот» (трущобы – прим. ред) под Хадерой.

Сатрап Сталин создание Израиля подержал, но делиться евреями категорически не желал, готовясь к жесткой схватке с Америкой в сфере высоких технологий и в космосе. А тем временем в израильском руководстве боролись между собой две линии. Одни говорили, что выхода нет и надо завозить «мизрахим» (восточных евреев.- прим. ред.) Другие видели в этом страшный грех: разбавления светлой ашкеназской крови какими-то темными африканскими примесями. Сила, мол, не в количестве, а в качестве, и со временем можно будет вывести супер-сабру, способного одной левой уложить десяток арабов и пару галутных жидков.

В итоге победила демократия, то есть решение реалиста Бен-Гуриона, который понимал, что пока выведут нового человека пройдут годы, а Великий Израиль надо строить уже сейчас. Правительство дало добро на завоз «марокканцев», «йеменцев» и «иракцев». Добрый вождь даже выразил надежду (незаметно постучав под столом по дереву), что рано или поздно в Израиле появится «марокканский» начальник генштаба и пообещал 100 фунтов каждой матери, родившей 10 детей.

Но оппозиция не дремала и готовила ответный удар. В министерстве здравоохранения окопались мощные силы сторонников евгеники. Одним из их вождей был д-р Йозеф Меир, уроженец Вены в течение 30 лет возглавлявший «Купат Холим Кларит» (израильская система медицинских учреждений – прим.ред.). В тридцатые годы его статьи о прелестях евгеники не сходили с первых полос газеты «Давар», но в изданный в 50-х годах полный сборник его трудов эти монографии не вош-

ли. Издатели обнаружили ряд неприятных параллелей между идеями д-ра Меира и недавней практикой д-ра Менгеле. Другим адептом евгеники был сам начальник департамента здравоохранения, профессор Шифра Шварц, прославившийся зоологической ненавистью к эмигрантам с Востока.

Предлогом для широкомасштабного наступления на представителей «низших рас» послужила такая безобидная болезнь, как лишай. В заявлениях заправил Минздрава лишай превратился в угрозу национального масштаба. Под Бер-Шевой и под Хайфой были открыты специализированные центры по борьбе с лишаем. Для изничтожения злой болезни у американской армии закупили рентгеновские аппараты.

Дальше всё просто. По всей стране с уроков забирали школьников с простыми еврейскими фамилиями Толедано и Кадури и на грузовиках отправляли их в специализированные центры. Там добрые медсестры брили их наголо, зажимали головы детей между коленями (чтоб не рыпались) и засовывали жертв в рентгенаппарат. После двух-трех подобных экзекуций лишай как не бывало.

Правда, лечение имело некие побочные эффекты типа онкологических заболеваний и в конечном итоге мучительной кончины. Из 100 тысяч восточных евреев «вылеченных» от лишая, 40 тысяч не дожили до пятидесяти лет.

А где же правда? Правда скрыта в архивах Минздрава, но получить допуск к протоколам заседаний министерства так же сложно как достать протоколы переговоров Гесса с англичанами в 1940 году. Нет доступа и к больничным картам детей, подвергавшихся облучению.

А вот ещё одна тайна. До сих пор не ясно, кто был тот добрый дядя, который оплатил борьбу с лишаем в отдельно взятой стране. Известно, лишь, что деньги пришли как всегда из Америки. В программе 10 канала Израильского телевидения было высказано предположение, что средства, возможно, выделила американская компания, производящая рентгеновскую аппаратуру, дабы исследовать побочные следствия радиации. То, что таковые имели место, во врачебном мире уже тогда никто не сомневался (лишь в американских комиксах из номера в номер публиковали рассказы о «Radioactive Man», приобретаем при ядерном взрыве сверхчеловеческие свойства, на страх Аль Капоне и красным шпионам).

Любопытно, что бы сказало израильское правительство, если бы эта история имела место не под Хайфой, а где-нибудь в Биробиджане? Честно говоря, у меня не хватает фантазии. Но так как дело было в Израиле, а жертвами борьбы с лишаем стали всякие там марокканцы и йемениты, то, как сказал нынешний министр здравоохранения Дани Наве, речь идёт всего лишь о врачебной ошибке. Дело закрыто. Не тревожьте заслуженных людей.

После Второй мировой войны евгеника, как и расовые теории, вышла из моды, но это не значит, что нам ничего не грозит. Снова из высоких коридоров мы слышим знакомые мелодии о бедняках, которые обходятся казне слишком дорого, об избранности каждого, кто стоит больше 100 миллионов баксов, и еще о том, что арабы и китайцы не воспринимают смерть так, как её воспринимаем мы, европейцы. А посему дорогие друзья, если среди вас есть любители водочки и травки, чокнутые тунеядцы, живущие на пособие или на сомнительные доходы, недобросовестные потребители, которые к тому же любят расходовать своё семя на внебрачные связи, очень советую вам каждый раз заглядывать под стол, когда вас пригласят заполнить бумаги в ответственном учреждении.

Артем Курпиченко

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ТРИ ЭТАПА ВСЕМИРНОЙ БОРЬБЫ

По многим формальным признакам борьба французских пролетариев во Франции 2006 г. была похожа на аналогичные пролетарские выступления последних 14 лет – лет, прошедших после краха государственно-капиталистических режимов. Вопреки надеждам буржуазии, крах мнимого коммунизма в СССР означал не «конец истории», но начало нового этапа в истории пролетарской борьбы.

Начало этого нового этапа можно, наверное, отнести к малоизвестным пролетарским восстаниям в иракском Курдистане в начале 1991г. – восстаниям, подавленным совместными усилиями курдских националистов и иракского режима Саддама Хуссейна. Вслед за этим последовал бунт в Лос-Анджелесе в 1992г., затем наступила пауза в несколько лет, но с 1997г. выступления шли почти непрерывно, они гасли в одной точке земного шара лишь затем, чтобы вспыхнуть в другой.

1997г. – полуреволюция в Албании, в ходе которой 14 городов Юга страны, контролировавшихся народными собраниями создали конфедерацию. 1998г. – восстание в Индонезии. 1998-1999гг. – подъем пролетарской борьбы в России. В начале 2000-х годов на несколько лет центр борьбы переместился в Латинскую Америку: 2001г. – полуреволюция в Аргентине, 2000 и 2005 гг. – восстания в Эквадоре, 2003г. – восстание в Боливии. Затем на рубеже 2004 и 2005гг. волна охватила СНГовию – Украину, Россию, Киргизию, Узбекистан. И вот радикальное пролетарское движение борется уже не на периферии мирового капитализма, а в одном из его центров – в Западной Европе.

Какими наивными апологетами капитализма выглядят теперь украинские левые сталинисты, издающие журнал «Против течения», журнал, в №3 которого черным по белому написано: «Революция в империалистических метрополиях не имеет шансов. Верить в нее – маниловщина. Мировых кризисов, сравнимых по масштабам с Великой депрессией, больше не будет. Современный капитализм научился снижать их накал, изобрел множество национальных и международных институтов для их глушения, а также умеет перекладывать основную их тяжесть на периферию империалистического мира. Никакие войны и конфликты не могут разжечь пламя мировой революции в империалистических метрополиях, поскольку коммунистическая идеология как политическая альтернатива находится там на последних задворках. И положение не изменится, пока миру не предстанет более положительный опыт социалистического строительства, чем советский...» (Д. Левыкин. Немецкая «Левая партия» на парламентских выборах 2005г.// «Против течения», №3, с.42).

С точки зрения сталинистской концепции империализма современное пролетарское движение во Франции совершенно необъяснимо. Эта концепция (восходящая, впрочем, к идеям Гобсона и Ленина) считает, что пролетариат Запада (или, во всяком случае, его большая часть) обуржуазился и превратился в рабочую аристократию, паразитирующую за счет трудящихся Третьего мира, и именно поэтому никакой революционности ждать от него не приходится.

На самом деле реальная динамика капитализма гораздо сложнее. Да, бесспорно, что рабочая сила в странах капиталистической периферии дешевле. Поэтому капиталисты при прочих равных условиях склонны вывозить капиталы туда (создавая тем самым в странах зависимого капитализма современную промышленность и революционный пролетариат). Однако следствием этого для стран капиталистического центра является деиндустриализация и превращение значительной части вчерашних рабочих не в жирующих за счет Третьего мира рантие, а в отверженных безработных. С

другой стороны, происходит ухудшение положения остающихся в странах капиталистического центра наемных работников. Капиталисты говорят им: «зачем мы будем платить вам прежнюю зарплату и сохранять вам прежние условия труда и жизни, если мы можем нанять рабочих в Индии или Таиланде за вдесятеро меньшую зарплату. Соглашайтесь с уменьшением реальной зарплаты и общим ухудшением жизненных условий, иначе вообще окажетесь за воротами».

Все последние 30 лет глобального наступления капитала на пролетариат сопровождалось ухудшением жизни пролетариев не только капиталистической периферии, но и капиталистического центра, происходило выравнивание жизненных условий мирового пролетариата по худшим образцам. Не пролетарии Третьего мира поднимались до уровня жизни Первого мира, а пролетарии Первого мира опускались до уровня Третьего мира. Исчезла прежняя жесткая географическая грань между Первым и Третьим Миром. Острова Первого мира теперь можно найти в Третьем мире, отмечает социальный исследователь Тони Негри, – а моря нищеты, в послевоенное тридцатилетие считавшиеся исключительным достоянием Третьего мира, теперь в изобилии встречаются в Первом мире. «Третий мир не исчез совсем в ходе объединения мирового рынка, а стал частью Первого мира, стал гетто, городом трущоб, фавеллой в самом его сердце... Первый мир, в свою очередь, перешел в Третий в форме бирж и банков, транснациональных корпораций и холодных небоскребов, денег и управления. И экономическая и политическая география в равной степени изменены таким образом, что разграничительные линии между различными зонами сами по себе стали нестабильными и подвижными. В результате весь мировой рынок все больше представляется единой взаимосвязанной сферой эффективного применения капиталистического управления и принуждения» [1].

Против ухудшений условий труда и жизни и выступили молодые французские пролетарии. За последние 11 лет это уже не первое выступление пролетариев Франции. Нельзя забывать ни о забастовке декабря 1995г. против наступления на пролетариев государственного сектора, ни о борьбе французских пролетариев в 2003г. против антипенсионных реформ. Нельзя забывать, наконец, и о мятеже молодых пролетариев пригородов в ноябре 2005 года.

А причем здесь пролетарии? – спросят нас. – Каким боком могут быть причислены к пролетариям студенты, самая что ни на есть мелкая буржуазия, или безработная и самозанятая молодежь пригородов?

Класс эксплуатируемых капиталом лишенных власти и собственности работников не образует неизменяющуюся надисторическую категорию, он эволюциони-

рует вместе с эволюцией капитализма. Те, кто смотрит на пролетариат сквозь очки полувековой давности и считает пролетариями лишь имеющих постоянную работу рабочих крупных промышленных предприятий, организованных в профсоюзы и голосующих за самую правильную коммунистическую партию, те очень ошибаются и отрезают себе путь к революционному действию. С головой, повернутой назад, невозможно идти вперед... В 1830-е годы великому французскому революционеру Бланки на одном из бесчисленных судов над ним судья задал стандартный вопрос: «Ваша профессия?» – «Пролетарий» – «Во Франции нет такой профессии». – «Девять десятых населения Франции принадлежат к ней».

Говоря о том, что девять десятых населения Франции являются пролетариями, Бланки понимал под пролетариями не рабочих очень редких тогда во Франции крупных промышленных предприятий, но всех, эксплуатируемых капиталом и государством. И подобная характеристика полностью применима к современной ситуации. Современный пролетариат – это не общепризнанный авангард человеческого прогресса, каким он считался в 1870-1960-е годы, а класс отверженных и обездоленных. Но именно на такой же класс отверженных обратил свой взор молодой Маркс и именно к нему, к классу «детей Каина» взывал великий французский поэт Бодлер:

«Каина дети! На небо взберитесь!
Сбросьте неправого бога на землю!».

Буржуазия своим непрерывным наступлением последних 30 лет сломала классовый компромисс, длившийся в Западной Европе почти столетие. Пролетариат лишился завоеваний и прав, закрепленных формально в законах и фактически охранявшихся партиями и профсоюзами. Эти права защищали рабочего от полного всевластия хозяев и в то же время на корню душили все революционные устремления рабочих. Эти права обеспечивали нерушимость условий капиталистической эксплуатации, условий, умеряемых партиями и профсоюзами от эксцессов. Реформистские партии и профсоюзы были посредниками между капиталом и пролетариатом, посредниками, которые удерживали буржуазию от избыточных злоупотреблений своей властью и в то же время подчиняли пролетариат буржуазии. Теперь нет посредников, теперь класс стоит против класса и только сила может решить спор между ними. Что ж, только от решимости пролетариев зависит стать сильными...

История пролетарской борьбы прошла через два основных этапа и вступила в новый, третий этап.

Первый этап пролетарской борьбы – это раннее революционное пролетарское движение. В историческом центре мирового капитализма – в Западной Европе – этот этап кончается поражением Парижской Коммуны. Пролетариат этого периода – это либо сопротивляющиеся принудительной пролетаризации ремесленники либо помнящие дофабричную жизнь промышленные рабочие первого поколения. Вопреки марксистски-прогрессивным догмам, эти ранние пролетариаты выступают в качестве чрезвычайно революционной силы. Они не считают капитализм вечным и естественным. Они видели его начало и именно поэтому надеются увидеть его конец. Кроме того, работая на небольших предприятиях, они чувствуют, что прекрасно могут управлять этими предприятиями сами, без начальников.

Революционно-социалистическое сознание пролетариата являлось в ту пору реальным фактом. Каким образом возникло данное сознание? Оно появилось не изнутри капитализма, не из капиталистического предприятия и капиталистической системы самих по себе. Оно явилось результатом столкновения возникающей капиталистической системы с присущими пролетариату первого поколения (разоренным капиталистами крестьянам и ремесленникам) традициями средневекового общинного коллективизма. Именно благодаря таким еще существующим традициям общинного коллективизма пролетариат 19в. куда с большей легкостью, чем современные пролетариаты, могли самоорганизоваться для совместной борьбы – самоорганизоваться не в масштабах всего общества, но в масштабах мастерской, цеха, квартала, даже города. Именно благодаря традиции коллективистских отношений, присущих деревенской общине и средневековому цеху, пролетариат первого поколения понимал возможность смены капитализма другим строем, при котором коллективистские отношения охватят все общество: «...в ночь перед казнью Джеку приснилась Англия. Она была невысокая и тесная, как деревенская кузница. Джек шел по Англии узким проходом, а у стен стояли и работали свою работу разные люди: бочары, кровельщики, седельщики, шорники и пивовары. Тут же, у стен, примостились со своими оселками и косари. По красным, воспаленным векам он узнавал кузнецов и угольщиков, а те, которые сильно кашляли, это были люди с серных разработок. В Англии было тесно и шумно, но все работали мирно и никто никого ни в чем не упрекал. А когда кому-нибудь случилось обронить на пол топор, долото или шило, двое или трое соседей наклонялись, чтобы ему помочь» [2].

Современный историк Эрик Хобсбаум отмечает, что в странах наиболее быстро развивающегося капитализма – в Британии и во Франции в начале 30х годов 19 века «самосознание пролетариата как класса уже существовало». Именно в этих странах в 20е годы того же века «родились и концепция и слово «социализм». Оно сразу было принято рабочими в меньшей степени во Франции и широко распространилось в Британии» [3].

Правда в ту пору существовали уже и крупные фабрики и число их росло. Там наряду с пролетариями низкой квалификации (зачастую выходцами из сельских общин), трудились рабочие-ремесленники, наследники цеховых мастеров Средневековья. В ту пору квалифицированные рабочие выполняли множество операций на станках, на которых можно было обрабатывать и огромные и крошечные детали. Разделение труда не зашло столь далеко, как в последующую конвейерную эпоху; труд квалифицированного рабочего отчасти носил творческий характер. Будучи высококвалифицированными специалистами, такие рабочие зачастую, разбирались в производственных процессах много лучше администрации. Современный немецкий социальный исследователь Карл-Хайнц Рот писал: «...Квалифицированные рабочие-ремесленники, пусть и проиграв ожесточенные оборонительные бои на первой фазе индустриализации, еще до рубежа столетий (19 го и 20

го – прим. ред.) действительно в значительной мере держали в своих руках кооперирование труда на фабрике... Но процесс концентрации промышленности к этому времени далеко еще отстоял от выдвинутой Марксом критериев – «критической массы» и всеобщего распространения (особенно в сельском хозяйстве). Поэтому тип выплавленного на промышленных крупных предприятиях производственно-сознательного рабочего-ремесленника, несмотря на свою большую организационную мощь, так никогда и не стал преобладающим по отношению ко всему пролетариату» [4].

Социализм для пролетариев первой волны – это строй рабочего самоуправления, когда все работники вместе управляют производственным процессом. Еще нет рабочей бюрократии – этой социальной основы реформизма, еще нет реформистских партий и профсоюзов. Еще не произошло деления рабочей борьбы на политическую и экономическую, поскольку пролетариат лишен избирательного права и не интегрирован в политическую систему капитализма. Основные методы борьбы – это митинги, заговоры и восстания, т.е. прямое действие, основные формы рабочей организации – это политические клубы и тайные общества. Цель – революция, революция одновременно и против пережитков прежнего докапиталистического гнета, и против наступившего нового капиталистического гнета. «Можно ли назвать Парижскую Коммуну социалистической революцией? – задает вопрос Хобсбаум. – Почти наверняка можно, хотя этот социализм был еще мечтой времени, предшествовавшего 1848 году, мечтой о самоуправляемом сообществе или сообществах производителей, требующих радикального и систематического вмешательства общественной власти».

Это раннее революционное пролетарское движение потерпело решающее поражение с гибелью Парижской Коммуны. Именно гибель Коммуны обусловила неизбежность нового, реформистского этапа в рабочем движении, этапа, идеологией которого в большинстве стран (кроме США и Англии) стал марксизм. Здесь не место рассматривать, почему и как теория революционера Маркса превратилась в реформистскую теорию марксизма. Достаточно указать, что подобное превращение сделалось возможным в том числе благодаря марксовому прогрессизму, прогрессизму, который давал возможность соединять реформистскую практику в настоящем с надеждами на революцию в неопределенном будущем. Не место здесь также во всех подробностях рассматривать историю марксистского реформистского столетия, достаточно указать, что в 1914-1919гг. часть марксистов предприняла замечательную попытку порвать с социал-демократическим марксизмом и вернуться к революционному коммунизму. Но эта попытка оказалась, по большому историческому масштабу, не началом нового, а рецидивом великого прошлого и предвосхищением великого отдаленного будущего, в настоящем же Третий Интернационал полностью переродился и стал открытым пособником буржуазии в три раза быстрее, чем Второй.

Если оставить в стороне эту великую попытку 1914-1919гг., и смотреть на доминирующую социал-демократическую тенденцию марксистского столетия, мы увидим следующие определяющие признаки второго этапа пролетарской борьбы.

Основной фигурой пролетарской борьбы этого периода является потомственный промышленный рабочий. Он лишен непосредственной памяти о докапиталистических порядках и другой жизни, чем при капитализме, не знает. Социализм для него – это тот же капитализм, только без его плохих сторон. Такому представлению о социализме способствует и то обстоятельство, что рабочий на конвейере крупного промышленного предприятия лишен знания о производственном процессе в целом, знания, каким обладал ремесленник в небольшой мастерской. Конвейерный рабочий выпол-

няет лишь узко специализированные операции, обычно плохо представляя себе принципы работы всего производства. Он не чувствует себя способным обойтись без начальника – другое дело, что на его взгляд, начальники должны быть хорошими или, самое большее, выборными и подконтрольными.

Борьба потомственных промышленных рабочих жестко и плотно контролируется реформистскими партиями и профсоюзами. Происходит четкое деление борьбы на экономическую – забастовки на предприятиях и политическую – выборные кампании. Рабочие получили избирательное право и, т.о, были интегрированы в политическую систему капитализма. Реальной целью борьбы рабочих данного периода являются реформы, к практической ориентации на которые в большинстве случаев добавляется мечта о социализме, мечта, столь же мало воздействующая на реальное поведение, как на поведение большинства христиан – мечта о рае. Для этой стадии пролетарского существования хорошо подходит описание современного немецкого историка Эрнста Нольте, который считал, что в условиях индустриального общества 20го столетия пролетариат практически неизбежно попадает под власть технократии. Нольте писал : «...буржуазное общество... будет нерушимо, и тем в большей степени, чем дальше оно отойдет от исходной точки развития, если только пролетариат останется изолированным. Технические и интеллектуальные кадры индустриального общества не обязательно должны порождаться буржуазно-либеральным путем, но если они уже есть, пролетариат не может победить, если они выступают против него...» [5]. В таких условиях, утверждал Нольте, чистая пролетарская революция невозможна.

Второй этап пролетарского движения легко делится на три подэтапа (вообще приводимая нами хронология относится прежде всего к Западной Европе, в странах запоздалого капитализма эта хронология была другой и – что важнее – этапы накладывались друг на друга, – сила русского и испанского рабочего движения первых десятилетий 20 века шла от первого этапа, а их фатальная слабость – от второго). 1871-1914гг. – первая эпоха социального компромисса, расцвет социал-демократии, 1914-1945гг. – кризисная эпоха войн и революций, момент бифуркации, когда разные классы борются за противоположные пути решения общественного кризиса. В этой борьбе победила буржуазия, но она была вынуждена пойти на значительные уступки пролетариату. Наступили идиллические десятилетия 1945-1968 «государства социального обеспечения» (то, что идиллию эту нельзя принимать буквально, для революционеров понятно само собой).

В конце 1960-х годов начался кризис «государства социального обеспечения». Всем стало очевидно, что эпоха социального компромисса подходит к концу, что государство социального обеспечения обречено, вопрос состоит лишь в том, будет ли оно свергнуто социальной революцией или капиталистической реакцией. В длившейся больше 10 лет борьбе силы революции потерпели поражение, и с начала 1980-х годов капиталистическая реакция перешла в наступление по всем фронтам. Началась политика неолиберализма и шоко-терапии. Государственные предприятия приватизировались, трудовое законодательство менялось в сторону ухудшения прав работников, росла безработица, ликвидировались или урезались социальные пособия и дотации неимущим. В итоге даже в ведущих странах Запада квалифицированные рабочие и служащие, имеющие постоянную стабильную работу, перестали составлять основу пролетариата. Невероятно возросло по сравнению с предыдущими годами число временно или неполностью занятых, безработных и перебивающихся случайными заработками. Особенно высока безработица среди молодежи. Те же самые процессы, но в еще больших масштабах имели место в странах капи-

талистической периферии – в Азии, Южной Америке, на Востоке Европы. В начале 1990-х годов буржуазия праздновала триумф и осмелилась даже провозгласить «конец истории».

Одновременно, происходили определенные изменения в сфере общественного производства. Появились новые технологии. Отличительная черта новых технологий – это, по мнению Элвина Тоффлера и других исследователей постиндустриализма – искусственный интеллект, миниатюрность, компактность, способность сберегать ресурсы. В этих условиях возникает необходимость качественно нового подхода к труду. Он теперь может основываться не на изматывающей рутине повторяющихся сравнительно простых механических операций, а на гибком творческом отношении к производственному процессу и на суверенном распоряжении рабочим временем[6].

Конвейеры постепенно отходят в прошлое. Резко возросла потребность в творчески мыслящих специалистах, способных работать со сложным оборудованием, кооперироваться между собой и самостоятельно принимать решения. Как ни странно, но дальнейшее усложнение процессов труда делает подобную кооперацию все более необходимой. Наемные работники, управляющие производственными процессами, должны действовать как одна команда, хорошо понимать друг друга. В противном случае возникнет чрезвычайно опасная ситуация нарушения координации между производственными процессами. И никакая бюрократия не способна больше данную задачу решить.

Крупные предприятия начали дробиться на множество небольших, автономных подразделений, зачастую конкурирующих между собой. В рамках этих подразделений некоторая часть трудящихся получила (с ведома и под контролем начальства) возможность самостоятельно организовывать трудовой процесс. Сложность, однако, состоит в том, что высококвалифицированные пролетарии, представляющие собой сегодня ядро производственного процесса, находятся между собой в конкурентных отношениях и свысока смотрят на безработных и временно-занятых.

Наконец, в условиях глобализации, кризис переживает и идея нации. Миллионы людей покидают свои страны, эмигрируя в более развитые регионы. Их место, напротив, занимают миллионы беженцев из других регионов и стран, и даже с других континентов. В таких условиях роль национального правительства свелась к конкуренции с другими правительствами за привлечение транснационального капитала. Естественно требование международного капитала: максимальная гибкость в эксплуатации местной рабочей силы. Это означает ограничения для работы профсоюзов, дальнейшее ухудшение трудового законодательства, абсолютную власть предпринимателя на производство. А с другой стороны – все более низкие налоги на бизнес. Это в свою очередь, лишает подпитки социальное государство, разрушает его, ведет к росту неравенства и превращает жизнь пролетариев, отныне лишенных пособий, бесплатной медицины и образования, субсидий на жилье и пр. в настоящий ад. Отсюда необходимость поддержания эффективного порядка – важно контролировать пролетарские протесты и вовремя подавлять их. Современный исследователь глобализации Зигмунт Бауман отмечает, что современные государства все больше превращаются в полицейские участки, конкурирующие между собой за размещение капитала [7].

Если государство не выполняет необходимые требования, то финансовые потоки обходят его стороной и оно превращается в сплошную зону бедствия. Если же выполняет, то принуждено разрушать любые механизмы социальной защиты и любые твердые гарантии в области трудовой деятельности. И в этом случае оно, опять-таки становится зоной бедствия и превращается в агента международного капитала.

Итак, третий этап пролетарской борьбы, предвестником которого был май 1968г. продолжал свою эволюцию. Этот третий этап далеко не полностью определился в своих характеристиках – в том числе и потому, что большая часть левых, ностальгически глядя назад, в упор не замечала его существование. Но без осознания людьми их собственных действий эти действия носят обыкновенно характер невнятной межеумочности.

Какие характеристики этого третьего этапа пролетарской борьбы мы можем определить уже сегодня?

Первое и, возможно, главное. Промышленные рабочие не являются более ведущей силой, авангардом всего пролетариата, а забастовка не является главной формой пролетарской борьбы. В пролетарских выступлениях последних десятилетий на равных участвуют промышленные рабочие, безработные, самозанятые, пролетаризированные в результате разорения мелкие буржуа и пр. пролетарские слои. Ведущей формой их борьбы является прямое действие – демонстрация, перекрытие дорог, захват административных зданий и т.п. Центр борьбы – не на заводе, а на улице. Реформистские партии и профсоюзы слабо контролируют или вовсе не контролируют борьбу. Достаточно часто (как сейчас во Франции, например) борьба руководится общими собраниями.

Все это – сильные стороны нового пролетарского движения, стороны, отрицающие второй, реформистский этап пролетарской борьбы и воскрешающие многие замечательные черты героического первого этапа. Но нельзя забывать о слабых сторонах современного пролетарского движения.

Современные пролетарии, в отличие от ремесленников и рабочих первого поколения, в значительной степени атомизированы развитием капитализма, жизнью в условиях постоянной конкуренции. Выходящие на улицу против очередного грабительского закона или избирательного мошенничества пролетарии очень часто представляют собой не совокупность органических коллективов, а толпу одиночек, толпу, легко поддающуюся на посулы оппозиционных буржуазных фракций. Своей доверчивой бестолковостью современные пролетарские выступления порою заставляют вспоминать восстание «Ника» в Константинополе в 532г. (кто не знает, что это было, пусть прочитает роман В. Иванова «Русь изначальная»). Эти выступления легко вспыхивают и легко гаснут, не оставляя за собой устойчивой традиции. Много раз власть лежала на улице (Албания, Аргентина, Боливия, отчасти – Украина и Киргизия), но пролетарии не догадались, что нужно наклониться и поднять ее. Для подавления этих движений, в отличие от подавления восстаний парижских пролетариев в 1795, 1848 и 1871г., буржуазии даже не требуется военной силы. Единственный случай, когда пролетарское выступление было подавлено военной силой – это Узбекистан прошлого года, во всех остальных случаях оно проиграло из-за собственной политической слабости.

«Оранжевая революция» на Майдане

Современный промышленный пролетариат есть огромный массив, сохранившийся со времен индустриального капитализма в нашу эпоху, когда капитализм вступил в стадию деиндустриализации. Без промышленных рабочих, которые могут как парализовать капиталистическое производство, так и наладить (в союзе с инженерами, учеными и т.д.) производство на новых началах – ни того, ни другого не могут сделать сами по себе ни студенты, ни молодежь из пригородов – революция невозможна. Однако промышленные рабочие сейчас не находятся ни на острие общественного прогресса, ни в самой глубокой точке общественного упадка. Если проводить аналогию с военным искусством античности, то студенты и молодежь пригородов, это – легкая пехота, начинающая бой, а промышленный пролетариат – тяжелая пехота, вступающая в бой последней, но решающая его судьбу.

Современный пролетариат многонационален – более, чем когда-либо. Потенциально многообразие культур несет в себе возможности для синтеза, появления новой великой цивилизации. Но вместе с тем, именно в силу сохраняющихся национальных различий, пролетариат разобщен более, чем когда-либо. А подобное разобщение таит в себе опасность роста межнациональных конфликтов, как суррогата классового борьбы.

Отсутствует позитивная идея-сила. Пролетарии чувствуют, против чего нужно бороться, но не знают, за что бороться. Революционные группы, уцелевшие от прошлых героических времен (левые коммунисты и пролетарские анархисты) в значительной части случаев идут вперед, с головой, повернутой назад, а о современности любят говорить только альтерглобалистские реформисты.

Мы – не марксисты и не гегельянцы, и мы не верим в то, что новый этап пролетарской борьбы обязательно станет синтезом всех достоинств первых двух этапов, и что все будет к лучшему в этом лучшем из миров. Единственное, в чем мы уверены, так это в том,

что «боритесь – и поборете», и что действовать нам придется именно в том пролетарском движении, которое есть сейчас, а не в том, которое было когда-то.

В конце концов, на своих первых стадиях раннее пролетарское движение своей bestолковостью и bestознательностью очень часто напоминало современные пролетарские бунты. Без сознательного действия людей, борцов, теоретиков, героев и мучеников пролетарской борьбы, оно никогда не стало бы тем, чем стало. Освобождение пролетариата невозможно без сознательного социально-революционного движения, а подобное движение невозможно без единства революционной мысли и революционного действия.

Марлен Инсаров

1. Тони Негри. Империя.
2. З.К. Шишова. Джек-Соломинка.
3. Эрик Хобсбаум. История Цивилизации.
4. Карл-Хайнц Рот. Новые классовые отношения и перспективы левых.
5. Эрнст Нольте. Фашизм и его Эпоха.
6. Элвин Тоффлер. Третья Волна.
7. Зигмунт Бауман. Глобализация: Последствия для Человечества и Общества.

КАКИМ БЫТЬ РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ: РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИЛИ ПРОФСОЮЗНЫМ?

Если мы проанализируем историю борьбы трудящихся в России за последние 17 лет, то увидим, что эта борьба не развивается постепенным, эволюционным путем, шаг за шагом, но носит взрывчатый, скачкообразный характер. За долгими периодами раздавленности и пассивности пролетариата (то есть класса обездоленных, лишенных власти над средствами производства и общественной жизнью в целом, людей) следуют резкие всплески пролетарского сопротивления. Эти бурные вспышки пролетарского сопротивления были обусловлены в конечном счете кризисом существующей в данный момент модели российского капитализма, кризисом, толкающим пролетариев на борьбу. Но в оба периода подъема пролетарской борьбы – в 1989-1991 и 1998-1999гг. – у пролетариев в их подавляющем большинстве отсутствовало понимание того, чем и как нужно и можно заменить капиталистические порядки. У них отсутствовало революционно-социалистическое сознание. Поэтому выход из капиталистического кризиса осуществляла консолидировавшаяся на новой основе буржуазия. Она осуществляла переход к новым формам своего господства и новым способам эксплуатации пролетариата, что обеспечивало ей еще несколько лет сравнительно спокойной жизни.

Но русская буржуазия в условиях упадка мирового капитализма всегда оказывалась неспособной преодолеть тупиковый характер российского капитализма, поэтому новый кризис был неизбежен. Подобная история повторялась уже дважды. А происходящее с начала

2005г. расшатывание путинской модели государственного-монополистического капитализма показывает, что не за горами уже третий на памяти живущего сейчас поколения кризис российского капитализма, кризис, исход которого далеко не предрешен и который может завершиться либо пролетарской революцией, либо повторением старой истории – т.е. приходом к власти новой буржуазной группировки. Что должно делать движение трудящихся, чтобы не наступать на старые грабли и, выдвинув собственную освободительную альтернативу, вырвать общество из болота маразма и разложения?

ПОДЪЕМЫ И СПАДЫ

Первый - и наиболее мощный - подъем пролетарской борьбы приходится на 1989 – 1991гг. – на эпоху шахтерских стачек. Они стали пролетарской классовой реакцией на экономический кризис существовавшего в СССР государственного капитализма. Однако бастовавшие шахтеры – а равным образом и другие пролетарии – хорошо знали, против чего нужно бороться, но плохо представляли себе, за что нужно бороться, чтобы освободиться от угнетения. В большинстве своем они разделяли иллюзии, что переход от государственного к частному капитализму даст им свободу и благосостояние. Поэтому шахтерское движение шло по ниспадающей линии. Самой классово самостоятельной и мощной была стихийная шахтерская забастовка 1989г. Однако, созданные в ходе нее шахтерские профсоюзы очень быстро оказались под контролем буржуазных групп, стоявших за пе-

реход к частному капитализму. Шахтерские стачки 1990-1991гг., организованные этими профсоюзами, по классовой самостоятельности намного уступали замечательной стихийной всеобщей стачке 1989г.

Переход к рыночно-монополистическому капитализму 1990-х годов нанес смертельный удар по рыночным иллюзиям пролетарских масс и почти смертельный удар по организованному рабочему движению 1989-1991гг. В условиях краха производства пролетарский протест был парализован. Почти все силы пролетариев уходили на борьбу за индивидуальное выживание. Рабочие организации 1989-1991гг. либо развалились, либо попали под контроль разных буржуазных группировок, немалая часть лидеров шахтерских забастовок пошла в услужение буржуазии.

Новый всплеск пролетарской борьбы приходится на 1998-1999гг. Он совпадает с кризисом капитализма олигархической растащивки. Этот кризис наступил тогда, когда все было приватизировано и буржуазия волей-неволей должна была перейти от обогащения за счет труда прошлых поколений к планомерной эксплуатации современного поколения и ограблению поколений будущих (последнее осуществляется посредством экспорта энергосырья).

Пролетарские выступления 1998-1999гг. (рельсовая война, пикет на Горбатом мосту, Выборг и Ясногорск) не выдвинули сознательной революционно-социалистической альтернативы буржуазным порядкам. Если в 1989-1991гг. пролетарии, замордованные деспотизмом государственного капитализма, в большинстве своем разделяли иллюзии о частном капитализме, то в 1998-1999гг. измученные вакханалией частно-олигархического капитализма, они склонны были поддаваться иллюзиям о государственно регулируемом капитализме. В обоих случаях речь шла о выборе в пределах капиталистического строя, а не о прорыве к другому обществу.

Такое пролетарское политическое сознание 1990 – 1999гг. являлось всего лишь зеркальным отражением капиталистических порядков. Оно хотело выбирать из двух типов капитализма тот, который считало лучшим.

Освободительная революция пролетариата возможна только в период общественного кризиса. Однако не всегда возможность переходит в действительность. Для ее реализации требуется наличие у значительной части пролетариев сознания того, что нужно бороться не за смену одних форм эксплуатации на другие, а за уничтожение эксплуатации вообще. Если этого нет, то буржуазия сама осуществляет выход из кризиса, изменив формы и методы своего господства. Именно это произошло в 1999 – 2000гг.

ПУТИНСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ И БУДУЩАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

Беспорядочный грабег сменился при Путине грабительским порядком. Вакханалию всеобщей растащивки сменила упорядоченная безжалостная эксплуатация пролетариата. Чересчур возомнившие о себе пресловутые «олигархии», являвшиеся на самом деле лишь при-

казчиками чиновничьего аппарата, были поставлены на место. Наступила путинская стабилизация. Окончательно установилась система государственно-монополистического капитализма – синтез государственно-капитализма эпохи СССР и монополистического капитализма 1990-х годов. Государство сосредоточило в своих руках источники стратегического сырья и валюты, опираясь на могущественный Газпром.

Однако путинская стабилизация имела непрочный и неустойчивый характер. Вся российская экономика держится в первую очередь на экспорте нефти и газа, к чему, правда, следует добавить также экспорт оружия. Поэтому российская экономика представляет собой неустойчивое единство множества противоречий. Относительно благополучные регионы нефтедобычи и Москва, где концентрируются финансовые потоки, представляют собой острова, окруженные морем нищеты, деградации, возврата к натуральному хозяйству. Обновления и модернизации средств производства на большинстве даже прибыльных предприятий не происходит, и промышленность приходит в упадок. По подсчетам современного буржуазного экономиста М. Делягина, износ инженерных и коммуникационных сетей составляет в России 60-70%, в т.ч. износ котельных – 54,5%, водопроводов – 65,3%, канализации – 62,5%, теплотрасс – 62,8%, электросетей – 58,1%, водопроводно-насосных станций – 65,1%, канализационных насосных станций – 57,1%, очистных сооружений водопровода – 53,9%, трансформаторных подстанций – 57%. Физический износ улично-дорожной сети превысил 52%, мостов – 45%, путепроводов – 56%, 12 – 15% жилищного фонда нуждается в капитальном ремонте. В 2004г. из-за износа коммуникаций в жилищно-коммунальном хозяйстве терялось до 70% тепла, 30% воды, 18% электроэнергии (см. М.Г. Делягин. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М., 2005, с.178).

Из разоренной российской провинции (а также из стран СНГ, где положение еще хуже) миллионы обездоленных пролетариев направляются на заработки в центры российской капиталистической экономики. Там их ждут тяжелый и низкооплачиваемый труд и полурабская зависимость от хозяев и ментов. Очень большая часть этих пролетариев концентрируется в производстве, ориентированном на обеспечение потребления паразитического буржуазного класса (речь идет в первую очередь о буржестройках).

И по природным условиям, и по численности населения Россия не похожа на Кувейт. Доходов от экспорта нефти не хватает и не может хватать не только для трудового населения, но и для самого буржуазного класса (в этот последний входят не только владельцы заводов, газет, пароходов, но и колоссальный чиновничий аппарат власти и управления – от мента до президента). Паразитическое потребление буржуазии при узком производственном базисе может быть обеспечено лишь за счет чудовищной эксплуатации и нищеты пролетариата. При Путине произошел новый виток экспроприации пролетариев, лишения их всех и всяких прав и гарантий. Началось все с отмены КЗОТа, а вслед за этим настала очередь пенсионной реформы, реформы ЖКХ и прочих мер, лишающих пролетариев последних остатков системы социального обеспечения.

Ответом на новое наступление капитала стали пенсионерские бунты начала 2005г. Эти бунты тем больше напугали господствующий класс, что совпали во времени с «цветными революциями» на Украине, в Киргизии и Узбекистане. Утверждение о том, что эпоха революций закончилась, рухнуло, и в затхлом болоте русского капитализма повеяло бешенством ветров.

Однако русский капитализм устоял – и не мог не устоять, точно так же как устоял капитализм в Украине и Киргизии. Парадокс «оранжевых революций» заключался в том, что они происходили в эпоху упадка капитализма, когда буржуазная революция и даже буржуазная ре-

форма, выводящая капитализм на новый уровень прогрессивного развития, были невозможны, но у выступивших против нищеты и бесправия пролетариев напрочь отсутствовало понимание необходимости борьбы за социалистическую революцию. «Оранжевые революции» не ставили целей, выходящих за рамки капитализма. В результате на Украине все кончилось тем, что «отец украинской демократии» Ющенко назначил премьером своего бывшего конкурента Януковича. Все вернулось на круги своя, а украинским пролетариям остался лишь горький, но необходимый опыт – можно ли надеяться на доброго буржуа в качестве спасителя от буржуа злого.

В России волна пенсионерских протестов спала. Созданные в ходе нее Координационные советы из организаций массовой борьбы превратились либо в поле интриг буржуазной оппозиции (Ленинград, Уфа, Ижевск), либо в приводной ремень троцкистской протопартии (Пермь). Однако великий страх русского правящего класса, пережитый им в начале 2005г., не был всего лишь не имевшим последствий эпизодом. Стало понятно, что путинская стабилизация подходит к концу, что новые пролетарские протесты против буржуазной эксплуатации неизбежны, и что буржуазии нужно оседлать эти протесты, чтобы сохранить свою власть. Разные антипутинские группы буржуазной оппозиции – от либералов до НБП и КПРФ – стали фактически действовать единым фронтом.

Однако не прекратилось и брожение в пролетарских низах. После пенсионеров на борьбу стали подниматься и промышленные рабочие. После спада забастовочной борьбы в начале 2000-х годов она вновь пошла на подъем.

В 2006г. 5-дневной забастовкой добились повышения зарплаты в 2.5 раза рабочие Калининградского янтарного завода (подобный успех объясняется в первую очередь тем, что предприятие является мировым монополистом по добыче янтаря (95%!)) и капиталистам дешевле обойдется поднять зарплату рабочим, чем допускать длительные забастовки). Состоялись акции протеста нефтяников Тюменской области с требованием повышения зарплаты и отказа от системы штрафов. Весь 2006г. продолжались волнения на Воронежском экскаваторном заводе, апогеем которых стал захват рабочими в заложники управляющего заводом Тарасова (июль 2006г.). В середине июля забастовали рабочие Уфимского приборостроительного завода, протестуя против увольнения рабочего активиста Андрея Колыбанова и требуя отставки директора завода. Победой кончились летние забастовки троллейбусников Махачкалы, водителей маршруток Сочи и Самары. Брожением охвачены предприятия Санкт-Петербурга и Ленинградской области (морской порт, завод Форда и т.д.). Перечень можно продолжить.

Подобное оживление борьбы промышленного пролетариата объясняется несколькими причинами. Экономический подъем путинских лет имел весьма ограниченный характер, но он все же не был всего лишь выдумкой режима. Этот подъем затронул отрасли, обеспечивающие экспорт сырья (нефть и газ), военную промышленность, а также производство, обеспечивающее потребление буржуазии и мелкой буржуазии («буржестройки» и сфера обслуживания). Российская промышленность так и не поднялась до уровня 1990г. Однако по сравнению с 1990-ми годами, когда предприятия стояли и уже поэтому забастовки были невозможны, ситуация изменилась.

Изменение ситуации сказалось и в том, что на заводы пошла, хотя и тонким потоком, пролетарская молодежь. В 1990-е годы наиболее смелые, энергичные и потенциально способные к революционной борьбе молодые пролетарии шли не на заводы, а в торговлю или в бандитизм. В большинстве случаев они гибли там, но иногда могли выбиться наверх, в буржуи. Сейчас все места наверху заняты, а капиталистическая промышленность нуждается в пролетарском поте и крови. Молодые

пролетарии, немалая часть которых работает в чужих городах, не имеют и тех скудных остатков социальной обеспеченности (квартира, дача и т.п.), которые есть у пролетариев старших поколений. Все условия жизни отбивают у пролетарской молодежи веру в защиту государства – государства, от которого она не видит ничего, кроме ментовских поборов и издевательств. Все условия жизни приучают современную пролетарскую молодежь надеяться только на собственную силу. Произойдет ли переход от индивидуальной борьбы за собственное выживание к коллективной борьбе за общее освобождение – зависит от многих обстоятельств. Одним из них являются и действия людей, считающих себя пролетарскими революционерами.

НИ ПАРТИИ, НИ ПРОФСОЮЗЫ

Борьба промышленного пролетариата современной России возникает почти на пустом месте. Живой памяти о великом революционном движении 19 – начала 20 века не осталось, как не осталось живой памяти и о пролетарских протестах 1950-1960-х годов. Организации трудящихся, созданные в перестроечную эпоху, либо давно-давно развалились, либо стали инструментами буржуазии. Все нужно начинать заново. И от того, как и на каких позициях будет создаваться сейчас рабочее движение России, зависит его судьба и судьба всего российского общества на ближайшую историческую эпоху.

Одним из факторов, который обусловит характер складывающегося рабочего движения, станет деятельность людей и групп, считающих себя пролетарскими революционерами. Мнение значительной части таких людей и групп о перспективах рабочей борьбы и своего места в ней весьма ярко выразил активист Марксистской группы «Рабочая демократия» Kollo d'Herbois: «Так называемый «экономизм» или «тред-юнионизм», как ни плох он с точки зрения «абсолютных», конечных целей общепролетарской политики, и как бы ни противоречил он светлым догматам высокой теории – *тред-юнионизм этот есть объективно неизбежный этап в развитии классовой борьбы в сегодняшней России в ее конкретно-исторических условиях...*

...В России... в условиях, когда рабочие совершенно бесправны и бессильны перед произволом капиталистов, о таком «реформизме» приходится только мечтать – было бы хоть некое подобие организованной рабоче-профсоюзной борьбы!» (Kollo d'Herbois. Классовая борьба в ОАО «Морпорт Санкт-Петербурга»// «Рабочая демократия», №1(92), январь 2006г.). Как видим, Kollo d'Herbois придерживается теории этапов, согласно которой рабочие первоначально должны пройти стадию борьбы за экономические интересы и лишь затем приступить к борьбе за социальное освобождение. Кроме того, он считает, что экономическая борьба рабочих неизбежно организуется и возглавляется профсоюзами, их же политическая борьба – партией. Подобные представления приобрели у многих левых всю прочность предрассудка, однако они противоречат подлинной истории пролетарской борьбы и уводят борьбу пролетариев современной России на тупиковый путь.

Практически все ранние – и наиболее революционные – организации пролетариата в разных странах не были ни профсоюзами, ни партиями в позднейшем смысле, ибо они соединяли борьбу за экономические интересы рабочих с борьбой за социальную революцию. В России первыми организациями рабочих были возникшие в 1870-е годы Южнорусский и Северорусский союзы рабочих. Создавшие их в сотрудничестве с революционерами – интеллигентами рабочие активисты были социалистами и революционерами и соединяли экономическую стачечную борьбу с работой по подготовке социальной революции. Все русское рабочее движение конца 19 – начала 20 веков создавалось не профбюрократией, а революционерами. Его величие, его размах и решительность обуславливалось соединением двух потоков – революци-

онного сознания, которое представляло собой проделанное революционерами обобщение опыта самих рабочих с пролетарской самостоятельностью и инициативой. С-р. максималист Г. Нестроев писал о раннем движении эка-теринославских рабочих так: «Смелость, предприимчивость и бесстрашие, – такова характеристика этих рабочих, и пришлых, и местных, имеющих родоначальниками энергичных переселенцев... Когда я столкнулся с местным рабочим, я увидел, что он не тот, которого я знал до сих пор – не ремесленник, не независимый социалист, а полный боевой энергии и жажды борьбы, не «экономист», борющийся за прибавку пятачка на рубль, а революционер, признающий все методы борьбы – от стачки с насильем до вооруженных демонстраций и террора. В начале 1904 года здесь уже образовалась боевая рабочая дружина». На другом конце планеты организацией того же типа, что и Южнорусский и Севернорусский рабочие союзы была лучшая организация пролетарского анархизма – аргентинская ФОРА (Федерация Трудящихся Аргентинского Региона). Она соединяла борьбу за непосредственные экономические интересы пролетариев (6-часовой рабочий день при сохранении зарплаты, прекращение увольнений и т.д.) с борьбой за революцию и безгосударственный коммунизм. ФОРА не являлась ни партией, ни профсоюзом, но была интегральной революционной организацией. Значительная, если не большая часть социально-активных рабочих Аргентины в этот ранний период движения считали себя революционерами и анархо-коммунистами.

Рабочие, состоявшие в ФОРА – как и все рабочие – революционеры разных стран и эпох, не были животными, двигаемыми биологическими импульсами и не были марионетками, приводимыми в движение автоматическими законами истории. Они были людьми, желавшими жить полноценной жизнью, в которой материальные и духовные стремления не будут противоречить друг другу. На борьбу против капитализма их толкало то, что этот последний стремился превратить их в животных или марионеток. Они боролись как против экономической нищеты и эксплуатации, так и против политической обездоленности, отсутствия власти над своей собственной жизнью. Они стремились определять свою судьбу сами, что было невозможно при сохранении капитализма. Их целью было всестороннее, всеохватывающее освобождение.

Марксизм, ставший идеологией реформистского рабочего движения, лишил борьбу пролетариата всеобщего освободительного измерения, в высшей степени присущего революционному рабочему движению домарксистского периода. Марксизм свел борьбу и жизнь рабочих к борьбе за пятачок, оставив все остальные сферы на попечение партийного начальства. Одним из следствий этого явился крах марксистских партий Германии в 1933г. Вот что пишет об этом современный российский историк О.Р. Пленков: «...Известный социал-демократ Вальтер Хегнер вспоминал, как прогуливаясь в конце 1933г. со своим товарищем по рабочему кварталу, который ранее был оплотом коммунистов, они с удивлением обнаружили, что все дома были увешаны знаменами со свастикой, а по разговорам жен рабочих на улице они поняли, что Гитлера и его политику здесь однозначно приветствуют и одобряют. Такая метаморфоза настроений рабочих показалась Хегнеру и его товарищу очень странной и совершенно нелогичной. Хегнер был поражен тем, как тонко нацисты смогли мобилизовать нацию; он объяснял это тем, что социал-демократы, будучи рационалистами и не обладая фантазией, сосредоточились в своей политике на сугубо приземленных вещах: на зарплате, на домашнем бюджете, на буднях и прозе жизни. Нацисты же, по его словам, смогли зажечь сердца высокими целями, смогли пробудить фантазию, оторвать людей от будничных забот, внушить им романтичес-

ки возвышенный образ мысли, обращенный к целям, стоящим высоко над действительностью: «нам казалось, что это какое-то злое колдовство» (О.Р. Пленков. III Рейх. Нацистское государство. СПб, 2004, с.76).

Многие немецкие рабочие поддержали фашистов именно потому, что были лучше, чем думали о них социал-демократы, именно потому, что не превратились в одномерных уродов, в которых их пытался превратить капитализм, именно потому, что сохраняли другое, всеобщее-человеческое измерение, именно потому, что потребность в «высоких целях» значила для них не меньше, а в иные моменты и больше, чем потребность в «сугубо приземленных вещах». То, что «высокие цели» фашистов были ложью, доказательств не требует, но ответственность за то, что рабочие Германии пошли за этой ложью, лежит именно на тех, кто не захотел или не сумел предложить им подлинно высокие цели.

История может повториться. Если современные марксисты в значительной их части отказываются вести политическую агитацию и пропаганду, отказываются увязывать борьбу за экономические требования рабочих с перспективой общей борьбы против существующего строя, то от политической работы в пролетариате вовсе не отказываются фашисты – русские, исламистские и т.д. В результате движения пролетарского протеста проходят под фашистскими лозунгами и направляются в буржуазное русло – примерами чего являются Кондопога и Будапешт. Помешать этому пролетарские революционеры могут лишь в том случае, если не будут считать рабочих жвачными животными, интересующимися лишь непосредственными целями, лишь если сумеют обратиться к огромному возмущению против всех условий современной жизни, которого полным-полно накопилось у пролетариев, лишь если сумеют показать пролетариям перспективу уничтожения эксплуататорских грабительских порядков, перспективу всеохватывающего освобождения...

История рабочего движения показывает нам, что схема, согласно которой пролетарская борьба неизбежно должна пройти сперва через этап чисто экономической борьбы, и лишь затем может переходить к борьбе революционной, а равным образом схема, что экономическая борьба работников неизбежно должна контролироваться профсоюзами, а их политическая борьба – партией – эта схема является несостоятельной.

Сама по себе ссылка на историю мало что решает. Нужно рассмотреть, что такое профсоюзы, до какой степени и в каких пределах возможна профсоюзная борьба в современной России и каким образом следует создавать классовое пролетарское движение.

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ПРОФСОЮЗОВ

Профсоюзы по самой своей природе являются посредниками между пролетариатом и буржуазией, агентами по более выгодной продаже рабочей силы – а равным образом агентами буржуазии, помогающими ей удерживать в повиновении пролетариат, который профсоюзы принуждают смириться с положением всего лишь эксплуатируемой рабочей силы. Профсоюзы заменяют прямое противостояние класса против класса сделками и маневрами. Они отучают массы пролетариев от самостоятельности и инициативы, приучают к тому, что вопросы, касающиеся жизни пролетариев, решаются не общей волей пролетарских масс, не собраниями трудящихся, а верхушечными переговорами руководства профсоюзов (чиновников, живущих обычно на взносы рабочих) с хозяевами.

Долгосрочные успехи профсоюзов возможны лишь в обществе, переживающем длительный и равномерный подъем капиталистического производства. В условиях такого подъема буржуазии выгоднее идти на частичные уступки, чем терять возможные прибыли из-за забастовок. Такого длительного и равномерно-го экономического подъема в современной России

нет и быть не может. Рост в отдельных секторах экономики соединяется с застоем или развалом в других секторах. И, главное, даже этот рост в отдельных секторах обречен иметь весьма узкие пределы – до радикального падения цен на нефть на мировом рынке. Не случайно устойчивая реформистская рабочая борьба и реальные реформистские профсоюзы существуют лишь среди тех групп пролетариев, кто в силу своего положения в системе капиталистического производства может заставить буржуазию идти на уступки, чтобы избежать грандиозных убытков в случае забастовок. Речь идет о таких группах трудящихся, как докеры и авиадиспетчеры. Во всех остальных отраслях к ФНПРовским профсоюзам рабочие испытывают либо абсолютное безразличие, либо холодную ненависть, а нефНПРовские профсоюзы, как правило, находятся в ни живом, ни мертвом состоянии.

В отношении рабочих к профсоюзам проявляется правильное чувство, что профсоюзы сейчас могут быть для рабочих источником вреда, но не могут – даже если бы и хотели – быть источником пользы. Вследствие узкой производственной базы российского капитализма чудовищная паразитическая роскошь русской буржуазии может быть обеспечена лишь за счет чудовищной сверхэксплуатации пролетариата. Идти рабочим на уступки русские буржуи не хотят, да и не могут. Современная русская буржуазия вышла либо из государственной мафии эпохи СССР, либо из частных мафий. Она привыкла к решению споров даже в своей собственной среде путем прямого насилия. Поэтому попытки воздействовать на нее посредством легальных, разрешенных забастовок и тем более хождений по судам по наивности своей напоминают обращение к шкуре: знает ли она, что такое добродетель. Создание на контролируемых мафиозными буржуазными структурами зарегистрированных и подзаконных профсоюзов подставляет рабочих активистов под террор мафии, милиции и ФСБ. К этому террору верящие в законные формы борьбы активисты не готовы и потому перед ним беззащитны. Пример – попытка создания нефНПРовского профсоюза и издания его легальной газеты на металлургическом предприятии в Шелехово под Иркутском, вслед за чем последовали репрессии милиции, сожжение офиса легальной и подзаконной профсоюзной организации СКТ в Омске, нападения на активистов других легальных и подзаконных профсоюзов.

Деятельность легалистских профсоюзов, ФНПР или чуть более активных альтернативных профсоюзов, ориентированных на подзаконные действия, бессмысленна с чисто практической точки зрения. Выполнить свою роль, защитить экономические права работников они не в состоянии. Вот что пишет лидер одного из таких профсоюзов (СКТ) Василий Старостин: «В 2002 году после принятия нового Трудового кодекса трудовые права работников и альтернативных профсоюзов опустили до такого уровня, что даже отстоять такое право надо иметь серьезный опыт... Сейчас уволить можно любого человека. После активизации альтернативных профсоюзов в успешном отстаивании имеющихся трудовых прав, директора пролоббировали усечение таких прав». Кроме того, добавляет он «все кто приходит к альтернативщикам, сразу попадает на заметку директору». А вот оценка профсоюзов, данная сотрудником ФСБ в беседе с сибирским журналистом: «Независимое профдвижение, коль скоро оно действует в легальных рамках, для нас интереса не представляет, скорее даже нам полезно, так как позволяет вовремя вскрыть напряженность, которая в ином раскладе может привести к силовым последствиям».

Насилию буржуазии может противостоять лишь сила пролетариата. Нелегальные, незарегистрированные и способные к самообороне революционные группы на предприятиях куда адекватнее в обстановке буржуазного террора, чем легальное профсоюзное движение.

Не следует забывать еще об одном очень важном обстоятельстве. Наиболее угнетенной и бесправной частью современного российского пролетариата являются рабочие – мигранты. В большинстве случаев они не имеют регистрации (получение которой – затяжная бюрократическая процедура), небольшую их часть составляют рабочие ближнего и дальнего зарубежья, не имеющие российского гражданства. Они беззащитны как перед хозяином, так и перед ментом, не интегрированы в российскую политическую систему. Легальная, в рамках закона борьба для них – звук пустой.

РАБОЧИЕ-МИГРАНТЫ И ИХ РОЛЬ

В судьбе рабочих-мигрантов весьма ярко выражается упадочный характер современного российского капитализма. Сокращение численности населения России создает дефицит рабочей силы, который и восполняют бесправные и низкооплачиваемые рабочие СНГ и дальнего зарубежья. Но эксплуатирующие их российские капиталисты не могут и не хотят проводить политику, нацеленную на дальнюю перспективу, на обеспечение своих собственных буржуазных долгосрочных интересов. Сокращение численности населения России при перенаселенности Китая делает неизбежным заселение в ближайшие десятилетия пустующих пространств Сибири и Дальнего Востока иммигрантами из Китая, и этому бессильны противостоять искусственные ограничения. Если бы российский капитализм находился на подъеме, он должен был бы интегрировать иммигрантов из Китая, а равным образом из других стран в российское общество. Так сделал в 19 веке капитализм США, ставший самым передовым капитализмом именно за счет интенсивной интеграции энергичных и трудолюбивых работников – иммигрантов со всего мира. Если бы русский капитализм смог давать всем рабочим – мигрантам работу за достойную оплату, гражданство и политическое равноправие, отсутствие национальной дискриминации, а в придачу к этому вел пропаганду в духе, что все мы россияне, неважно, славянского или китайского происхождения, он сильно продлил бы себе жизнь.

Однако напрасно было бы ждать такой политики, направленной на создание условий для капиталистического подъема, от капитализма в эпоху упадка. Русская буржуазия обладает психологией временщиков. Она неспособна проводить долгосрочную политику в своих собственных интересах. Поэтому она алчет больших и быстрых прибылей, а там хоть трава не расти – как персонаж старого анекдота, ответивший на вопрос, что он делал бы, если бы стал царем: «украл бы казну и сбежал». Поэтому рабочие – мигранты подвергаются безжалост-

ной эксплуатации, не интегрируются в буржуазную политическую систему и представляют собой потенциально взрывчатую силу.

Экономизм, считающий, что рабочих интересует только положение на предприятии и только борьба за зарплату, показывает всю свою несостоятельность в отношении иногородних рабочих. Экономическая сверхэксплуатация, которой они подвергаются, неразрывно связана с их политическим бесправием, власть над ними хозяина и власть мента слиты в неразрывное целое. Их борьба против буржуазной эксплуатации неотделима от борьбы против полицейского гнета. А поскольку упадочный российский капитализм не может стать иным, чем он есть, не может обойтись без сверхэксплуатации иногородних и иностранных рабочих, дать им политическое и гражданское равноправие, то борьба рабочих-мигрантов будет скорее всего направлена против всего эксплуататорского общества.

Современный капитализм представляет собой двухголовую гидру полицейские-чиновничье самодержавия и паразитической буржуазии. Борьба против самодержавия и борьба против капитализма неотделимы друг от друга, политическая и социальная революция совпадают. Поэтому революционная организация не может быть ни чисто политическим обществом, плетущемся в хвосте у либералов из антипутинской оппозиции, ни профсоюзом, ограничивающим свои задачи рамками предприятия. Она должна быть борцом против всех видов несправедливости, эксплуатации и гнета и соединять все частные протесты с перспективой всеобщего освобождения.

ПРОЛЕТАРИИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Для различных левых групп общая перспектива их деятельности вытекает из разного подхода к, казалось бы, весьма отвлеченному мировоззренческому вопросу: считают ли они сами себя частью пролетариата или нет. Большинство подобных групп проводит грань между собой и классом пролетариев и его борьбой. Из такого отделения самих себя от пролетариата делаются обыкновенно два разных вывода (хотя иногда они забавным образом переплетаются). Сторонники ленинистских концепций считают, что подлинная борьба рабочих, коль скоро она ведется не так и не за то, как хочется самозваным пролетарским авангардам, это вовсе не рабочая борьба. Мол пролетарии, если они не прочитали Маркса, это – не пролетарии. Носителем же подлинного пролетарского сознания является настоящая пролетарская партия из нескольких человек, не имеющая с живыми пролетариями никаких связей, а революция наступит тогда, когда данная «партия» напишет большое-пребольшое количество текстов с изложением своих правильных позиций. Поклонники же стихийности, например некоторые умеренные синдикалисты и левые интеллигенты, напротив, думают, что подлинная рабочая борьба – это лишь легальное профсоюзное рабочее движение, а задача левых групп – быть комментаторами его деятельности, быть подручными и советниками нарождающейся профсоюзной бюрократии.

И первый подход, проникнутый манией величия, и второй подход, характеризующийся комплексом неполноценности, имеют то общее, что их сторонники не считают самих себя частью класса пролетариев, а свою настоящую и будущую деятельность – частью пролетарской борьбы.

Если же исходить из того, что люди, входящие в левые группы, являются такими же пролетариями физического или умственного труда, как и все остальные пролетарии, не лучше и не хуже, то именно на их долю выпадает задача заложить основы революционного пролетарского движения, как это сделали 130 лет назад русские революционеры. Никто не сделает за нас нашу работу, революционное пролетарское движение могут создать только революционеры, а не профбюрократы.

Бессилие и гнилость ФНПРовских профсоюзов, слабость и бесперспективность внеФНПРовских профсоюзов, неверие рабочих в профсоюзы, неразрывное переплетение экономической и политической борьбы, борьбы против хозяйской эксплуатации и чиновничье – ментовского гнета – все это предоставляет нам широкое поле работы. Каким будет движение трудящихся России в предстоящую историческую эпоху – может решиться в самые ближайшие годы. Пока что существуют две возможности. И позор тем, кто будет отстаивать реформистский путь легального профсоюзного движения против революционного пути прямой бескомпромиссной классовой борьбы!

Пролетарии, вступающие в борьбу с капиталом и государством, пролетарии, из опыта своей жизни и борьбы убедившиеся в необходимости уничтожения буржуазного строя, проникшиеся интересом к революционным идеям и обратившиеся в поисках ответа на вопрос «что делать?» к претендующим на революционность организациям – какой совет они получают от этих организаций? Совет ограничиваться пока что чисто экономической борьбой на предприятиях и лишь потом, в неопределенной перспективе, переходить к революционной борьбе против всего буржуазного строя? Совет становиться организаторами мелких профсоюзов и передоверить вопросы общей политики лидерам троцкистских или синдикалистских сект? Те пролетарии, которые последуют данному совету, очень скоро убедятся, что этот гладкий путь – самый нереальный. Из-за чиновничье-полицейского характера русского капитализма легальная борьба на предприятиях за чисто экономические интересы очень скоро упирается в тупик. После этого большая часть пролетариев, совершенно справедливо разочаровавшись в давших им подобный совет мнимых революционерах, разочаруется и в революционной деятельности вообще. Другая часть – не знаем, насколько большая – будет искать другие пути освободительной борьбы. Те же потенциальные пролетарские борцы, кто в силу стечения обстоятельств достигнет на профсоюзном пути определенных успехов, будут так же интегрированы политической системой капитализма, как это произошло с лидерами шахтерских забастовок 1989 – 1991г.

Автору данной статьи пришлось в свое время присутствовать при том, как на студенческом пикете, направленном против отмены студенческой отсрочки от призыва, одна студентка спросила троцкистского активиста, правда ли, что он – член Революционной Рабочей Партии и выступает за революцию. Вместо того, чтобы начать революционную пропаганду, троцкистский активист замялся и ответил, что, действительно, как частное лицо – он член Революционной Рабочей Партии, однако здесь он присутствует как представитель студенческого профсоюза, мирный, смирный и законопослушный. Между тем, как выяснилось в ходе дальнейшего разговора, студентка интересовалась вопросом революции всерьез, и рассказала случай, когда студенческая компания, где она была, стала строить планы, как совершить революцию. Даже если подобный студенческий треп и представлял собой чистую фантазию, следует помнить, что 10 лет назад подобные революционные фантазии в студенческой среде были невозможны, и что революционное сознание складывается именно путем прояснения подобных бессознательных влечений.

В данном эпизоде вышеупомянутый троцкист с блеском показал себя не как революционер, а как профсо-

юзный деятель. Нет сомнения, что здесь проявились не только и не столько его индивидуальные качества, но порочность всей теории этапов и подмены революционной борьбы профсоюзничеством.

Революционерам нечего надеяться, что их дело сделает кто-то вместо них. Освободительное движение пролетариата не создается профсоюзными чиновниками. Краеугольные камни этого движения закладываются именно сейчас. Людям, считающим себя революционерами, нужно действовать так же, как действовали русские революционеры 1870-х годов – т.е. самим создавать революционное пролетарское движение, устанавливая разными путями и способами контакты с борющимися и мыслящими рабочими, завоевывая их доверие и уважение в качестве равных товарищей, инициируя создание групп пролетарского классового сопротивления.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ

В современную эпоху упадочного капитализма все партии и профсоюзы с собственным бюрократическим аппаратом окончательно и бесповоротно интегрировались в политическую систему капитализма. Они стали орудиями, с помощью которых буржуазия удерживает в подчинении пролетариат. Организациями, борющимися за освобождение пролетариата, могут быть, с одной стороны, общие собрания, объединяющие всех поднявшихся на борьбу пролетариев, с другой стороны, революционно-социалистические группы, включающие в себя меньшинство пролетариев (и внутри себя так же организованные на основе общих собраний), уже сейчас ведущие борьбу за социальную революцию.

Именно общие собрания с выборными и подконтрольными им (через систему наказов и право отзыва и замены делегата) Советами делегатов станут органами новой власти трудящихся после победы социалистической революции. Однако пока сохраняется капитализм, подобные общие собрания возникают лишь на подъеме пролетарской борьбы и рассыпаются с ее спадом. Попытка же создать на подъеме борьбы постоянные массовые организации кончается тем, что со спадом борьбы подобные организации ставятся под контроль разными буржуазными группировками. Именно это произошло как с созданными в 1989г. шахтерскими профсоюзами, так и с возникшими в начале 2005г. Координационными советами. Кроме этого, не следует забывать, что разные буржуазные партии пытаются и будут пытаться воздействовать на массовое пролетарское движение, перенаправлять пролетарский протест с врагов подлинных на врагов мнимых. Поэтому надежда, что стихийная борьба и массовые организации самодостаточны, и что общие собрания справятся сами, без существования революционной организации – подобные надежды являются ошибочными.

Пролетарии, уже сейчас понимающие, что избавление от всех бед и страданий возможно лишь путем уничтожения капиталистического строя и уже сейчас готовые вести борьбу за свержение капитализма, необходимым образом будут объединяться в революционную организацию. Эта организация передовой части пролетариев не будет командовать своим классом. Своим действием и своим примером она инициирует борьбу всего класса, а равным образом будет объяснять своему классу ход и перспективу общей борьбы, возникающие в ходе нее возможности и угрожающие ей опасности.

Пока что революционные группы, стоящие именно на таких – и ни на каких других – позициях – очень слабы и немногочисленны. В силу своей слабости и немногочисленности они неизбежным образом организуются на вне-заводской основе. Однако в случае их роста и усиления будут создаваться социально-революционные группы на предприятиях. Рядом с ними неизбежно будут существовать также борющиеся пролетарские группы по месту жительства. Со временем все эти группы станут объединяться на межпрофессиональной основе. С одной

стороны каждая группа будет вести борьбу в своей отрасли или на своем предприятии самостоятельно. С другой стороны – станет координировать ее с другими группами в рамках общих революционных целей. Но речь пока не об этом.

Социально-революционная группа на предприятии будет действовать таким же образом, как действовали революционные рабочие кружки в России 1870-1880-х годов. Она будет соединять борьбу за непосредственные экономические интересы рабочих с революционной агитацией и пропагандой. Современный русский капитализм мало чем отличается от капитализма царской России – и борьба с ним будет принимать схожие формы. Деятельность революционной группы на предприятии будет иметь нелегальный характер. Ей ни к чему засвечивать своих активистов, добиваясь регистрации, ни к чему иметь списки членов. Небольшая группа рабочих-революционеров, имеющих четкие цели, спаянных приобретенным в общей борьбе взаимным доверием и пользующихся уважением в своих трудовых коллективах, в нужное время и в нужном месте сумеет сделать куда больше, чем ФНПРовский или нефНПРовский профсоюз.

Однако борьбы на одном предприятии недостаточно – не только по общепринципиальным соображениям, но и по той весьма практической причине, что борьба на предприятии, чтобы быть успешной, нуждается в помощи извне данного предприятия. Борьба на отдельном предприятии нуждается в помощи самой разнообразной, от стачек солидарности и касс взаимопомощи до помощи с изданием и распространением листовок. Поэтому социально-революционные группы на разных предприятиях – и вне предприятий – необходимым образом будут координировать свою деятельность в рамках общей организации. Решения в этой организации будут приниматься не бюрократическим партийным аппаратом, но общим собранием всех членов организации (современные средства связи – в первую очередь Интернет – предоставляют для этого технические возможности). Специализированные же органы будут иметь не управленческий, а технический характер. Понятно, например, что верстка революционной газеты не может быть занятием всех членов организации. Однако решение о том, какие материалы печатать в газете, принимается общим обсуждением, задача же технической редакции – выполнить определенную работу в ходе общего обсуждения волю всей организации.

Освободительная борьба пролетариата не может завершиться победой без существования объединяющей самых сознательных и решительных пролетариев революционной организации. Лишь она способна как сохранять традицию пролетарского протеста в самую глухую пору реакции, так и расшатать энергичным действием эксплуататорскую систему. Лишь она может указать пролетарскому классу выход из болота старого мира и первой пойти под вражеский огонь, увлекая за собой весь класс. Только такая организация может поддерживать пламя классовой борьбы в периоды апатии основной массы своего класса. Только она в периоды подъема пролетарской борьбы может объяснять всему классу всевозможные маневры различных агентов буржуазии. Только она может (против всех иллюзорных средств уничтожения бедствий пролетариев) указывать на средство настоящее – на свержение буржуазного строя. Массовое движение можно сравнить с древком копья, а революционно-социалистическую организацию – с его наконечником. Наконечник без древка – всего лишь кусок железа, однако древко без наконечника может только нанести сильный удар по капитализму, но не убить его...

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Теперь нам следует рассмотреть вопрос, за какие требования должна бороться революционная организация на предприятии. Некоторые рабочие активисты поддерживают лозунги рабочего контроля. На наш

взгляд, подобная идея является неправильной, что мы и постараемся доказать.

68 лет назад Лев Троцкий в своей «Агонии капитализма и задачах Четвертого Интернационала» дал теоретическую аргументацию в пользу идеи рабочего контроля. Мысль Троцкого состояла в том, что борьбы за экономические требования абсолютно недостаточно, тогда как прямой призыв к пролетарской революции может отпугнуть широкие массы рабочих. Поэтому нужно выдвигать такие требования, которые хитрым образом вовлекали бы рабочих в борьбу за революцию, хотя бы сами рабочие этого не сознавали. Идея подобных «переходных» требований укоренилась в идеологии различных троцкистских организаций, и в программе «На чем мы стоим», принадлежащей поколовшейся на несколько кусков троцкистской РПП. Там мы находим «национализацию банков... и централизацию всей кредитной системы в руках государства», «отмену коммерческой тайны и установление рабочего контроля за бухгалтерией предприятий», «установление прямого прогрессивного налогообложения и упразднение косвенных налогов» и т.п. «переходные» лозунги. Они, с одной стороны, едва ли могут быть выполнены при сохранении власти буржуазии, с другой же, стороны, подразумевают сохранение этой власти, и потому не являются ни рыбой, ни мясом.

Возьмем, например, лозунг «рабочего контроля за бухгалтерией предприятий». Лозунг рабочего контроля предполагает, что власть на предприятии (и в обществе в целом) остается у буржуазии, рабочие лишь осуществляют контроль за функционированием этой власти. Нет сомнения, что пока буржуазия прочно удерживает власть, она никоим образом не допустит никакого рабочего контроля за своей властью. А в то же время, когда у рабочих и ИТР будет сила, чтобы заставить буржуазию потерять свою собственность на власть, им ни к чему будет ограничиваться полумерами. Зачем рабочий контроль над буржуазной властью, если есть сила свергнуть эту власть вообще? Поэтому, при прочном капитализме лозунг рабочего контроля в большинстве случаев (об исключении мы сейчас скажем) заведомо нереализуем, а в условиях революционной ситуации он представляет вредную полумеру.

На осуществление лозунга рабочего контроля буржуа могут пойти лишь в виде исключения – и именно тогда реализация данного лозунга с наибольшей силой ударит по иллюзиям его сторонников. Владельцы предприятия могут отказаться от коммерческой тайны и открыть для рабочего контроля бухгалтерские книги лишь с целью убедить рабочих, что предприятие находится в таком бедственном положении, что все классовые требования рабочих приведут к его окончательному банкротству. А раз так, то рабочие в интересах родного предприятия должны «войти в положение» своих хозяев и ради сохранения производства потуже затянуть пояса. Нет сомнения, что буржуазия, искусная в двойной бухгалтерии и всевозможных махинациях, достигнет своей цели и что практическая реализация лозунга «рабочего контроля» обернется лишь содействием рабочих сохранению их эксплуатации.

В целом же троцкистские «переходные» требования в их совокупности представляют утопию хорошего и прогрессивного, контролируемого рабочими капитализма – утопию вредную тем, что отвлекает пролетариев от борьбы за собственные классовые интересы и за коммунистическую революцию.

Может показаться, что такие классовые требования, как 6-часовой рабочий день без сокращения зарплаты, регулярная выплата зарплаты не ниже средней по отрасли и т.п. представляют собой аналог лозунгу «рабочего контроля» и прочим «переходным требованиям». Однако так только кажется.

Было бы оторванной от жизни наивностью ограничиваться общими призывами к коммунистической революции и поворачиваться спиной к борьбе рабочего класса

за свои повседневные интересы. Эта борьба важна для пролетариев не только сама по себе. Именно в ней – если только она ведется не путем переговоров профсоюзного начальства с капиталистами, но прямым действием пролетарских масс – у пролетариев воспитываются чувства собственного достоинства и солидарности. Только так вырабатывается практика принятия решений общими собраниями. Только борясь с системой каждый день, люди могут научиться действовать коллективно и менять условия собственной жизни. И в то же время только так они могут преодолеть страх перед законами буржуазно-мафиозного государства. Без всего этого победа пролетарской революции невозможна. Поэтому революционная-пролетарская организация должна быть на передовом крае борьбы за непосредственные интересы пролетариев, отстаивая методы прямого действия (забастовка, перекрытие дорог и т.п.) и решение всех вопросов общими собраниями. Ее непосредственные экономические требования служат лишь общими ориентирами, указывающими на принцип – в ходе пролетарской борьбы пролетариям нужно отстаивать свои интересы без всякого вхождения в интересы буржуев, без всяких забот об отечественном производстве и его рентабельности, но лишь исходя из своей силы. Понятно, например, что там, где у нас нет силы добиться у буржуазии немедленного введения 6-часового рабочего дня, придется – до тех пор, пока не наберем силу – временно согласиться хотя бы на соблюдение 8-часового. Там же, где есть сила навязать буржуазии 4-часовой рабочий день, мы не поколеблемся сделать это...

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА.

Активист Сибирской конфедерации труда (СКТ) – не большого нефНПРовского профсоюза – объясняет, почему в его организации не действует принцип обязательного решения всех вопросов общими собраниями и почему часто вопросы решаются профкомом: «.. СКТ – это сеть организаций и каждая поступает так, как считает нужным, т.к. все равно вся работа ложится именно на эту организацию... Проводить общие собрания порой имеет смысл, порой не имеет смысла, ситуация на предприятиях очень разная и все зависит от задачи и количества активной части работников. Если профком все берет на себя, значит для этого есть причины.. Отсылка на синдикалистские принципы общих собраний, могут иметь положительный фактор, если это возможно».

В этих словах есть определенная логика. Она связана именно с приспособлением профсоюза к текущей реальности, приспособлением, в результате которого профсоюзу (или отдельным его активистам, которые собственно и формируют профком) где-то выгодно проводить собрания, а где-то нет. То есть основной критерий оценки – сиюминутная выгода, как ее понимают профактивисты на местах.

Но эта логика (несомненно, оправданная с точки зрения профактивистов) не является революционной. С точки зрения другой, революционной логики существует цель – безвластный коммунизм, общество всеобщего самоуправления. И есть средства, которые соответствуют этой цели и только с помощью которых можно ее достичь. Эти средства – прямое действие, принцип принятия решений общим собранием, отказ от судов и т.д. Частичная экономическая борьба – это не цель в себе. Она необходима в т.ч. потому, что в процессе борьбы миллионы очень разных людей могут научиться совместно принимать решения, могут перестать уважать власть и перестать бояться чиновничьего закона и чиновничьего произвола, короче говоря, могут стать способными к коммунистической революции.

Перед современным человечеством все более грозно встает выбор: или всемирная революция, уничтожение капитализма, замена его безгосударственным и бесклассовым обществом, или экологические катастрофы и войны планетарного масштаба, конечным результатом кото-

рых станет гибель человечества. Пролетарская революция – это единственное средство спасения человечества от гибели. Пролетарская борьба ведется не просто за улучшение жизни какой-либо группы пролетариев, но и за спасение жизни настоящего и будущих поколений – и, в не меньшей степени, за спасение смысла жизни прошлых поколений. Именно исходя из этого, следует оценивать средства пролетарской борьбы.

В самом деле, если даже какая-то группа пролетариев путем хождения по судам, обращения к депутатам Госдумы или переговоров профсоюзного начальства с администрацией сумеет добиться повышения зарплаты, но в результате этого пролетарии привыкнут полагаться не на свою собственную силу, а на помощь начальства, и благодаря этому через 20 или 30 лет не смогут помешать этому начальству угробить их вместе со всем человечеством в какой-нибудь патриотической войне или рукотворных природных катастрофах – то ясно, что по большому счету, увеличение зарплаты оказалось бессмысленным, – если только не считать правильным принцип упадочных классов: живи одним днем.

У нас есть цель – освобождение человечества путем коммунистической революции, и есть средства, ведущие к этой цели (это не означает, что творческая мысль пролетариата не способна находить какие-то новые средства). Лишь та пролетарская борьба имеет смысл, в ходе которой у пролетариев воспитывается чувство собственной силы и собственного достоинства, исчезает вера в помощь начальства, исчезает страх перед властью и ее законами, развивается умение решать свои дела вместе, коллективно.

Конечно, без повседневной работы, повседневной борьбы на производстве или по месту жительства, жизнь изменить невозможно. Но сама подобная борьба без собраний, без отвержения законов и т.д. для наших целей бесполезна.

Наша цель – бесклассовое и безгосударственное коммунистическое общество. Это такой строй, при котором собрания трудящихся (подобные собранию бастующих работников) и подконтрольные им советы и будут решать все вопросы жизни общества, самостоятельно или договариваясь между собой. Данную мысль можно довести до ума собрания бастующих пролетариев. Но без практики реальной борьбы трудящихся, борьбы, руководимой их собраниями, нам гораздо сложнее это объяснить. Без такой практики мы можем это объяснить лишь одиночкам, но не массам людей.

Каждая забастовка, даже проводимая за частичные экономические требования, если она осуществляется методами прямого действия и руководится общим собранием борющихся пролетариев, содержит в себе зачатки революции, является прообразом будущего строя. Важны не только цели борьбы, но и ее средства. Содействуют ли они сохранению покорности и подчиненности пролетариев, их веры в устойчивость существующего порядка? Именно, так обстоит дело с забастовками, контролируемые профбюрократией и протекающими в рамках буржуазной законности. Или, напротив, забастовки воспитывают у пролетариев чувства достоинства и солидарности, привычку решать все вопросы собственной коллективной борьбой? Так действуют пролетарские выступления, руководимые общими собраниями и применяющие методы прямого действия.

КАПИТАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Квалифицированные рабочие нередко удивляются, почему русские капиталисты так бестолково и неудачно организуют производство – не обращая при этом внимания на исходящие от квалифицированных рабочих рационализаторские предложения. Почему же буржуа лишают себя тем самым потенциальных прибылей? Для ответа на этот вопрос недостаточно сослаться на присущую русской буржуазии психологию временщиков, стремящихся урвать максимальную прибыль в минимальный срок

и равнодушных к долгосрочным перспективам. Эта психология временщиков имеет свое объяснение в материальных условиях.

Русский капитализм традиционно зависит от государства, игравшего выдающуюся роль в русской истории. Любой предприниматель, каким бы крупным он не был, может в любой момент потерять свое место по решению высокопоставленных чиновников. Какой же смысл ему тогда проводить долгосрочную хозяйственную политику, вкладывать деньги в модернизацию производства и принимать рационализаторские предложения трудящихся, в надежде извлечь из всего этого прибыль когда-нибудь в будущем? Ведь будущего у него может и не быть. Куда надежнее извлечь максимум доходов из существующего производства в минимально короткие сроки, а там хоть трава не расти.

Вообще, при капитализме недостаточно что-либо произвести. Произведенное нужно продать, в противном случае с точки зрения капитализма производство окажется напрасным. Нужен рынок сбыта. В современную эпоху этот рынок сбыта крайне узок. Мировые производительные силы переросли капиталистические производственные отношения. Хотя молочных рек и кисельных берегов нет и не предвидится, современное производство, если реорганизовать его на рациональных началах, сделает возможным удовлетворение базовых здоровых потребностей всех людей, которые смогут быть сыты, одеты, иметь жилье, лечиться и иметь доступ к знанию. Но капитализм интересуется не потребностями, а платежеспособным спросом. Платежеспособный же спрос класса пролетариев, т.е. большинства населения, неизбежно должен быть низким, поскольку, чем он ниже, тем, при прочих равных условиях, выше прибыль капиталистов. Так капитализм запутывается в собственных неразрешимых противоречиях – чем выше прибыль буржуазии и чем ниже зарплата пролетариев, тем уже рынок и тем неизбежнее экономическая стагнация. Капиталистические производительные силы становятся – чем дальше, тем больше – деструктивными. Они угрожают разрушить всю природу и с ней все человечество. Данное обстоятельство требует свержения капиталистических общественных отношений и реорганизации всего производственного аппарата.

Из отраслей российской экономики обеспеченный рынок сбыта имеют добыча сырья (экспортируемого на внешний рынок) и военная промышленность (производящая оружие как для русской армии, так и на экспорт – вообще говоря, зависимость от военных казенных заказов является старой традицией русского капитализма). Не следует забывать также о рынке сбыта, создаваемом паразитическими потребностями буржуазии и «среднего класса», хотя эти буржуазные классы в значительной степени потребляют импортные товары. В целом же российский внутренний рынок весьма узок из-за крайней бедности населения. Пойти на увеличение доходов пролетариата, отказаться от части своей прибыли и создать таким образом обширный внутренний рынок русская буржуазия не может, так как это противоречило бы всем принципам существования капитализма. Вот и остается ей продавать нефть и газ на мировом рынке да выполнять военные заказы. Отсюда и следует парадокс потенциально богатой страны с крайне бедным народом – парадокс, обусловленный не злой волей отдельных лиц, но логикой функционирования капитализма.

Русский капитализм имеет тупиковый характер – как и весь современный мировой капитализм вообще. Со-

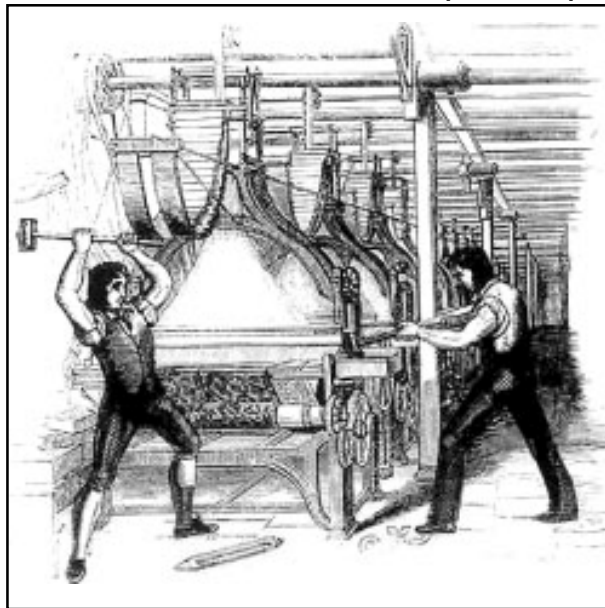
временный капитализм может существовать лишь от кризиса к кризису, от катастрофы к катастрофе. Нагроможденная противоречия на противоречия и катастрофа на катастрофу, он неизбежно приведет к гибели человечество – если до этого не будет уничтожен сам.

Уничтожение капитализма может быть совершено лишь освободительной революцией класса пролетариев – лишенных собственности и власти работников. Промышленные рабочие – не единственная, но чрезвычайно важная часть класса пролетариев, в равноправном союзе со всеми другими группами пролетариата они уничтожат буржуазный мир.

Поражение пролетарских выступлений в России в 1989-1991 и 1998-1999 гг. объясняется в первую очередь тем, что пролетарии имели иллюзии, будто улучшение их жизни возможно не посредством уничтожения капитализма, но посредством смены одной его формы на другую. Чтобы подобная неудача не повторилась, следует порвать с иллюзиями о возможности хорошего, гуманного и прогрессивного капитализма. Следует любое пролетарское выступление соединять с перспективой всеохватывающей освободительной революции. Реформирование российского капитализма, профсоюзная деятельность по штопанию заплат на грязном от пролетарского пота и крови буржуазном халате, программа «переходных требований» и создания переходного, не капиталистического и не социалистического общества – все это безжизненные утопии. Они не выводят общество из ту-

пики полного маразма и разложения. Коммунистическая революция – единственная альтернатива мучительной смерти в этом тупике.

Марлен Инсаров

ОТ ВЛАСТИ К БЕЗВЛАСТИЮ

Будучи согласен с Инсаровым во всех ключевых пунктах данной статьи, хотел бы оговорить несколько моментов, где наши мнения не тождественны.

Во-первых, вопросы революционной организации. Революционная организация инициативного меньшинства (не партия и не профсоюз) необходима. Но мне кажется, что Инсаров уделяет недостаточное внимание стихийным инициативам трудящихся, без которых и вне которых никакое прямое действие по самому большому счету невозможно.

Небольшие социально-революционные группы могут придать борьбе трудящихся определенное направление. Они могут дать пример сплоченной борьбы. Но заменить собой массовое движение они не смогут. Не стоит забывать о том, что многие великие народные движения были стихийными, спонтанными. Они возникали почти без всякого влияния идейных социально-революционных организаций. Примеров можно привести великое множество, от Кронштадтского восстания 1921 г. и до Венгерской революции рабочих советов 1956 г. От восстания в южнокорейском городе Кванджу в 1980, до албанской революции 1996 г. Во всех этих движениях трудящиеся продемонстрировали высокую степень самоорганизации, способность создавать структуры нового общества (собрания и подконтрольные им советы). Мне представляется, что без подобных движений социальная революция невозможна.

Другое дело, что в свою очередь, их массовость и активность когда они возникнут, а так же их готовность следовать пути прямого действия и безгосударственного коммунизма, будет напрямую зависеть от того, что нам удастся сделать в дореволюционный период. Если мы сумеем распространить свои идеи и практики среди наиболее активных квалифицированных рабочих и ИТР (а именно эта прослойка наиболее открыта для идей самоорганизации и всеобщего самоуправления), рабочих-мигрантов и безработных, то это станет колоссальным подспорьем для будущей социальной революции.

Революционная борьба началась не сегодня и не завтра кончится. Это долгий марш. Мы знаем, как часто даже прекрасно подготовленные восстания и хорошо организованные движения терпели крах. Наша

борьба, поэтому, должна в себя включать и готовность к поражениям. Поражения не должны деморализовывать и мысль о них не должна удручать. Иначе можно очень быстро перегореть. Мы, во всяком случае, должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы внедрить в повседневность наши идеи и практики, сделать их известными и понятными более широкой среде, чем наша, – среде интеллектуально развитых и социально-активных трудящихся. Если нам удастся сделать это в нашу трудную эпоху – эпоху упадка общественных движений – то это уже не мало.

Во-вторых, я бы хотел коснуться некоторых терминов используемых Инсаровым. На мой взгляд, нет ничего хорошего в использовании в позитивном смысле терминов «власть», «передовые силы» и т.д. Кроме нас агитацией в пролетарской среде занимаются различные реформистские группы – сталинисты, троцкисты и т.д. Поэтому важно, чтобы наша терминология резко отличалась от терминологии подобных реформистских марксистских групп.

Кроме того, даже само слово «власть» воспринимается современным обществом именно в контексте государственной бюрократической машины. А ведь эту машину социальная революция должна будет уничтожить. Мы выступаем за то, чтобы общие собрания трудящихся и подконтрольные им органы координации (советы) взяли бы под полный контроль всю организацию общественной жизни, отсеивая все то, что этой жизни мешает. Мне кажется, такое определение во всех смыслах сильнее и лучше, чем применение термина «власть».

Вызывает сомнение использование в позитивном смысле и некоторых других формулировок, например понятия «передовая часть пролетариев». Люди моложе 30 в таком определении, возможно, не услышат ничего плохого. Но для людей старшего поколения подобные замечания ассоциируются с политикой КПСС, заявлявшей о себе, как о передовой части трудящихся. Разумеется, Инсаров не выступает за привилегии для наиболее активных или «идейно правильных» работников, какими были наделены аппаратчики КПСС. Но именно поэтому вряд ли стоит использовать подобные определения.

Михаил Магид

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-МАКСИМАЛИСТЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Для социально-революционного переворота необходима наличность немалых классовых групп производителей. А так как партия, как политическая организация, не может быть превращена в организацию экономическую, то она может лишь способствовать перевороту, но не быть руководителем экономической реорганизации общества в революционный период.

Экономический переворот возможен исключительно революционным путем. Партия же, для замены современного общества обществом социалистическим, стремится захватить власть путем парламентской борьбы, т. е. путем неревлюционнм, путем разряжающим атмосферу недовольства и ненависти к буржуазному строю, угашающим революционную энергию, социалистический энтузиазм и самодеятельность рабочего класса. Правда, допустимо существование и внепарламентской социалистической партии. Но если она построена по принципу централизма, то, как и партия первого рода, способствует лишь атрофированию воли в организованных ею массах, отнимает у них всякую возможность проявления инициативы и энергии, влияя таким образом на постепенный упадок революционного закала партии. С другой стороны, возможность ее пополнения членами разных настроений и воли, вследствие непрерывного роста партийных организаций при подчинении низов верхам, является также причиной превращения революционной и социалистической партии в партию социал-реформаторскую и оппортунистическую... Если же партия базируется на принципах автономии, федерализма и демократии (имеется в виду прямая демократия, власть общих собраний – прим. ред.), то она, правда, сохраняет революционный свой характер; но, как организация политическая, а не классово-экономическая, все же не может быть организацией переворота. Лишь организация, связанная в целом и в ее отдельных группах с внутренней и внешней жизнью производственных организмов, удовлетворяет этому требованию.

Вот на основании чего мы категорически высказываемся против организации трудовых масс исключительно на основе подбора членов по общности взглядов и мнений; мы против партии. Но, быть может, отрицательные стороны партийной организации могут быть устранены объединением рабочего класса в профессиональные союзы? Мы различаем союзы двоякого рода. Сущность одних заключается единственно в защите труда от чрезмерного гнета капитала и в борьбе за улучшения условий труда в пределах современного строя. Другие к этой задаче присоединяют еще одну; борьбу за полное уничтожение эксплуатации.

Какая же из этих организаций рабочего класса удовлетворяет поставленным нами требованиям? Ясно, что профессиональные союзы первого рода, выставляя своей программой борьбу за ближайшие интересы, имеют возможность организовать большинство рабочего класса. Для этого рода движения не опасно, что по своему составу этот вид организации представляет собою смесь групп однородных экономически, но разнородных по своим социально-политическим взглядам. Это не влияет на крепость союза. Борьба за ближайшие нужды не могут вызвать принципиальных конфликтов, ибо, и опыт это подтверждает, различие взглядов сглаживается в непосредственной и одинаково для всех необходимой борьбе и теряет свою остроту. Но именно поэтому профессиональные союзы и не могут быть органами социально-революционного переворота, ибо основным условием экономического освобождения является наличность боевых классово-экономических групп, готовых во всякое время применить тактику социальной революции. Тактика же союзов первого типа вырабатывается в процессе повседневной жизненной практики, властно требую-

щей сохранения сил и прежде всего успеха. А эти условия являются теми факторами, которые с железной необходимостью заставляют профессиональное движение чуждаться революционных средств, идущих часто вразрез с первым требованием и не могущих всегда считаться со вторым. Помимо всего этого, организация рабочего класса исключительно на почве борьбы за ближайшие материальные интересы не может поднять его на ту высоту самоотвержения и энтузиазма, революционно-социалистической самодеятельности и инициативы, которая требуется от борцов за полное освобождение народа. Лишь тогда, когда эти расчеты одухотворены мотивами высшего порядка, рабочий народ является тем энергичным и идеальным борцом, которому удивляются даже и враги его.

Но в таком случае: не удовлетворяют ли нашим требованиям проф. союзы второго разряда? И на этот вопрос приходится ответить также отрицательно. Имея все положительные стороны первых, они фактом признания своей конечной целью «экспроприации экспроприаторов», приобретают одну черту, которая неизбежно приводит их или к отказу от своей конечной цели, или к «партийности», но не в смысле формы организации и тактики, а в смысле необходимости программы для объединения лиц однородных убеждений. Дело в том, что и те, и другие проф. союзы состояются из лиц разных социально-политических взглядов. Но что безразлично для первых, то смертельно опасно для вторых, ибо осуществление «конечной цели» тесно связано с принципами тактики и оценкой общественно-экономических и психологических предпосылок переворота. А при различии мнений не только не может быть общих и революционных действий, как методов доповстанческого периода, но, наоборот, должно родиться или столкновение, постепенно превращающееся в непримиримый антагонизм частей союза, ведущий к полному его распаду, или действия хотя и общие, но неревлюционные. В организациях беспартийных синтезировать борьбу за «ближайшие цели» и борьбу за освобождение труда в социально-революционное движение масс невозможно, утопично. Это утопия романского синдикализма...

Организация социалистов-революционеров-максималистов должна быть однородной и экономически, и социально-политически. Признавая в тоже время коммунальный метод революции, необходимо власть в основу организации принцип территориальности. И таким образом ячейкой организации будет служить автономная заводская организация, вербующая своих членов на основе признания ими своей ближайшей целью полного уничтожения эксплуатации человека человеком и установления планомерной организации труда и всего производства. Находясь в центре рабочей массы этого производственного организма, плоть от плоти и кровь от крови этих представителей труда, заводская организация, как классово-экономическая ячейка, удовлетворяет нашему требованию участия в повседневной борьбе. Но чтобы быть ячейкой переворота необходимо признание ею и революционных методов борьбы, как единственного средства для достижения цели. Перенеся этим требованием вопрос из плоскости организации в плоскость тактики, мы тем самым достигаем синтеза разных видов движения труда и движения максималистического в социально-революционное движение народных масс. Ибо мы признаем ту точку зрения, что экономическая реорганизация общества возможна при наличности проникнутого трудовой психикой народа и организованного, энергичного, инициативного трудового меньшинства, но все же количественно довольно значительного.

*Из книги Гр. Нестрова
«Из дневника максималиста» Париж, 1910*

ПОРТРЕТЫ АНАРХИСТОВ

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА
(к 100-летию со дня гибели Павла Гольмана)**

*Не скажешь дням – остановись!
И солнцу – подожди!
Ведь стороной проходит жизнь
Как дальние дожди...*

Фаина Кривицкая

Жизнь человека, несмотря на любые внешние обстоятельства, принадлежит, прежде всего, ему самому. Многое влияет на личность, но все же решение о том, как жить и как умирать, в конечном счете, принимает она сама. Притом, бывают жизни длиною в век, прожитые напрасно, подобные унылому нескончаемому сну. Не такой была судьба человека, по имени Павел Гольман, погибшего ровно 100 лет назад, в августе 1906 г., в городе Екатеринослав (нынешний Днепропетровск) в возрасте 20 лет. Промелькнув на небосклоне российской действительности подобно яркому метеору, она осветила тысячи других жизней, подарив им надежду.

20 лет – много это или мало? В начале XXI люди взрослеют поздно. Даже самые лучшие лет до 25 решают вопрос: бунтовать против своих мам и пап, или (как советуют мамы и папы) пойти на работу, всерьез заняться учебой? Продолжать ли резвиться подобно детям, или «взяться за ум»? Инфантилизм странным образом проявляется и у вполне (казалось бы) взрослых людей, которые сами зарабатывают себе на хлеб. Дело тут не только в позднем взрослении, и даже не в наличии-отсутствии работы, но, прежде всего в том, что современное общество не располагает к вдумчивой серьезности. Наливайся, пей спайт, получай кайф. Только не думай! Ради бога, ни во что не вникай! Оценивай все вещи, которые предстают перед тобой в течение всей жизни по одному единственному критерию: «прикольно-неприкольно». Есть много игр, в которые можно поиграть. Приколись! Можно подсесть на наркотики или алкоголь, можно наоборот пойти качаться. Можно стать фашистом (антифашистом). Поиграть в революцию (реакцию). Определить себя как фаната той или иной музыкальной группы, стиля, направления, футбольной команды, субкультуры. Даже нищие, обреченные на раннюю смерть подростки из пригородов мегаполисов, могут выбирать из этого ряда, хотя выбор их небогат. Но, в конце концов, им телевизор подскажет, что делать.

Не то, чтобы плохи спорт или революция (хотя музыкальные стили и напитки могли бы быть получше). Просто у людей сохраняется инфантильно-подростковое, игровое восприятие жизни. Играй в свои игрушки, веселись страна дураков!

В конце XIX - начале XX столетия телевизоров не было. Пролетарии (обездоленные) - все те, кто не владел общественным богатством и зарабатывал себе на жизнь своим трудом - не были охвачены полем влияния СМИ. Да и самих СМИ еще не существовало, они только-только возникали. Многие семьи, даже большинство, были предоставлены самим себе. В такое время началась и закончилась жизнь Павла Гольмана.

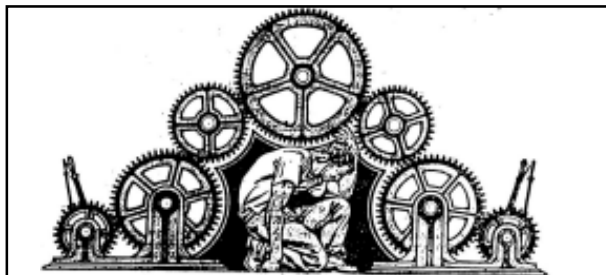
Павел Гольман родился в 1886 г., в семье урядника. Урядники – низшие полицейские чины в царской России, разумеется, не могут быть отнесены к пролетариату, а должны быть отнесены к эксплуататорскому классу, к паразитам, ничего не производившим, и живущим за счет трудящихся. Жизнь урядников, впрочем, не была роскошной, но и от этой далеко не роскошной жизни Павлу ничего не перепало, потому что еще в раннем возрасте, а именно в 12 лет, он остался без отца. С того времени вместе с матерью и младшим братом он живет в Нижнеднепровске – рабочем поселке под Екатеринославом. Чтобы семья могла свести концы с концами, Павел в воз-

расте 12 лет нанимается разносить бумаги и выполнять прочие мелкие поручения в контору при Франко-Русских мастерских. А с 15 лет работает слесарем на местных промышленных предприятиях, причем последние 2,5 года своей жизни – в Екатеринославских городских железнодорожных мастерских.

Подневольный труд, с тычками и хамством мастера, с произволом хозяина, за малейшие провинности налагавшего на рабочих штрафы или взыскания, конечно, травмировал детскую психику. В то же время жизнь в суровых условиях и необходимость кормить семью приучали к серьезности. Серьезное отношение к жизни в свою очередь будило мысль, которая напряженно искала выход из создавшегося положения. Очень скоро молодому человеку, попавшему в подобную ситуацию, становилось ясно, что шансов выбраться из нее у него не очень много. Жили тогда представители низового населения недолго. Социального страхования и бесплатной медицины большинство людей не имело, оплачиваемых отпусков – тоже. Предприниматель при желании (и такое желание у него возникало очень часто) мог заставить рабочего стоять у станка 14 часов подряд или больше, в зависимости от необходимости. В 40 лет человек становился дряхлым стариком. Многие умирали в юности, не дожив до 20 лет, от какой-нибудь болезни или от полученной на производстве травмы. На попытки вести мирными способами борьбу за рабочие права начальство реагировало стандартно – попросту увольняло строптивцев. Упорствующих ждали тюрьма и каторга. Полиция могла расстрелять или измордовать рабочих, потребовавших увеличить жалование на 5 копеек – подобная демонстрация уже считалась бунтом. О том, как обычно полиция обращалась с мирными демонстрантами, рассказывается во многих воспоминаниях об этой эпохе. Приведем цитату из мемуаров революционерки Н.Я.Деркач: «С пенем Марсельезы и возгласами «Долой самодержавие!» мы двинулись дальше по городу. Здесь на нас налетели казаки и полиция, демонстранты мигом рассыпались. Меня схватил шпик. Я попробовала от него отбиться, рассчитывая на помощь товарищей, но вместо товарищей подскочил казак с нагайкой. Он замахнулся, пересек мне переносицу, и только поля шляпы спасли глаза. Кровь залила все лицо, я ничего не видела. Шпики связали меня и бросили на дрожжи... Мы подъехали к полицейскому участку. Здесь меня сбросили с дрожек и потащили по мостовой. Проходившие мимо женщины, увидя кровь на мостовой, стали креститься и кричать: «Боже ты мой, за что же так избивают народ!» — их тут же арестовали и посадили вместе со мной. Меня били железным кистенем по голове, по лицу, выбили четыре зуба, бросили на пол, топтали сапогами. У меня на теле оказалось девятнадцать ран. Избиение прекратилось, когда я потеряла сознание. Кроме меня, на демонстрации был арестован один новобранец-крестьянин, которому выбили глаза».

Терпеть такую жизнь невозможно; она не стоила того, чтобы ее оберегать. Нужно было попытаться ее самым решительным образом изменить, поскольку терять все равно нечего. Если ты – человек, а не животное, какой смысл тянуть эту ляжку, заранее зная, как все будет и чем кончится? Человек тем и отличается от животного, что осознает настоящее, помнит о прошлом и строит планы на будущее, а не живет лишь текущим моментом. Здра-

вый смысл и осознание себя человеческими существами, а отнюдь не только революционный идеализм (хотя был и идеализм) подталкивали рабочих к тому, чтобы стать в оппозицию всей существующей социальной системе.

Если задуматься, то тогдашние условия жизни низов рабочего класса не слишком отличались от нынешних. Если сегодня милиция менее жестока, то лишь потому только, что куда реже сталкивается с протестами. Но вместе с тем, и сегодня либеральничать власть имущие не намерены. В Москве рабочих ДОН-Строя, погибших от несчастных случаев, хоронят прямо в стенах или фундаменте возводимых ими же зданий; эти роскошные элитные дома предназначены для проживания новых русских (удивительно символична порой жизнь, такое ни один писатель-символист не выдумает!). В Омске нанятые предпринимателями бандиты жгут офис совершенно легального, демонстративно подзаконного профсоюзного объединения. В Шелехове милиция прессует рабочего за распространение самодельной газеты, в которой он пытался рассказать другим рабочим об их освещенных государственным законодательством (!) легальных правах.

Тогда, в отличие от дня сегодняшнего, подобное положение дел подстегивало решительное сопротивление. Рабочие, особенно молодые, постепенно вливались в ряды революционных организаций, ставивших целью насильственное изменение существующего строя. Не стал исключением и Павел Гольман. С 15 летнего возраста он сотрудничает с местными группами социал-демократов, раздает рабочим прокламации. В 18 лет вступает в партию социалистов-революционеров (эсеров), где состоит полтора года. Как человек сообразительный, решительный и смелый, он быстро выдвигается вперед в местной эсеровской парторганизации, получая, как он сам в последствие, уже будучи анархистом, шутил – «повышения в чинах», «нашивки». А на дворе уже 1905 г., первая русская революция.

В 10-11 октября 1905 г. Павел проходит боевое крещение. Во время всеобщей забастовки, парализовавшей в России железнодорожное сообщение, с оружием в руках он сражается на баррикадах с полицией и казаками. Вновь забастовочное движение вспыхивает в декабре месяце, когда в Москве разливается вооруженное восстание. Не отставал и Екатеринбург. Павел Гольман избран в Боевой Стачечный комитет, представителем от рабочих Нижнеднепровско-Амурского района. Он принимает участие в заседаниях и работе Комитета, и в другой революционной работе: ездит по железной дороге, обезоруживает жандармов, захватывает 4 ящика динамита, позднее переданного им анархистам.

Почему тогдашние рабочие, вместо того, чтобы подобно рабочим сегодняшним уныло (или весело – есть и такие) ждать конца жизни, собирались в боевые революционные организации, объясняется не только отсутствием СМИ. Гораздо важнее, что люди все-таки чаще задумывались о своих перспективах. Еще важнее, что в большинстве своем, они были выходцами из деревень, местечек и маленьких городов, где все еще сохранялись традиции коллективной общинной жизни, основанной на совместном принятии решений и взаимопомощи. То были остатки древнего, доиндустриального, средневекового

общинно-сельскохозяйственного или ремесленно-артельного быта. Многие и в городах пытались отстаивать тот же самый принцип. Полицейское или хозяйское насилие против одного конкретного рабочего затрагивало не только его друзей, но и значительную часть трудового коллектива. «Один за всех и все за одного!» Не то, чтобы данный принцип разделялся всеми рабочими; среди последних существовали трения и противоречия. Старики зачастую презирали молодых и неопытных, молодые рабочие платили им взаимностью. Квалифицированные свысока смотрели на чернорабочих. Существовали и трения по национальному вопросу. Но все же в глазах многих упомянутый выше принцип был идеалом, к реализации которого на практике необходимо стремиться. Не то, чтобы наемные рабочие являлись сплошь идеалистами-альтруистами, пекущимися о благе ближнего более, чем о собственном. Как и сегодня у них была личная жизнь и намеренье ее обустроить. А сверх того – семьи: братья и сестры, которых надо было поднимать на ноги, престарелые отцы и матери, которые зачастую не могли прожить без их поддержки. Но возможностей для индивидуального обустройства личной жизни имелось немного или вовсе не имелось (как и сегодня у большей части населения России, да и мира), денег, чтобы помочь родственнику купить, к примеру, необходимые лекарства зачастую не хватало. Личный эгоистический интерес в какой-то степени совпадал с коллективным: «Я помогу тебе сегодня, а ты мне завтра». Ведь любого из нас могут уволить, оскорбить, арестовать! Только за счет коллективизма выживали рабочие в начале XX века. Только за счет коллективизма сохранялись в тяжелейших условиях крестьянские общины и ремесленные братства в течение долгих тысячелетий средневековья и древности. Рушились империи, падали и гибли цивилизации, но солидарные людские коллективы зачастую выживали среди ужасных природных и политических катаклизмов, восстанавливались в числе после, казалось бы, невосполнимых потерь, вызванных войнами и эпидемиями. Без коллективизма человечество давным-давно погибло бы, а скорей всего никогда бы и не возникло. Напротив, рыночный принцип, которым руководствуются теперь обездоленные наемные работники в повседневной жизни – «каждый сам за себя», неизбежно приводит к выводу: «Умири ты сегодня, а я – завтра». Он плох не только тем, что неэтичен, но и тем, что элементарно нелогичен, противоречит здравому смыслу и ведет к полному краху. Ведь завтра рано или поздно наступит. Рабочие начала XX столетия хотели жить и сегодня, и завтра; они хотели сами решать, каким будет сегодня и каким будет завтра. Чтобы это решать, требовалась сила, а сила появлялась лишь в ходе коллективных действий.

Революционные организации, в которые вступали рабочие, оказывались очень разными. Партии социал-демократов и социалистов-революционеров строились по принципу иерархии – подчинения нижестоящих инстанций вышестоящим. Этими партиями управляли и всю их деятельность жестко регламентировали отдельные избранные лица, авторитетные вожди, партийные генералы. Они были заинтересованы, прежде всего, в революции политической, такой, которая даст им возможность сесть в парламентские кресла, а то и – чем черт не шутит – захватить власть в стране. Высокопоставленные менеджеры, они, в сущности, хотели революции потому, что она могла дать им власть и богатство. Даже если они преследовали какие-то иные цели, они смотрели на рабочую массу как на своих подданных или как на живые орудия. О том, как и в какой степени парламенты пекутся о благе масс, превратившихся из активных творцов политики в «избирателей» и «электорат» можно узнать на примере сегодняшней российской государственной думы... Но 100 лет назад Дума еще только появилась на свет и подобные соображения были далеко не очевидны. Лишь некоторая часть революционных рабочих позитивно восприняла логику анархо-коммунистов и мак-

символистов, в соответствии с которой только собрания рабочих и полностью подконтрольные им (через систему конкретных наказов, данных собраниями, и через правы собраний в любой момент отзываться делегатов) стачкомы могут принимать ключевые решения. Именно к такому рабочим относился 19-летний Павел Гольман. Будучи членом Боевого Стаечного комитета, он своими глазами увидел ложь, интриги и закулисные махинации партийных организаций, прибравших стачком к рукам. Это, по свидетельству близко знавших его рабочих «вселяет в него глубокое отвращение ко всякой игре в правительстве, хотя бы и временное революционное». «Меня не ораторы переубедили, сделали анархистом, а сама жизнь... сам БСК меня сагитировал, его отрицательная деятельность. Каждый честный человек, принимавший в нем участие и видевший своими глазами его роковые ошибки, должен раз навсегда порвать с государственниками», — скажет он позднее екатеринославским анархо-коммунистам. Павел уходит из партии эсеров и сближается с анархистами.

Была, впрочем, и еще одна причина, заставившая его уйти из эсеров. А именно: непризнание теми за рабочими права на совершение боевых операций против фабричного начальства. Эсеры требовали безоговорочного подчинения руководству своей организации (комитету). «Я просил у комитетчика оружие, чтобы убить мастера. А он мне говорит: убей губернатора, тогда дам. Мне досаждает мастер, как рабочему, мне ближе этот акт, он для меня — почти потребность, и вот оказывается, я не волен даже в выборе акта, на который я иду».

«Ужас, ужас! — закричат в этом месте либералы. — Убивать начальников только за то, что они начальники! Какая жестокость!» Либералам, приветствовавшим в своем большинстве Чубайса у власти (исключения были редки) и реформы Гайдара, благодаря коим население страны ежегодно сокращалось на миллион человек, мы отвечать не станем. Остальным же, включая тех правозащитников, кто выступает за социальные права, ответим так. Мастер или бизнесмен, принявший решение или своими действиями способствовавший увольнению людей, заслуживает, с нашей точки зрения, наказания. Каким будет наказание — решать его рабочим. Что значит быть уволенным в нищей стране, имея на руках семью? Вы думали когда-нибудь об этом, господа правозащитники? А что такое умирать от воспаления легких, или смотреть, как умирает твой брат (мать, сын) и не иметь средств даже для того, чтобы купить дрова и протопить комнату зимой, вы знаете? Или вам все-таки нет дела до этих обездоленных, что плодятся на свет миллионами и миллиардами, размножаются, словно мухи в трупе мира? А как обращались тогда с рабочими в полиции вы знаете? С нашей точки зрения, тот, кто в подобных условиях (а условия, в которых жил Павел Гольман и его коллеги были именно такими) выкинул человека на улицу, заслуживает то, что... что получает. А чего тогда заслуживает мастер или бизнесмен, который, к примеру, навел на рабочих полицию?

У екатеринославских анархистов позиция Гольмана нашла понимание. Определялся коллективно лишь круг возможных объектов атаки, конкретную цель активист выбирал сам. Впрочем, организация анархистов Екатеринослава (практически все они были фабричными рабочими) сочетала, как мы уже писали, боевую деятельность, с акциями другого рода. У людей разный темперамент и разные представления о необходимом и возможном. Относительно мирно настроенные активисты и те, кто не считал себя готовыми к участию в боевых операциях, занимались мирной пропагандистской деятельностью, собирали рабочие кружки, распространяли анархистские листовки и брошюры среди своих коллег, организовывали стачки. Но Гольман — таков был его темперамент — сразу же вошел в боевую часть группы.

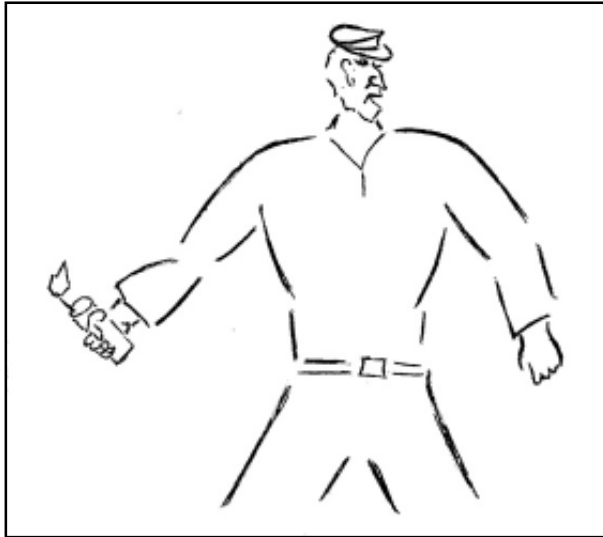
Однако, первая операция, которую он осуществил самостоятельно (это случилось в конце марта 1906 г.), состо-

яла не в покушении на своего мастера, а в покушении на жандармского вахмистра Коваленко, «главного местного шпиона и доносчика по делу о декабрьской забастовке». Но то ли наган дал осечку, то ли стрелок из Павла был тогда еще неважный, только Коваленко отделался лишь испугом, либо, по другим данным, был легко ранен. Кстати, наган Павел Гольман добыл самостоятельно, и, по данным екатеринославских анархистов, то был *казенный наган*, но о том, как он его добыл, анархисты скромно умалчивают.

18 апреля Павел принимает участие в экспроприации у сборщика налогов казенных денег. Акция оказывается успешной. Анархистская организация прокомментировала случившееся таким образом: «...Успехом этой самой крупной анархистской экспроприации за существование Екатеринославской группы мы в значительной степени обязаны его хладнокровию и распорядительности». Суммы, добытые экспроприациями (в данном случае свыше 6 тыс. руб. — немалые средства по тем временам), использовались анархистами для издания литературы, закупки оружия, ведения пропаганды, помощи забастовщикам или товарищам, находившимся на нелегальном положении. Все произведено всеми и нет у буржуа исключительного права распоряжаться совместно с другими произведенным богатством. И нет ничего плохого в том, что изъятые у него средства тратятся анархо-коммунистами на пропаганду своих идей, поддержку безработных или забастовщиков. Можно даже считать это своеобразным революционным налогом.

Разумеется, бывало по-разному. Среди анархистов имелись разные люди, в том числе и нечестные, и нечестные на руку. Были и простые уголовники, выдававшие себя за анархистов, и анархисты, скатившиеся до грубой уголовщины. Но там, где, как в Екатеринославе или Белостоке, существовали сильные организации, деньги тратились лишь на организационные нужды. Те, кто думает, что анархо-коммунисты роскошествовали и просиживали штаны в кабаках — сильно ошибается. Вот как описывает положение дел анархистский боевик Осип Левин, незадолго до своей казни, состоявшейся в Риге, сказавший следующее: «Из всех денег, экспропрированных нами у собственников, я не позволял себе тратить сколько-нибудь... Я умираю в старых штанах, подаренных мне моим братом, студентом, так как я ходил оборванцем. Деньги эти у меня считались священными, и я употреблял их только на святую цель. Я нахожу, что умираю не решником, а борцом за все человечество — в борьбе за освобождение угнетенных от гнетущего их современного строя». Господам либералам, которые тут опять примутся возмущенно кричать, на этот раз о правах собственников и бандадизме, посоветуем вспомнить о том, каким образом сделали себе состояния их любимые буржуа в России 90х годов. Вспомнили? Просьнулась память? Да разве так было только в России? В развитии частного капитала гангстеры сыграли выдающуюся роль. Немецкий исследователь истории капитализма, Роберт Курц отмечает: «Современная буржуазия... выросла отнюдь не из мирных купцов с древних торговых путей. Общественную почву, которая породила современное предпринимательство, составляли предводители наемных орд раннего периода современной эпохи, администраторы рабочих домов и тюрем, сборщики налогов, надсмотрщики за рабами и прочие головорезы».

3 мая 1906 года Павел Гольман узнает, что из Екатеринослава должна приехать железнодорожная комиссия с министром путей сообщения во главе. Как железнодорожный рабочий он решает бросить бомбу в эту комиссию, «оставляющую повсюду на своем зловещем пути циркуляры об увольнении рабочих». В назначенный час он стоит в нужном месте с бомбой в руках. Но министерский поезд не приехал. Тогда Гольман бросает бомбу в вагон первого класса курьерского поезда: в таких вагонах могли ездить тогда лишь представители буржуазии и чиновничества.

Буржуазная пресса сообщила, что поезд атакован по ошибке. Екатеринбургские анархисты посчитали, что не по ошибке, а сознательно и одобрили акт, поскольку он направлен «против сытой буржуазии». Как было на самом деле нам неизвестно. Но в любом случае, мы осуждаем подобные акции. Ведь в ходе этой атаки могли погибнуть не причастные люди, например родственники буржуев, которые никакой ответственности «за грехи отцов» нести не могут.

Раненый осколком бомбы Гольман попал в больницу. Ранение (в ногу) оказалось тяжелым и сильно беспокоило его: «Какой же может быть анархист и человек без ноги? Если я останусь без нее, я, по выздоровлении, дойду до первого участка (полицейского – прим. Магид), чтобы бросить в него бомбу и не буду уходить!» Но жизнь распорядилась иначе. Спустя 26 дней прямо в больнице Павел арестован и ему предъявлены следующие обвинения: 1) хранение взрывчатых веществ; 2) покушение на курьерский поезд по ошибке вместо министерского; 3) ограбление сборщика. По законам того времени два последних карались смертной казнью. Измученный, больной, нуждающийся во все новых и новых хирургических операциях, Павел Гольман известил товарищей о том, что ему грозит виселица и прибавил: «Ну что ж! Не я первый, не я последний, я буду считать себя счастливым, если в ту минуту не паду духом».

Екатеринославские анархисты не могли оставаться безучастными. Они предприняли попытку отбить товарища. Вот как она выглядела: «5 августа в 9 часов утра семеро товарищей-анархистов, вооруженных бомбами и браунингами, пришли в больницу освободить его. Одни арестовали и обезоружили городского, другие кинулись в палату, где он лежал, выхватили браунинги и, не видя его, крикнули: «Где Гольман?». Он выбежал из перевязочной сам, на костылях, одел с помощью товарищей принесенную ими одежду, взял свой браунинг и бомбу, дошел до выхода, бросил костыли, сел с товарищами на приготовленного извозчика, крикнул: «Прощайте!» и уехал. Увезти его удалось благополучно, без перестрелки».

Но не было у этой истории счастливого конца. Жизнь Павла Гольмана неумолимо приближалась к трагическому финалу и никакие усилия товарищей ничего не могли тут изменить. Было в нем что-то от секариев (кинжалщиков) – древнеизраильских воинов, предпринимавших самоубийственные атаки на римлян (не взирая на численность и ресурсы последних) впрочем, нанося им тяжелые удары. Потом екатеринославские анархисты напишут о Павле: «Ты не теперь, так немного позднее сложил бы голову при вооруженном сопротивлении, вооруженной схватке с полицией или на эшафоте...» Анархисты потеряли своих лучших людей, сожгли их в топке пер-

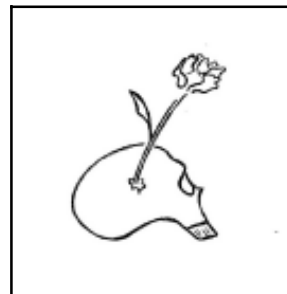
вой русской революции. Погибли Фарбер, Елин, Фридман, Келешья и многие другие - лучшие из лучших. Больше в России таких ребят, твердых как камень, решительных и радикальных среди рабочих-анархистов, пожалуй, не было. Среди крестьян были, но это уже совсем другая история, история махновщины, роговщины. А вот тех – Гольмана и других не было среди рабочих во время второй, более успешной русской революции. Тогда, в 1917-1921 гг. сдвинулись с места все оси мира и действительно решалась его судьба. Но не Беньямин Фридман и не Павел Гольман, а совсем другие люди возглавят петроградскую федерацию анархо-коммунистов в трудные дни 18 г., и деятельность этих других – фигляров и демагогов – ляжет позорным пятном на историю анархизма. Те, настоящие, погибли раньше.

Однако, все они – Фридман, Елин, Гольман – были такими, какими были, и, наверное, просто не могли поступать иначе. Они же не знали, что будет через 10 лет, верно? А им хотелось настоящей жизни и настоящей революции здесь и сейчас. Или все-таки следовало уйти в глухое подполье, уехать за границу, наконец, перейти к более мирной деятельности, когда после поражений в декабре 1905 г. первая русская революция пошла на спад? А как думаете вы?

...Боевики, организовавшие освобождение Гольмана, ушли из дома, где он находился, для организации его дальнейшей перевозки. Они хотели сделать для него все самое хорошее. Но они уже ничего не могли для него сделать, потому что когда Павел остался один, дом окружила полиция.

...Сдаваться не имело смысла: все равно виселица. Власть не брала боевиков в плен. Попадай никто не просил и никто не ждал. Анархисты тоже расправлялись с полицейскими без всякой жалости. Только теперь у Павла было оружие. Он стал стрелять в окно, убил одного полицейского, второго тяжело ранил. Остальные открыли ответный огонь. Возможно, Павел был убит выстрелами полицейских, а может быть, не желая даваться им в руки живым, застрелился сам. На последней версии настаивали екатеринославские анархисты. Ему было 20 лет.

Даже мертвый, он вызывал у властей страх. И не удивительно. Узнав о гибели Гольмана, тысячи рабочих Екатеринбургского и Нижнеднепровского побросали работу. Начались стихийные митинги. Тело его не выдали и матери, полиция похоронила убитого сама, на Севастопольском кладбище. Прослышав о тайных похоронах, туда стали стягиваться толпы демонстрантов, полиция нападала на них, были арестованные, раненые. Антибуржуазные акты боевого сопротивления вызвали в ту пору огромное сочувствие среди рабочих, тем более, что погибший был одним из них.

...Считается, в конце каждой статьи непременно нужно делать какие-то выводы, находить какую-то мораль и подводить итоги. Но почему-то нам не хочется так делать. Мораль пусть каждый ищет и находит сам. Павел Гольман прожил славную жизнь и умер славной смертью. Что еще вы хотели бы услышать?

Михаил Магид
(август 2006)

1. Анархисты. Документы и материалы. Т.1. Москва 1998 г.
2. Н.Я.Деркач. По Этапам и Тюрьмам. <http://socialist.memo.ru/>
3. Роберт Курц. Манифест Против Труда. См. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/istok.shtml
4. О Причинах Пассивности Пролетариата. Марлен Инсапов. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/prolet.shtml

ТЕОРИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Организация – это не самоцель, а лишь средство достижения поставленной цели

Старая анархистская истина

Мы – коммунисты. Не в том опошленном и искаженном виде, который то и дело, как пугало, является нам со страниц, каналов и волн СМИ («коммунистический режим», «коммунистические государство», «коммунистическая партия»). Настоящий коммунизм – анархистский, безгосударственный и безвластнический, вольный, либертарный, и какие-нибудь сто лет назад, встретив упоминание о коммунистах, человек мог быть почти на 100% уверен, что речь идет об анархистах. Лишь в 1917 г. это слово было украдено большевиками, а затем изуродовано ими и выставлено на посмешище всего мира. . .

Мы – коммунисты в том старинном, неукраденном еще смысле. В том, который означает вольную коммуну и ассоциацию. Когда заинтересованные люди совместно, сообща (на общих собраниях) принимают решения о том, как им жить и что делать, помогая друг другу. Когда они сообща пользуются имеющимися и вновь произведенными благами планеты – говоря словами поэта-анархиста 18 в. Сильвена Марешаля, как пользуются светом Солнца, что светит для всех.

Мы – коммунисты не только в нашем представлении о цели, о будущем, за которое мы сражаемся. Мы – коммунисты и в самой нашей борьбе. По нашему убеждению, только общие собрания трудящихся на предприятиях и в учреждениях, только общие собрания жителей кварталов, микрорайонов и населенных пунктов должны решать, как бастовать или бунтовать, как проводить демонстрации и митинги, как отбиваться от репрессий и органов охраны существующего беспорядка. Решать сами, без самозванных или «выборно-уполномоченных» представителей – партий, профбюрократов, депутатов и судей. Такие суверенные общие собрания – не только залог успеха борьбы сегодняшней, но и прообраз, основа и краеугольный камень свободного завтра.

Но если вы, анархисты, ратуете за общие собрания и видите в них основу вольного общества – почему вы считаете необходимым создание анархистской рабочей организации? – может спросить читатель. Зачем она, если собираются такие собрания?

Начнем с того, что общие собрания – редкость в современной России. Здесь борьбу чаще всего ведут и возглавляют партии, политики и бюрократические профсоюзы. О том, как и зачем бастовать, решает профком, а собрание созывается лишь для того, чтобы утвердить уже принятые решения. На большее, как принято считать, «незнающая» масса и неспособна. Эту печальную «традицию» следует сломать любой ценой! Вот почему

Общее собрание во Франции - весна 2006 года

объединить тех, кто отстаивает принцип суверенитета общих собраний, жизненно необходимо.

Но и одних только общих собраний сегодня недостаточно. Во Франции, в отличие от России, их созыв, наоборот, является традицией. Такие «ассамблеи» почти всегда собираются, как только вспыхивает серьезная забастовка. Но очень быстро и на них власть захватывают представители каких-либо оппозиционных партий или профсоюзов. После этого все реальные решения о ходе и организации борьбы принимают уже они, лидеры, а не шумливое, непокорное рабочее «вече». Они говорят, совещаются, ведут переговоры с предпринимателями и властью, заключают союзы и сделки за спиной трудящихся. . . А «обычные» люди внизу опять становятся статистами – как всегда при капитализме. Причем на сей раз «низы» сами отрекаются от своего суверенитета, сами «доверяют» вождям думать и решать за них.

Почему так происходит?

Дело в том, что общие собрания – это лишь форма принятия решений. Пусть наилучшая из возможных, но все же – не самоцель. Ведь на таком «вече» можно принять самые разные решения. В том числе и человеконенавистнические. В том числе и об отказе собравшихся от собственных полномочий и передаче их в руки «представителей», вождей и диктаторов. Важна не только форма, но и содержание, важна гармония между ними. Содержание же решений собрания определяется теми людьми, которые в нем участвуют. Их желаниями, их нуждами, их убеждениями, их взглядами. Все зависит от них.

Конечно, человек – существо социальное (в этом, если угодно, его биологическая особенность). Конечно, его поведение во многом определяется глубинным, изначальным импульсом взаимопомощи и солидарности. Но не стоит сбрасывать со счетов реалии того общества, в котором мы живем. Тысячелетия Власти, Господства и Собственности тяжело изуродовали личность человека. Особенно преуспел в этом капитализм с его конкуренцией, звериным эгоизмом, погоней за частной выгодой, приспособленчеством и развращающим потребительством. Сегодня многие готовы променять свободу на комфорт и довольствоваться крохами, приобретенными минимальными усилиями и по возможности без борьбы. Мы живем в больном обществе, в безумном мире. Но больные всегда по-разному затронуты болезнью. Личности наших современников искажены и извращены в разной степени. Мы не говорим уже о правителях, богачах, предпринимателях и банкирах – понятно, что кошелек, положенный справа, у них часто заменяет сердце, как известно, расположенное слева. Но ведь и среди людей труда сегодня немало тех, кто не помышляет рвать с капитализмом и властью, не желает брать на себя бремя управления собственной жизнью.

Следовательно, если мы хотим, чтобы общие собрания оставались независимым решающим органом, чтобы именно сами «рядовые» люди были хозяевами своей борьбы и своей судьбы – то сторонникам такого выбора необходимо объединиться и сплоченно отстаивать его.

Вот зачем нужна революционная организация: она призвана соединить в своих рядах тех, кто хочет и может вести осознанную борьбу за торжество Свободы, Солидарности и Безвластия; за то, чтобы люди сообща договаривались между собой, как им жить; за общество, основанное на самореализации лично-

сти и координации усилий людей на общих собраниях; за равную возможность пользоваться благами мира – за анархистский коммунизм. Пусть даже сегодня в нее вступят лишь очень немногие. Мы твердо уверены, что рано или поздно наши кристально и беспощадно ясные идеи убедят подавляющее большинство людей и изменят весь мир.

Значит ли это, что мы, приверженцы вольного коммунизма, должны создать политическую партию и вести борьбу за политическую власть?

Само слово «партия» уже содержит в себе то, что мы отвергаем: оно означает «часть» – часть народа, которая действует вместо него и за него. Ее создают те, кто претендует на должности лидеров, вождей, «представителей», те, кто хотел бы, чтобы «обычные люди» вручили им роль руководителей борьбы и жизни. Партийцы всегда действуют «сверху» – даже тогда, когда они работают «внизу», в народной среде. Доверьте нам представление своих интересов, говорят они «маленькому человеку», а уж мы тогда... И бедняк, как Даная, загипнотизированная миражом изливающегося на нее золотого дождя, покорно или даже восторженно бредет отдавать свой голос, свое время, свои силы, свои руки, свои мозги... – короче, отдавать себя, «отдаваться».

Совершенно неважно, о какой партии идет речь: парламентской или «авангардной». В первом случае, ее лидеры пытаются представлять (лоббировать) интересы различных групп существующего общества, обещая всем все, но удовлетворяя, в конце концов, только тех, у кого есть богатство и власть. Во втором, ее вожди объявляют себя «передовой» частью народа, естественной элитой, только не понятой и не оцененной нынешними властителями. Но всегда и везде цели и задачи у партий одни и те же: придти к власти, сформировать правительство и насиловать общество сверху.

Нет, мы не собираемся создавать партию. Но мы не хотим и оставаться идейно-пропагандистской группой, даже если иногда вынуждены начинать именно таким образом. Теория мертва без практики, умствования в башне из слоновой кости бессильны без реальной жизни за ее пределами. Идеи движут миром, но лишь тогда, когда они становятся общественными силами.

Мы не желаем ограничиться простым распространением наших идей. Нам мало бывать «там, где массы» и говорить с другими людьми – такими же и не такими же, как мы. Нам недостаточно приходиться на митинги и собрания бастующих или инициатив жильцов и вести агитацию за суверенитет общих собраний и прямое действие (то есть непосредственное отстаивание людьми своих интересов, не передоверяя этого политикам, партиям и бюрократам). Мы считаем, что необходимо мощное общественное движение, сознательно стоящее на почве наших идей и ведущее борьбу за Свободу. Нет, мы не хотим быть идеологической группой, которая анализирует, обобщает происходящее и со своих «научных» и «культурных» высот с более или менее скрытым самодовольным высокомерием поучает «ведомых» и «направляемых» ею братьев «по классу».

Мы стремимся быть социальным движением, которое разрушает существующий общественный строй и создает новый.

Борьба с нынешним миром эксплуатации, господства, власти и несправедливости начинается с сопротивления против любого посягательства на нашу жизнь и свободу. С забастовок, направленных на повышение зарплаты и сокращение рабочего времени (а значит, на ограничение нашей эксплуатации и увеличение времени для нашего саморазвития). С протестов против строительства домов для богатей и коммерческой перепланировки кварталов, в которых мы живем. С противостояния сооружению и размещению индустриальных или энергетических объектов, вредных для здоровья людей и природы. Иными словами, с выступлений, в ходе которых мы, эксплуатируемые, униженные и оскорбленные, отстаиваем свои

права и интересы в существующей общественной системе, пока мы не в состоянии еще низвергнуть ее.

И прежде всего, конечно, это относится к сфере труда. Мы подвергаемся эксплуатации и угнетению на каждом шагу – на работе и в семье, там, где мы живем, и там, где учимся... Но главная область нашего бесправия – там, где заложена основа нашего повседневного рабства – это все-таки работа. Ее поставил капитализм в центр огромного, всеохватывающего механизма нашего унижения и порабощения. Именно на работе, продавая свой труд, свои руки и мозги, мы проводим большую часть жизни, затрачивая остальное время на то, чтобы хоть немного отдышаться, отдохнуть, выспаться и привести себя в относительный порядок. Именно там мы низведены до роли живой машины и придатка других машин – из металла и пластика. Именно там мы создаем большинство благ, необходимых для жизни – и полностью зависим от любой прихоти наших господ – хозяина или начальника – которые и присваивают произведенные нами общественные богатства... Вот почему мы стремимся поставить сферу нашего труда (предприятие или учреждение, где мы работаем, школу или вуз, где мы учимся) в центр нашего сопротивления против гнетущих нас Капитала и Государства.

Но тогда вам следует активно вступать в профсоюзы или – если они вас почему-то не устраивают – создавать новые, скажет читатель. И снова мы вынуждены будем сказать: нет!

Профсоюзы возникли в 19 веке (в России – в 20 столетии), чаще всего придя на смену распущенным и уничтоженным капитализмом объединениям производителей – цехам. Объединяясь в союзы по профессиям, рабочие пытались помочь друг другу в жизни и труде, наладить культурную работу, уход за больными и стариками. Многие союзы выступали именно как общества сопротивления, ведя борьбу за повышение зарплаты, улучшение условий труда и сокращение рабочего времени. Нередко они действовали по-революционному, проводили боевые забастовки и всеобщие стачки, становились сердцевинной особой рабочей культуры, противостоявшей цивилизации капитала, открыто провозглашали цели социальной революции.

Но у них – даже наиболее революционных – всегда сохранялось слабое место. Ведь профсоюзы формировались, отвечая потребностям людей труда в существующем обществе. В первую очередь – потребностям экономическим, материальным. В условиях дикой нищеты народа в 19 – начале 20 веков казалось, что капитализм так и не сможет их удовлетворить, что, постоянно вырывая у капитала жало, можно в итоге припереть его к стене и покончить с ним. Но этот бег наперегонки был проигран рабочими. Оказалось, что индустриально-капиталистическая система в состоянии организовать массовое, обезличенное производство для массового, безликого потребителя. Конечно, индустриальный товар был куда хуже по качеству, чем шедевр средневекового ремесленника, зато он был доступен почти каждому «среднему» бедняку. Более того, выяснилось, что буржуазия и государство вполне в состоянии принять многие зарплатные требования людей труда, удовлетворив их... за счет других трудящихся. Скажем, поднять зарплату работникам бастующего предприятия – но повысить цены на производимый и продаваемый товар. Или сократить рабочее время – но одновременно сделать труд более интенсивным и за меньшее число часов выжать из работников больше энергии и сил. Стало ясно: из одних только материальных и экономических нужд отнюдь не обязательно вытекает слом существующей несправедливой системы. Ведь и раб может предпочесть, ни за что не отвечая, сыто жить в довольстве у «доброего» хозяина, нежели вести полную риска жизнь свободного человека.

К тому же, оставаясь в рамках существующего порядка вещей и не ведя непосредственно борьбу за новое общество, профсоюзы были открыты для людей с самыми разными убеждениями. Включая тех, которые не решились на разрыв с капитализмом и государством и искали себе более «приличных» господ – в лице лидеров социалистических, а позднее – «коммунистических» партий. Вручая борьбу за свои интересы в руки этих жадных до власти авантюристов, члены профсоюзов добровольно ограничивались тем, что сами отстаивали чисто материальные и сиюминутные требования лучших условий своего рабства. Так возникла двойственность: идеологические партии ведут политическую борьбу, а профсоюзы – экономическую. Да и сами профсоюзы постепенно перестроились по той же схеме «представительства» интересов. Внутри этих организаций росла и крепла собственная бюрократия, а рядовые члены все больше становились простыми статистами – плательщиками взносов и исполнителями решений. В конце концов, профсоюзы превратились в тех огромных бюрократических монстров, которые хорошо известны каждому на своей собственной шкуре и достойны только одного – слома, разрушения.

Мы не хотим организовать обычный, неидеологический и открытый «для всех трудящихся» профсоюз, потому что не хотим довольствоваться простым улучшением своего рабского положения, не хотим разрывать единую, живую нить нашей борьбы с всемогущей Системой на отдельные, несвязанные друг с другом моменты – экономический, политический, духовный, идейный, культурный... Нет, мы стремимся жить не просто лучше – но иначе. Мы хотим быть свободными людьми!

Та революционная организация, которую мы создаем, не является ни партией, ни профсоюзом. В основе своей она – рабочий союз, поскольку объединяет людей труда, которые оказывают сопротивление повседневной эксплуатации и угнетению и потому ведут борьбу за сокращение рабочего времени, за улучшение своего материального и духовного положения. Но такое улучшение для нее – не самоцель, но лишь средство пробудить в человеке дремлющие начала солидарности и взаимопомощи, вдохновить его на революционное бунтарство против власти и собственности, неравенства и угнетения. Только отстаивая свои права и интересы бок о бок, мы, трудящиеся, можем преодолеть эгоизм, обрести человеческое достоинство и проснуться от вековой спячки, осознав: чтобы освободить самих себя, необходимо покончить со всей существующей Системой производства, управления и жизни – и заменить ее новой: анархистским, безгосударственным, вольным коммунизмом.

Поэтому наши общества сопротивления трудящихся (по профессиям и межпрофессиональные) – в то же самое время организации идейные. Они созданы не на основе сиюминутных экономических интересов, хотя борются и за них, и за новый мир.

Мы – за осознанно-анархистскую рабочую организацию. Она свободна от бюрократии, политиканства и карьеризма, все решения в ней принимаются общими собраниями членов или (выше местного уровня) – делегатами от таких собраний. Причем делегаты – это не «представители», но лишь «голос» тех, кто их направил, связав поручением, обязательным для исполнения.

Чем предстоит заняться такой федерации людей труда? Составляющие ее союзы призваны вести идейную, агитационную и культурную работу, словом и делом пропагандируя высокие цели и принципы анархистского коммунизма. Они должны готовить, организовывать и проводить забастовки и другие акции сопротивления против ига государства и капитала. И в то же самое время, их члены обязаны действовать по-анархистски на крупных общих собраниях всех работников одного или нескольких предприятий и учреждений, на ассамблеях и в инициативах жителей и т.д. – добиваться, чтобы именно эти собрания решали основные вопросы борьбы и жизни, противодействовать влиянию и власти политических партий, профсоюзов и лидеров. Иными словами, они должны применять и отстаивать прямое действие и либертарный коммунизм.

Наша цель состоит в том, чтобы массы людей труда переходили на осознанно анархо-коммунистические позиции, начинали думать и поступать как анархо-коммунисты, независимо от того, состоят они в наших союзах, или нет. Тогда создаваемые ими органы сопротивления (общие собрания и делегаты от них), сегодня столь редкие или колеблющиеся и неустойчивые, смогут в будущем стать регулярными и постоянными структурами самоуправления и самоуправления на вольной коммунистической основе. И тогда, воодушевленные идеями-силами анархистского коммунизма, все мы, эксплуатируемые и угнетенные, в некий великий вечер пойдем на последний и решительный штурм бастионов Старого Мира.

В.Граевский

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

Есть вопросы, которые часто задают сторонникам коммунистического анархизма, они довольно типичны. Ответы на данные вопросы приводятся ниже.

Нам представляется необходимым разрушить представление о коммунистическом обществе как о заповедном рае, где царит абсолютная гармония в человеческих отношениях, имеется невероятное материальное изобилие и фантастические технологии. Объявляя подобные вещи неизбежными качествами коммунистического общества, большевики и другие сторонники партийных иерархий, называющие себя коммунистами, отодвигают коммунизм в далекое будущее. В настоящем же, полагают они, коммунистические отношения все равно невозможны ни в какой форме. В настоящем люди должны

работать в поте лица на государство, которым будет руководить марксистская партия и укреплять это государство, с тем, чтобы когда-нибудь оно построило коммунизм. Ключевая идея марксистских коммунистических групп выражена принципом «отложенного удовольствия», как его обозначил Маркузе. Еще лучше эту мысль выразил Мао: «Десять лет упорного труда, десять тысяч лет счастья». Стоит ли говорить о том, что ожидаемое счастье так никогда и не наступило.

Сладкой большевистской лжи о коммунизме мы противопоставляем борьбу за человеческую коммуны, не лишённую недостатков и противоречий, но вместе с тем достижимую, реальную, земную. Некоторые социальные эксперименты человечества, например, коммуны Ара-

гона в Испании 1936-1937 гг. или Венгерские рабочие советы приближались к этой реализуемой мечте.

«При анархии решение должно приниматься не большинством голосов, а единогласно, при учете всех мнений, на основе консенсуса. При капитализме это практически невозможно, и, кроме того, совершенно заблокировало бы работу революционной организации, лишило бы ее возможности действовать оперативно и эффективно. Организация, построенная на анархистском принципе, оказалась бы бесполезной в борьбе против капитализма, она действовала бы слишком медленно, поэтому необходимо придерживаться иерархического принципа организации. В организации должен быть центр, который способен быстро принять решения, необходимые для исполнения всеми остальными.»

Кто установил такой порядок, что при анархистском коммунизме решения непременно должны приниматься консенсусом? Это выдумка... Всеобщее согласие – вещь невозможная. Желательно приходиться к согласию, когда принимаются жизненно важные решения. Но часто это невозможно, а действительность требует оперативно решить вопрос. Тогда решение принимается большинством. Сообщество, где все решения принимаются на основе консенсуса, скорее всего, будет похоже на центрационный лагерь.

Из принятия решений большинством, в свою очередь, совершенно не вытекает необходимость для меньшинства подчиняться большинству. Достаточно, чтобы оно не мешало. Могут не участвовать в выполнении решений, могут критиковать их – но не имеют право противодействовать. Такой подход позволяет ликвидировать принуждение хотя бы внутри организации. Никто не заставляет людей делать то, что они не хотят. У них сохраняется право убеждать других в том, что принятые решения не были верны.

«В современном мире для борьбы с эксплуатацией и господством человека над человеком необходимо насилие. А для организации насилия опять-таки нужен централизованный аппарат. Только движение трудящихся, построенное по принципу армии, управляемой генеральным штабом, сможет разрушить институты буржуазного общества, захватить власть и использовать ее для блага самих трудящихся. И лишь потом станет возможен переход к коммунистическому обществу.»

Совершенно не из чего не следует, что успешная революционная организация должна быть централизованной. Есть свои тактические преимущества у децентрализации. К ним относится способность гибко реагировать на местах на быстро меняющуюся ситуацию. У децентрализованной организации нет уязвимого центра, ликвидация которого могла бы обрушить и парализовать всю организацию. Так в Польше в 1980-1981 гг. существовал огромный профсоюз Солидарность. В нем насчитывалось 10 миллионов человек, – четверть всего населения страны. Но в декабре 1981 г. польское правительство ввело военное положение и разгромило Солидарность. Несмотря на огромную численность, профсоюз оказался крайне уязвим, именно потому, что имел жесткую централизованную структуру. А в ее рамках все ключевые решения принимались несколькими сотнями профсоюзных чиновников. Кроме того, организации на местах не имели опыта решительных, самостоятельных действий. Властям достаточно было арестовать руководителей, а так же чиновников, поддерживающих связь между центром и различными региональными отделениями Солидарности, чтобы парализовать всю работу профсоюза.

Напротив, в Венгрии в 1956 г. рабочие собрания и подконтрольные им органы координации (советы) победили государство без централизации. Афганские моджахеды из 10-15 разрозненных группировок разгромили централизованную армию Советского Союза в 1980-1967 гг. Союз вольных городов Италии разбил в XII веке ар-

мию Фридриха Барбароссы. В V веке до н.э. союз независимых полисов Греции уничтожил огромную армию централизованной персидской империи.

О том, как современное децентрализованное общественное движение может победить централизованную силу государства, свидетельствуют революционные события в Боливии в 2003 г. Вот что писали об этом движении (именуемом «газовой войной») боливийские анархисты: «В «газовой войне» не было единого центра. Существовало множество центров, сходящихся вместе к одному-единственному центру, резиденции правительства, сметая силы государства и превращаясь в единую кочующую военную машину, продвигающуюся к центру государственной власти, разрушая власть. Эта военная машина состоит из многих центров активности и силы. Одним из них неожиданно стало движение крестьян-аймара из айлью (сельских общин), аграрных коммун и пастухов степи, которые захватывали дороги и перегораживали их камнями, исчезая перед самым появлением армии. Та приступала к разблокированию дорог, на что тратила большую часть дня. Таким образом аймара перерезают движение транспорта между городом Ла-Пасом и озером Титикака, с Перу, с Юнгас и Бени на севере и с Оруро, Кочабамбой и Санта-Крусом на юге. Эти акции не ведут к жертвам среди солдат репрессивных сил. Но государству наносится огромный экономический ущерб, поскольку затрудняются торговые перевозки из Ла-Пасом в остальную часть страны и на внешние рынки, и перевозки из внутренних районов страны и с внешних рынков в Ла-Пас... Шахтеры Уинуни предпринимают обходный маневр и стремительно продвигаются к Ла-Пасу в некоем подобии блицкрига или маневренной войны. Шахтеры выступают из Уинуни по направлению к Оруро, армия выступает, чтобы перехватить их на равнинах Сора-Сора, шахтеры обходят армию с флангов через холмы. Таким образом, они вступают в Оруро и занимают его, обходят армию с тыла... Основная часть контингента из 3000 шахтеров доходит до Патакамайи, где ее задерживает армия, а затем снова возобновляет движение вперед, пока не достигает Ла-Паса. Шахтеры несут динамит и старые ружья «маузер». Импровизированные воины. Настоящая военная машина. Кочевая жизнь и стремительность... Эль-Альто, огромный пригород (Ла-Паса, столицы Боливии – прим. пер.), временное прибежище крестьян-аймара, мигрантов с плато Альтиплано, бывших шахтеров, переселившихся из Потоси и Оруро, рабочих-механиков и текстильщиков, ремесленников, огромной массы молодежи, не имеющей работы, образования и надежды и находящейся в безвыходной ситуации, эмигрантов из Перу (...). Взрывная нищета, выброшенная городом вон. Сила, вобравшая в себя потенциал ответа. И был дан прекрасный ответ – ответ восставшего города. Огонь, динамит, камни, баррикады и траншеи ответили автоматическим ружьям, танкам, вертолетам армии и полиции. На убийства население ответило взрывом ярости и всеобщей самоорганизацией. Ночью соседи натягивали колючую проволоку между фонарями, чтобы помешать проходу солдат. Кварталы объединялись вокруг своих соседской ассоциаций, ставших центрами и руководителями борьбы. Каждый приходской колокол подавал горячие призывы, призывал обитателей на битву. Они организовывались по группам домов; были сооружены сотни баррикад и траншей. Динамит, принесенный шахтерами, послужил для того, чтобы взорвать железобетонные пешеходные переходы на главной улице Эль-Альто и помешать проходу танков, грузовиков и военных отрядов. Блокада очистительного завода ЯПФБ в Сенката, который производит горючее, жидкий газ, керосин и дизельное топливо, вызвала нехватку горючего для танков и армейских грузовиков. Это побудило военных сформировать караваны (один провалился, второй оказался относительно успешным), из танков, грузовиков и вертолетов. Они стоили многих жизней людям Эль-Альто и Ла-Сехи. И все же то было поражение армии, ведь ей пришлось органи-

зывать целую военную экспедицию, чтобы раздобыть хоть немного горючего... Ла-Пас (столица Боливии — прим. ред.) был атакован с четырех сторон. Крестьяне из окрестностей Ла-Паса, Юнгаса и Ачакачи продвигались к городу и мало-помалу почти неувидимо проникали в него... Что касается распространения информации в ходе конфликта, мы можем сказать, что оно осуществлялось не иерархически, а через газеты, радио — прежде всего, народные, квартальные и принадлежащие ассоциациям — и некоторые каналы телевидения. Оно было горизонтальным и осуществлялось по многим направлениям, идя отовсюду и во всех направлениях и отличая убийства и правительственные репрессии. В Ла-Пасе и по всей стране действует прекрасная система радио и связи «Эрболь», которая образует сеть радиостанций во всех внутренних районах страны и разъясняет различные события движения».

Действуя подобным образом, боливийское социальное движение добилось своих целей, сместило действующего президента страны. В долгосрочном плане оно добилось и другой цели: национализации газовой промышленности, приносящей основные доходы стране. Другое дело, что более глубокой и последовательной социальной программы у движения не было. Но это уже совсем другая история.

«Вы вообще против наличия центра?»

Анархо-коммунизм предполагает отсутствие централизованного руководства в обществе и в революционной организации. Но он предполагает централизованную координацию усилий. Это означает наличие избранных от самоуправляющихся сообществ делегатов. Делегаты на своих совещаниях осуществляют координацию работ этих сообществ и решают технические вопросы, связанные с такой координацией. Каждый такой делегат действует строго в рамках наказа, данного его сообществом. Сообщество может его отозвать в любой момент. Это так называемая система советов, которая органично дополняет самоуправление на местах. Как писала Ханна Арендт — один из крупнейших социальных философов 20го столетия, в Венгрии 1956 г. мы видим ту же систему советов, что и в мятежном Кронштадте 1921 г. систему, которую большевики так опозорили, что теперь вряд ли кто понимает ее смысл и назначение. Так кронштадтский ВРК (Временный революционный комитет) все ключевые решения приводил в действие только после совещаний делегатов с собраниями сообществ (городских кварталов, или коллективов линейных кораблей) избравших этих делегатов.

Именно низовые собрания являются носителями суверенного права принятия решений. Поэтому любое решение совета может быть ими в принципе отклонено. Вот что, к примеру, происходило недавно во Франции во время последних событий. Рассказывают рабочие анархисты из Монпелье: «Движение выросло из ряда ассамблей (собраний), которые постепенно стали массовыми и в ходе которых выработались структуры и идеи, прежде чем люди на самом деле перешли к действиям. Это позволило придать движению глубину и связность... Ассамблеи позволяли людям понять друг друга, вместе выдвигать идеи, до каких отдельные индивиды никогда не додумались бы. Это место встречи всех участников движения. Там возникают группы единомышленников, которые предпринимает акции, каких никогда бы не получилось, если бы все не собралось вместе. Там растет понимание того факта, что возможно организовать без лидеров. Там, наконец, зарождается сознательная сила, способность анализировать положение вещей... Такие

ассамблеи стали собираться в крупнейших залах и аудиториях французских университетов... Движение университетских ассамблей начало координировать свои действия в масштабах страны. Координационные собрания проводились еженедельно; каждый блокированный университет посылал по 7 делегатов, каждый бастующий — по 5. Каждый из них имел четкий наказ, обязательный для исполнения».

Те же самые принципы могут и должны работать в революционной организации трудящихся до и во время социальной революции.

«Но, все же, для того, чтобы одержать победу над врагом, нужна стройная организация. Как можно добиться ее, не имея централизованного аппарата, который будет заниматься вопросами управления?»

Для победы над нашим врагом — силами государства и капитала необходимы совсем иные вещи. Это, во-первых практика самоорганизации и самоуправления, а во-вторых идея-сила, то есть убеждение в необходимости формирования анархистского коммунистического общества. И все вместе вовсе не исключает стройной организации, но только организации горизонтальной, работающей на основе добровольной дисциплины, а не принуждения.

К тому же у нас нет выбора. Централизованная организация (партия, профсоюз) такова, что в ней, по определению, все ключевые решения принимаются центром. Несколько десятков человек, профессиональных менеджеров-управленцев, принимают решения о том, как действовать всем остальным членам организации. Они распорядятся временем рядовых членов организации, отдадут им приказы, контролируют их усилия, управляют финансами и прочими материальными ресурсами организации. Отсюда две проблемы.

Во-первых в рамках такой организации люди не учатся думать и действовать самостоятельно, они, напротив, привыкают подчиняться приказам. Масштабы этого явления таковы, что, как отмечал немецкий революционер Отто Рюле, компартия Германии и немецкие профсоюзы с их централизмом и подчинением нижестоящих вышестоящим «подготовили немецкий рабочий класс к фашизму». Напротив, коммунизм — это общество всеобщего самоуправления, где люди в своих коллективах самостоятельно принимают решения после консультаций и споров на общих собраниях. Каким же образом партия или профсоюз могут привести к возникновению коммунистического общества, если фактически, они приучают людей к совершенно иным моделям поведения?

Во-вторых, в любой централизованной системе возникает противоречие, описанное Марксом применительно к капиталистическому обществу. Это противоречие между коллективным характером производства и частным способом присвоения. Действительно, верхушка централизованной организации распоряжается коллективно наработанными ресурсами всей организации, в том числе материальными и денежными средствами. А ведь эти средства — результат коллективного труда всех членов организации. Что не все средства верхушкой проедаются — не должно вводить в заблуждение. Любой капиталист обычно тоже тратит лично на себя лишь небольшую часть средств, а все остальное пускает в оборот, чтобы умножить прибыль. Разумеется, он, как и центральные управленческие структуры, по понятным причинам не заинтересован в том, чтобы трудящиеся непосредственно управляли средствами производства. Ведь это будет означать конец его привилегированного эксплуататорского положения. Так же и централизованная организация (любая) есть организация эксплуататорская. Ее руководство заинтересовано не в уничтожении эксплуатации, а в ее увековечивании.

Как отмечал Отто Рюле, коммунистическая революция может быть подготовлена лишь организациями, которые в самой своей структуре воплощают систему советов. Невозможно создать общество того или иного типа

методами, не имеющими ничего общего с принципами работы этого общества. Иначе вот что происходит: вы оказываете воздействие на общество, и оно меняется, но меняется в соответствии с вашими методами воздействия, а не в соответствии с вашими мечтами о будущем.

Устойчивость любого общества основана на подобии всех его частей целому. Римская империя состояла из множества клеточек – колоний, муниципий и т.д., которые с теми или иными вариациями повторяли структуру самого Рима-полиса. Эти структуры тяготели друг к другу и дополняли друг друга. То же самое верно для феодального общества. Оно было большой феодальной пирамидой во главе с королем или крупнейшими аристократами, но состояло при этом из множества маленьких пирамид – относительно небольших феодальных владений. Единство капиталистического общества также поддерживается его однородностью, всеобщим господством принципов рыночной экономики над всеми прочими видами человеческих отношений. Поэтому если вы намерены строить новое общество посредством какой-то структуры, партии, работающей на основе принуждения и эксплуатации, вы можете лишь реформировать старое или построить новое эксплуататорское общество, но общество без эксплуатации и принуждения (к ней) вы не постройте никогда.

«Массовые стихийные выступления трудящихся, как, например, в Кондопоге может легко использоваться в своих целях кто угодно. Хоть националисты, хоть буржуазия. Т.е. получается без руководства трудящиеся все равно не останутся. Следовательно, задача революционеров состоит в том, чтобы стать хорошим руководством, революционным.»

Наша задача – задача сторонников самоуправления совершенно иная. Она в том, чтобы как раз помочь обществу выйти из того печального состояния, в котором оно находится сегодня. Проблема в том, что люди росли и формировались в рамках общества, где все время за них кто-то принимает решения: учитель в школе, мастер, директор завода, мэр, президент. Естественно, что люди не могут сразу, за один день, научиться принимать решения самостоятельно. Не могут сделать это в один момент. Но иначе они все равно не смогут устроить коммунизм, который есть самоуправление. А пока большинство людей не научится решать все на своих собраниях, самостоятельно думать, дискутировать, находить взаимоприемлемые решения – коммунизма все равно не будет.

Между тем невозможно научиться плавать не плавая. Только решая вопросы общественного бытия на общих собраниях можно научиться решать их подобным образом!

Наши цели и цели марксистов прямо противоположны. Мы стремимся к тому, чтобы инициировать в обществе процессы самоорганизации, принятие решений коллективно, путем дискуссий на общих собраниях. Марксисты, стремясь руководить движением, увековечивают существующее положение вещей, когда одни люди (малое меньшинство) решают за других, как жить. Поэтому марксисты, везде, где приходили к власти, строили не коммунизм, а государственный капитализм, то есть просто одну из разновидностей капитализма.

Ленин считал, что наемные работники ни на что не способны в принципе сами по себе, кроме борьбы за экономические требования на производстве. Поэтому, в более общих вопросах, полагал Ленин, он и подобные ему личности, объединенные в партию, должны руководить работниками и принимать решения за всех. Однако именно рядовые рабочие придумали и воплотили в жизнь и Советы и Рабочий контроль. Их никакая не партия придумала, а самые обычные трудящиеся. То есть, для марксистов-государственников большинство наемных трудящихся – это тупое быдло. А на самом деле это ложь, люди способны мыслить.

«Но ведь коммунизм не возможен без достижения материального изобилия. Если богатства не бу-

дут литься как из рога изобилия, то люди станут конкурировать за редкие и не всем доступные предметы. Нет, без изобилия невозможны отношения, построенные на принципе «от каждого по его способности, каждому по его потребностям»».

Коммунизм – не скатерть-самобранка, которая кормит и поит возлежащего на печи идиота. Коммунизм не выдуманное фантастами общество, где каждому предоставляется личный звездолет. Не рог изобилия, из которого вдруг, по мановению волшебной палочки на человека польются любые самые невероятные материальные блага. Даже если некоторые вещи станут технически осуществимы в ближайшую тысячу лет, ресурсы планеты и возможности природных экосистем ограничены. В любом случае нет смысла сейчас говорить о невероятных вещах и технологиях, а надо здесь и сейчас формировать новый тип человеческих отношений.

Коммунизм есть суровая гармония между трудящимися, а других (за исключением детей, стариков, больных и инвалидов) там не будет. Базовые материальные потребности людей в качественной одежде и питании, удобном транспорте и жилье, медицине и образовании будут удовлетворены. Современные достижения науки и техники вполне позволяют сделать все это. Просто нужно вместо боевых самолетов и кораблей, которые производятся тысячами, и каждый из которых стоит десятки миллионов долларов, строить жилые дома, школы, больницы, университеты, развивать общественный транспорт и т.д. Но вот аппетиты извращенцев, желающих восседать на золотых унитазах, никто удовлетворять при коммунизме не станет.

Ложными являются представления некоторых ученых XIX столетия, включая теоретиков марксизма о конкуренции между людьми, как, якобы, результате нехватки природных ресурсов. Исследования современных антропологов и психологов убедительно доказывают, на базе огромного фактического материала, что первобытные общества, живущие в условиях относительного материального изобилия, как раз являются наиболее конкурентными. А те, кто живет в очень тяжелых условиях, например бушмены, напротив, строят отношения внутри сообщества и между сообществами на основе взаимопомощи, а не конкуренции. Вот что пишет об этом российский ученый А.А.Казанков «Сравнивая уровень гоминида (убийств – прим. Магид) у подвижных охотников-собирателей в экстремальной природной среде с одной стороны (бушмены Калахари и аборигены Западной пустыни), и в благоприятной сре-

де (аборигены некоторых районов Австралии – прим. Магид) – с другой, мы видим прямую положительную корреляцию между степенью благоприятности среды и интенсивностью межобщинных конфликтов». Разумеется, из этого не следует, что нужно стремиться к бедности. Просто обилие материальных благ ни в коей мере не является фактором, снижающим взаимную агрессию людей. Часто даже бывает наоборот!

Что же касается производства предметов роскоши, доступных не всем, то процитируем современного французского социолога Андре Горца: «Как только массы находят возможность получить то, что было привилегией элиты, все это (степень бакалавра, машина, телевизор) обесценивается. Порог нищеты повышается на одну отметку: создаются новые привилегии, недоступные массам. Непрерывно воссоздавая редкость (rareté) с целью воссоздать неравенство и иерархию, капиталистическое общество порождает больше неудовлетворённых потребностей, чем удовлетворяет их. «Норма роста разочарования легко превышает рост производства» (Иллич).

Итак, надо атаковать... динамику растущих и всегда обманчивых потребностей, на которых рост держится. Надо атаковать соревнование, на которое экономический рост обрекает людей, заставляя каждого из них стремиться возвыситься над другими. Современное общество могло бы выбрать себе такой девиз: «То, что является благом для всех - ничего не стоит. Тебя будут уважать лишь в том случае, если у тебя есть нечто «лучшее», чем у других». Итак, чтобы порвать с идеологией роста, надо утверждать противоположное: «Тебя достоин лишь то, что является благом для всех. Только то заслуживает быть произведённым, что ни для кого не является привилегией и никого не унижает. Мы можем быть счастливы с меньшим изобилием, ибо в обществе без привилегий не будет бедных».

Может показаться, что стремление непрерывно увеличивать материальное потребление является неотъемлемой человеческой чертой. Но в действительности оно лишь искусственно подогревается и растравляется крупными корпорациями. Материальные потребности составляют лишь часть человеческих потребностей и при определенных условиях не проявляют тенденции к росту. Частично механизм этого подогрева был описан выше. А вот что пишет российский специалист по маркетинговым исследованиям N: «Вплоть до начала 50х годов все было хорошо, как тут производители уперлись в стену – их товары в таком количестве, как им было необходимо производить для получения хотя бы минимальных прибылей, стали не нужны. И дело вовсе не в том, что их не имели возможность приобрести (большая часть населения могла себе такое позволить). Просто эти товары были потребителям не нужны. В результате проведенных исследований было определено два ключевых поведенческих момента: 1) Покупатели по большей части довольствовались тем уровнем товаров, который у них имелся и мало интересовались «новинками». Они просто не видели необходимости в приобретении супер-навороченных новых ботинок или холодильников – их вполне устраивали старые; 2) Возросла стандартизация товаров, лишая их многих индивидуальных качеств, поэтому покупатели не выделяли товары отдельных производителей, различая их больше по потребительским свойствам, чем по названию или принадлежности к определенной фирме-производителю. Столкнувшись с таким отношением к себе и своим товарам, воротилы бизнеса не на шутку струхнули. Ведь такое «странное» поведение ставит их в дурацкое положение: развиваться можно, и нужно, и хочется..... но не может. В ответ, корпорациями были выработаны принципы, которые и по сей день работают, развиваются и модифицируются: 1) Пропагандировать среди населения чувство недовольства тем, что они имеют. И всемерно побуждать к новым покупкам. 2) Обратиться к бессознательным желаниям и энергично их эксплуатировать. Именно с середины 50-х начинается массовое и успешное использова-

ние психоанализа в рекламе. Утверждается, что к приобретению товара побуждают чувства, тающиеся в глубинах мозга. Именно их и следует мобилизовывать при помощи рекламы».

Коммунистический анархизм – это общество, где человек, безусловно, зависит от отношений с окружающими людьми и от собственных усилий. Но в то же время, человек коммунистического анархистского общества не зависит от законов рынка или эксплуататоров, владеющих собственностью, не зависит он от людей, которые многократно сильнее его, ибо управляют общественными ресурсами и устанавливают правила игры (в коммунистическом обществе такой властной элиты просто нет). Он учится реализовывать себя в человеческой коммуне, учится общению и взаимодействию с равными себе людьми. Это залог того, что нашими вкусами и потребностями никто не сможет манипулировать.

Самоуправляющиеся ассоциации трудовых коллективов станут производить лишь то, что действительно необходимо этим коллективам, соответствует их потребностям. Все, что независимые сообщества (самоуправляемые кварталы, местные коммуны) смогут произвести непосредственно для себя в собственных мастерских, будет произведено ими самими. В то же время коммуны свяжут между собой крупные совместные промышленные проекты: совместное производство электроэнергии, строительство и поддержание в рабочем состоянии транспортных систем, совместное производство сложных машин.

Отчасти, подобные вещи реализуемы и сегодня в рамках анархо-коммунистического движения до революции. Так в начале XX века некоторые рабочие организации пытались создать интегральную, цельную модель движения, своего рода контр-общество. Оно способно было совмещать кооперативные, профессиональные и социально-революционные функции. Интересен в этом отношении опыт чилийских рабочих братств первого десятилетия XX в. – «манкомуналес». Они были в одно и то же время союзами взаимопомощи, кооперативами, жилыми общинами и союзами работников. Этот тип организации получил особое распространение в шахтерских городках и поселках Чили. Принадлежать к ним могли рабочие старше 16 лет при условии соблюдения принятых решений, участия в собраниях, уплаты 5% доходов в месяц на сберегательные нужды и ежемесячного членского взноса. Такие коммуны строились на территориальной, а уже внутри – на профессиональной основе (союзы лодочников, грузчиков, поденщиков, ремесленников и шахтеров); все эти союзы собирались на конгресс, избиравший руководство. Братства имели свое знамя, вели борьбу за улучшение условий труда и жизни и одновременно стремились к повышению уровня образования членов, преодолению таких социальных бедствий, как алкоголизм, азартные игры и проституция. Их фонды использовались для создания школ, библиотек, издания газет и помощи при болезни. С помощью кооперативов шахтеры по относительно дешевым оптовым ценам закупали необходимые товары и распределяли их между собой. В ходе стачек эти территориально-профессиональные коммуны могли поддерживать бастующих материально. Разумеется, это еще не был и не мог быть настоящий анархистский коммунизм – ведь рабочие продолжали трудиться по найму на шахтах, испытывать на себе давление хозяев производства и государства. Для полного успеха движения необходима коренная трансформация всей системы общественных отношений, чтобы не оставить угнетению ни пяди земли.

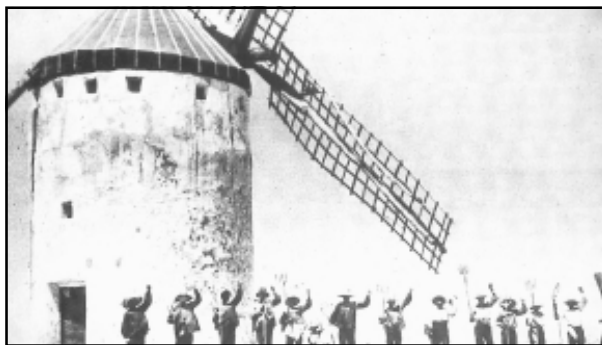
«Вы рассчитываете на создание общества, основанного, прежде всего, на сотрудничестве людей, а не на взаимной борьбе, как при капитализме. Но ведь люди не идеальны. С чего вы взяли, что создание такого общества вообще возможно?»

В условиях коммунизма люди не превратятся в ангелов. Они останутся людьми. Однако многообразие человеческой природы не укладывается в рамки тех прин-

ципов поведения, которыми люди преимущественно руководствуются в условиях капитализма – принципов конкуренции. Не надо забывать, что люди жили в условиях общности имущества и отсутствия государственной власти на протяжении десятков тысяч лет. Государство и собственность – это относительно новые явления, им всего несколько тысячелетий. Возможно, анархо-коммунистический строй – самый устойчивый из всех, известных истории.

В условиях имущественного равенства, общего распорядка средствами производства, коллективного принятия решений конфликты между людьми не исчезнут. Но они будут возникать гораздо реже, и не они будут определять ход истории. Так было, например, в русской сельской общине в 19 - начале 20 го вв. Русский экономист Н.Воронцов отмечал, что в рамках общины индивидуальные интересы совпадали, в большинстве случаев, с коллективными. Например, когда все вместе работают на общем поле и от усилий всех зависит благосостояние каждого, то каждый заинтересован в процветании всех. Естественно, в таких сообществах культивируется сотрудничество, равенство и взаимопомощь.

Так пытались построить анархо-коммунистическое общество в Арагоне в 1936-1937 гг., и довольно успешно (затем коммуны были разрушены сторонниками Испанской Республики). Сначала ввели самоуправление и общественное потребление ряда продуктов и в отдельных коммунах. Потом, когда увидели, что это работает, спустя несколько месяцев, провели съезд коммун, который взял курс на анархистский коммунизм. Отдельные коммуны договорились о согласовании работ между собой и о создании статистического управления. Оно должно было получать информацию от самоуправляемых коммун о потребностях их членов, сообщать ее производствам, находившимся в совместном управлении коммун. Все свои потребности, которые каждая коммуна могла реализовать сама, она реализовывала сама. Все, что выходило за пределы ее возможностей, должно было стать предметом производства, планировавшегося совместно с другими коммунами.

Человеческая планетарная коммуна коммун есть мир свободы, а не общество, в котором сытые бездельники – такие радикальные лентяи - наслаждаются роскошью. Но, для того, чтобы такой мир возник, необходимо учиться диалогу с другими, самоуправлению. И подобное (само) обучение будет продолжаться вечно, пока существует человечество.

Михаил Магид

1. Испанская Революция и Коммуны Арагона. Вадим Дамье. <http://aitrus.narod.ru/esprev.html>
2. Концепция либертарного коммунизма (Сарагосская Программа испанских анархистов). <http://aitrus.narod.ru/zaragosprogram.htm>
3. Газовая война в Боливии. Гильермо Сунсунеги. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/bolivia.shtml
4. Их Экология – не наша. Андрэ Горц. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/gorz2.shtml
5. Агрессия в Архаических Обществах. А.А.Казанков. <http://www.krotov.info/history/20/kaza2001a.html>
6. Забытый Интернационал. Вадим Дамье. Москва 2005 г.
7. Основные вопросы организации. Отто Рюле. <http://aitrus.narod.ru/RuleOrgQuest.htm>
8. Капитализм Как Катастрофа. Марлен Инсаров. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/capitalkatastrof.shtml
9. Французское Восстание. Вадим Дамье. http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/frienchisurrection.shtml

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯН И РЕМЕСЛЕНИКОВ ИЛИ К КАКОМУ КЛАССУ ОТНОСЯТСЯ «НОВЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ»

Если либеральные экономисты и политологи используют в своих работах абсолютно ненаучный термин «средний класс», ненаучный, во-первых, потому что, вопреки своему названию, он определяется не по классовым признакам, а по размерам имущества и степени престижа, а во-вторых, потому что четкое определение его границ вообще отсутствует, и кого относить к нему, а кого нет, каждый раз решает сам относящийся; если либералы просто не могут обойтись без этого заведомо лживого термина, то у ленинистов точно таким же абсолютно неопределенным и одновременно жизненно необходимым термином является термин «мелкая буржуазия». Истоки этого термина восходят к тем временам, когда слово «буржуа» означало любого горожанина (дворяне горожанами не считались). По мере того, как слово «буржуазия» стало все больше прилипать к классу капиталистов, «мелкие горожане» не захотели отдавать купцам и фабрикантам гордое имя горожанина, и в итоге, наряду с термином «буржуазия», появился термин «мелкая буржуазия». Пролетарии не попали под это определение лишь потому, как пролетарское положение считалось по тем временам столь позорным, что пролетариев порой, не то что за горожан, за нормальных людей не считали. К пролетариям, то есть людям, вынужденных продавать не свои

изделия, а самих себя в качестве рабочей силы, относились примерно так же, как к проституткам, продающим за неимением другого товара свою телу. Как бы то ни было, но уже Маркс употреблял термин «мелкая буржуазия» в отношении класса ремесленников, прекрасно, впрочем, понимая, что этот класс отличается от класса буржуазии не меньше, чем любой из этих классов отличается от пролетариата. Почему Маркс тем не менее не отказался от этого термина: потому ли, что считал, будто это отличие понятно и дураку, и никому не придет в голову смешивать «мелкую буржуазия» с собственно буржуазией, потому ли, что, с точки зрения Маркса, ремесленники должны были вот-вот исчезнуть как класс, или почему-то еще - это в данном случае не важно. Важно другое. Последователи Маркса, во-первых, стали часто смешивать два класса, воспринимая «мелкую буржуазия» как часть буржуазии, а во-вторых, стали относить к мелкой буржуазии сначала крестьянство, а затем и вообще всех и вся, кто не вписывался в их теории, кого они по тем или иным причинам не могли или не хотели причислить ни к пролетариату, ни к собственно буржуазии. Пожалуй, только интеллигенция (тоже, кстати говоря, весьма неопределенный термин) и люмпен-пролетариат избежали причисления к мелкой буржуазии. Впрочем, к термину «интеллигенция»

часто прибавляется дополнительный термин: «буржуазная», «пролетарская», «народная», «рабоче-крестьянская», ну, и конечно же, «мелкобуржуазная», а что до люмпен-пролетариата, то кое-кто и его, ничтоже сумняшися, заносит в ряды «мелкой буржуазии».

В результате термин стал столь же неопределенным и расплывчатым как и либеральный «средний класс». Причем, как и в случае со «средним классом», неопределенность становится его основным «достоинством», позволяя относить к непонятному классу по сути дела кого угодно. Если какой-то слой ведет себя не так, как по теории должен вести себя пролетариат, но на буржуазию явно не похож, значит он относится к мелкой буржуазии. Если ведет себя не как положено буржуазии, но явно - не пролетариат, значит, тоже мелкая буржуазия. Если просто непонятно, куда его относить и что от него ждать, значит опять-таки лучше от греха подальше зачислить непонятный слой в ряды мелкой буржуазии. Если все вышеупомянутые слои при этом ведут себя по-разному и при социальных конфликтах оказываются в разных лагерях, то в этом нет ничего странного, ибо интересы мелкой буржуазии противоречивы, и потому от нее можно ждать чего угодно и когда угодно - это единственное, что могут ленинисты сказать вразумительного о «мелкой буржуазии» в их понимании. Такой вот удобный класс на все случаи жизни.

Возникает вопрос, а что же реально представляют из себя те слои, которые ленинисты, не мудрствуя лукаво, списывают в ряды «мелкой буржуазии»? В частности, что из себя представляют сейчас ремесленники, которые, вопреки всем аргументам Маркса (кстати, весьма убедительным), не только не исчезли, но и в последние десятилетия начали вновь увеличивать свою численность за счет наемных работников, становящихся хозяевами своих орудий производства (автомобилей, компьютеров и т.д.)? Посмотрим же внимательно, что из себя представляют такие труженики, а заодно и посмотрим, совпадают ли они как класс с теми ремесленниками, которых Маркс именовал «мелкими буржуа», или нет (в последнем случае понятно, почему они существуют, в то время как «мелкая буржуазия» была, по мнению Маркса, исчезающим классом).

Для начала рассмотрим средневековых ремесленников, а заодно и средневековых крестьян (здесь и далее под термином «средневековый ремесленник» или «средневековый крестьянин» будем понимать ремесленника или крестьянина феодального общества, а не просто жившего в ту эпоху). Прежде всего отметим, что средневековые крестьяне и ремесленники никогда не были частными собственниками средств производства. Земля - основное средство производства средневековых крестьян принадлежала либо монарху, либо феодалу, либо общине. В частной собственности крестьянина оставались скот, семена и инвентарь - без земли все это не имело никакой ценности, никакого смысла, да зачастую и просто не могло существовать (скот надо было где-то пасти,

семена - где-то сеять и т.д.). Ремесленник тоже, хоть и имел в собственности мастерскую и оборудование, но при этом не мог продавать свои изделия в городе, если не был членом цеха. По сути дела в собственности цеха была лицензия на изготовление и продажу товаров, хотя таких слов в те времена еще не знали. Многие исследователи утверждают, что и оборудование могло быть собственностью цеха, кроме того могла иметь место коллективная закупка сырья с последующим распределением. И уж что совсем бесспорно, так это то, что цехи строго регламентировали количество станков в мастерских своих членов. Так что считать средневекового ремесленника полноправным собственником своего оборудования тоже нельзя.

Кроме того средства производства средневековых крестьян и ремесленников не были капиталом то есть не приносили прибыль. Весь произведенный продукт (кроме той его части, что отбиралась феодалами) частично потреблялся самими производителями и членами их семей, частично продавался, чтобы на вырученные деньги купить продукты или услуги производимые кем-то другим, частично шел на поддержание производства (зерно оставалось на семена, на вырученные от продажи изделий деньги покупалось сырье и т.д.). Накопления продуктов или денег, а тем более средств производства не производилось. Частично это определялось цеховыми уставами, запрещавшими приобретение «лишнего» оборудования и расширение производства, частично - ментальностью средневекового крестьянина или ремесленника, который мог откладывать деньги на конкретную покупку или делать резервный запас «на черный день», но просто так копить, что бы то ни было считал бессмысленным и даже греховным. Первичное накопление, положившее начало капитализму, велось в первую очередь за счет разбоя (крестовые походы, колониальный грабеж, пиратство), а во вторую - за счет торговли награбленным.

Из всего вышесказанного может сложиться впечатление, что средневековые крестьяне и ремесленники были по сути дела одним классом, что средневекового крестьянина можно считать таким же частным случаем средневекового ремесленника, как пекаря, плотника или кузнеца. Однако между крепостным или просто зависимым крестьянином и ремесленником из вольного города была принципиальная разница. Граждане вольных городов не эксплуатировались феодалами.

Экономической основой этого различия являлась военная мощь городских коммун, которые не только не нуждались в военной защите со стороны феодалов (в крайнем случае феодал мог быть приглашен в качестве наемного воюющего - командира городского ополчения), но и могли сами нанести поражение феодальной дружине, если та без спроса совалась под стены города. В русских землях аналогом свободных ремесленников стали не только новгородские и псковские горожане и московские стрельцы, но и казаки, а в Швейцарии - обычные крестьяне, разбившие австрийских и бургундских рыцарей. Многие казаки, даже ранние, не говоря уже о стрельцах, получали от монархов плату за военную службу, а итальянские горожане, прогнав феодалов, сами стали эксплуатировать крестьян (этого, кстати, не чуралось и казачество, особенно позднее (офицеры кубанского казачества имели крепостных)), так что класс ремесленников, и казаков (или лучше сказать, класс тружеников-воинов, поскольку представители этого класса сочетали в себе обе эти ипостаси (в отличие от чистых тружеников - крестьян и чистых воинов - феодалов)), этот класс частично смыкался с классом феодалов. С другой стороны крестьяне в странах «северного феодализма» сохранили свое значение в качестве военных ополченцев и поэтому значительно меньше подвергались эксплуатации, чем крестьяне классических феодальных стран, но все-таки подвергались; а граждане многих городов лишь частично избавились

от феодальных повинностей - следовательно на другом своем краю класс ремесленников смыкался с классом эксплуатируемых крестьян.

Капиталистическая эпоха уничтожила оба эти класса или во всяком случае изменила их до неузнаваемости.

Прежде всего капитализм уничтожил во многих местах крестьянскую общину и повсеместно - цеховые объединения. Крестьяне и ремесленники были превращены в частников. Кроме того, как уже говорилось, собственность средневековых крестьян и ремесленников никогда не была капиталом, то есть не приносила прибыль. Но в капиталистическом мире для собственности, по крайней мере, для собственности на средства производства, существует закон: «Расти или умри!» И если крестьянская община еще могла сопротивляться этому закону за счет сплоченности, то европейские крестьяне-единоличники, а равно и ремесленники, лишившиеся поддержки цехов, с развитием капитализма стали стремительно разоряться.

Однако, как ни странно, разорились они не все. Более того, в последнее время существует тенденция к превращению части наемных работников в самостоятельных работников, то есть ремесленников. В Италии многих водителей буквально заставили выкупить свои грузовики у буржуев. В России водителям в собственность или аренду отдают автобусы, троллейбусы и маршрутки, тоже не особо спрашивая водительского соглашения. Многие верстальщики работают на собственных компьютерах. И т.д., и т.п.

Если бы новые ремесленники рекрутировались из хронических безработных и иных люмпенов, то это можно было бы объяснить тем, что капитализм не может существовать, не разрушая постоянно доиндустриальный уклад, а значит, нуждается в том, чтобы было, что разрушать, и потому периодически «утилизует вторсырье», заново создавая из маргиналов и просто деклассированных элементов новых ремесленников или крестьян, чтобы затем их снова разорить. Такая тенденция, кстати говоря, тоже имеет место. Однако «новыми самостоятельными» (так их принято называть на Западе, так будем называть и мы), становятся рабочие, вписанные в индустриальную систему. Неужели капитализм начал разрушать сам себя, воссоздавая докапиталистическое хозяйство?

Ларчик открывается просто. Дело в том, что собственность ремесленников (как новых, так и старых) на средства производства давно уже превратилась в фикцию.

В самом деле, разве станет собственником средств производства, скажем, рабочий механосборочного цеха, притащивший на работу свой гаечный ключ? Не станет, ибо все остальные инструменты, станки и заводские корпуса все равно останутся в собственности хозяина. Точно также у хозяина, всучившего своему работнику грузовик или автобус, останутся в собственности заправочные станции, ремонтные мастерские, а если надо, то и право заключать договора на перевозку груза или разрешать водителю ездить по тому или иному маршруту. Правда, право - это скорей власть, но власть и собственность - на самом деле две стороны одной медали. Собственность есть власть над предметом, власть есть собственность на принятие решения. И в том и в другом случае мы имеем дело с монополией. Монополия на предмет, монополия на решения - какая разница.

Аналогично обстоит дело и с хозяевами компьютеров, и с иными «новыми самостоятельными». Так же как при акционировании все решает тот, у кого в руках контрольный пакет акций, так и для средств производства существует некий «контрольный пакет», обладание которым позволяет быть фактическим хозяином производства. Не будем здесь выяснять размеры этого «контрольного пакета» собственности. Коню понят-

но, что компьютер или автобус так же далеки от него, как акция в одну сотую процента от контрольного пакета акций, и что обладание такой малой собственностью для работника скорей обуза, ибо вынуждает его самого заботиться о сохранности своего оборудования и оплачивать амортизацию (проще говоря, износ) оно, что раньше делал капиталист.

Правда, такая «самостоятельность» может породить у рабочего иллюзию, будто он и вправду не наемный работник, а «маленький хозяйчик». Это тоже одна из причин, по которой хозяева превращают своих рабочих в «новых самостоятельных» или наделяют их акциями в бесконечно малую долю процента (такое тоже бывало, хоть и значительно реже). Но разве таких иллюзий не может быть у «обычного» пролетария? Разве «обычный» рабочий не использует в своей работе если не собственные инструменты или собственную спецовку (потому что заводская уже износилась, а новую выдают только через месяц), то уж во всяком случае собственные знания, собственную квалификацию? Разве не убеждали власти рабочих «соцстран», что те вообще являются полными хозяевами своих заводов? Между прочим, многие в это верили. А кое-кто и до сих пор верит. К счастью, далеко не все.

А с другой стороны, неужели газетный верстальщик так глуп, что не поймет: будь у него хоть десять компьютеров, ему все равно бы пришлось продаваться тому, кто имеет лицензию на газету и деньги на то, чтоб нанять работников? Разве шофер автобуса - такой идиот, что не поймет - от «приобретения» машины он ни на йоту не стал свободнее, скорее наоборот? Не стоит думать о рабочих, как о кретинах и лопухах, которые верят всему, чему их хотят заставить поверить.

Подведем итоги. Хотим мы того, или не хотим, но современные ремесленники, включая новых самостоятельных, по своему классовому положению являются типичными пролетариями со всеми вытекающими отсюда последствиями. Возможно, у них есть какие-то свои особенности, но свои особенности есть у любого отряда пролетариата, будь то строители, сельхозработники, водители-дальнобойщики, гастарбайтеры или кто еще. Пролетариат - не однородная масса и никогда ей не был. Кстати говоря, неоднородность всегда была одним из факторов усиления революционности пролетариата. Это однако уже отдельная тема.

В заключение скажем несколько слов о судьбе крестьянства, коль скоро мы о нем столько упоминали. Вопреки мнению большинства (или, во всяком случае, значительной части) марксистов и, наверное, всех либералов, развитие капитализма не ослабляло, а усиливало феодальную эксплуатацию крестьян. Правда, при этом часто разрушалась юридическая зависимость крестьян от феодалов, но во-первых, свободные крестьяне могли эксплуатироваться не меньше крепостных, а во-вторых, во многих странах капитализм приводил не к освобождению, а, напротив, к закрепощению крестьян. И если вторичное

закрепощение крестьян в Восточной Европе ленинисты обычно сваливают на орду Батая, которая якобы отбросила Русь (а заодно и Польшу, Венгрию, Чехию и даже никогда эту орду не видевшую Германию) в начало феодализма, то свалить «третьичное» закрепощение крестьян в СССР во времена Сталина им уже не на кого. Впрочем, большинство ленинистов, как известно, не считает «реальный социализм» капитализмом. Нам однако важно не, что считают ленинисты, а что было на самом деле. На самом же деле, как уже говорилось, капитализм усиливал феодальную эксплуатацию крестьянства. Постепенно однако феодальная эксплуатация превращалась в капиталистическую, а крестьяне по мере этого превращались в городских или сельских пролетариев. Там, где крестьянам удалось избавиться от феодальной эксплуатации (например во Франции), там это, вопреки мнению Ленина, тормозило развитие капитализма (хоть и не могло остановить его совсем). Даже в США, на которые ссылался Ленин, рассуждая о двух путях развития капитализма в деревне, даже там это развитие шло быстрыми темпами не благодаря наличию свободных фермеров, а вопреки ему - в США прибыло столько эмигрантов, что для появления пролетариата не нужно было даже разорять фермеров. В европейских же странах, пошедших по «американскому пути», капитализм развивался медленнее (причем, не только в селе, но и в городе), чем в странах, пошедших по пути «прусскому» (не случайно Германия обогнала в своем развитии Францию, но так и не смогла обогнать Англию). В СССР капиталистическая индустриализация (под именем «социалистической») была проведена, благодаря новому закрепощению и жесточайшей эксплуатации крестьянства (в 1921-1929 годах, когда крестьянство в СССР было в значительной мере избавлено от эксплуатации (если, конечно, не считать налогов), индустриализация шла крайне медленно, что и побудило руководство страны начать новое ограбление деревни).

Несмотря на все это, общинное крестьянство как класс проявило удивительную живучесть. В советской деревне, по мнению некоторых исследователей, еще в 50-е-60-е годы можно было увидеть остатки общинных отношений. По-видимому кое-где в России остатки сельской общины сохранились и до наших дней (на Северном Кавказе, в татарских, мордовских, поморских селах). Практически полностью сельская община сохранилась в Китае и во многих других странах III мира.

Единоличному крестьянству пришлось тяжелее. Большая часть его разорилась, ушла в город или превратилась в сельский пролетариат - батраков и арендаторов. Но все же в странах «американского пути» класс свободных крестьян-собственников или, как их еще называют, фермеров существует до сих пор, хотя и сильно поредел. Большую социальную активность в последнее десятилетие проявляли фермеры Польши (где после II мировой войны было ликвидировано помещичье землевладение, но при этом не было такого ограбления крестьянства как в СССР).

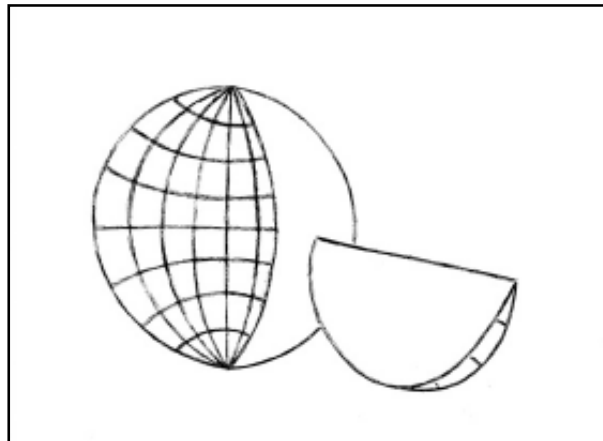
В современном российском селе кроме сельскохозяйственных рабочих - работников совхозов (большой частью, впрочем, развалившихся) можно обнаружить представителей самых различных социальных классов и слоев от полулюмпенов, живущих обработкой огородов и сдачей металлолома, до кулаков, нанимающих сезонных и постоянных батраков. Подобное разнообразие - свидетельство не успешного развития, а наоборот развала села, в котором сегодня каждый выживает по-своему. Можно сказать, что большая часть российских сел населена маргиналами (исключение составляют те села, где, по-видимому, сохранилась община) Что же касается более глубокого изучения социальной картины российского села, то это, к сожалению, отдельная тема для отдельного разговора.

Вл. Платоненко

ЯЗЫКОМ ПАМФЛЕТА

СУДЬБА ПАТРИОТА

(ненаучная фантастика)

Кто бы мог подумать, что выборы пройдут без фальсификации! Но правительство давно уже помирилось с Горобцем и не искало ему альтернативы, а самому Горобцу фальсификация была надух не нужна - его и так поддерживало почти все Приморье. Он даже распорядился не тратить на избирательную кампанию и расклеить оставшиеся еще с позапрошлых выборов плакаты: «Если бы не Горобец, мы бы жили в Японии!». В самых дальних районах Владивостока, где меньше было милиции, на некоторых плакатах перед словом «Японии» чья-то дерзкая рука приписала «коммунистической».

Насчет коммунистической это была чистая правда, ибо сами жители Японии или вернее северной Японии давно уже называли свою страну не Японией, а Коммунистической дальневосточной конфедерацией. Россия, разумеется, такого названия не признавала, ибо видела в нем претензии на свой Дальний Восток. Но сами сыны Ямато, всегда славившиеся безудержным национализмом, уже больше не гордились тем, что они - японцы, а гордились тем, что построили у себя коммунизм; и гордость эту на равных делили с ними и айны, и японские корейцы, и эмигранты из Приморья, поселившиеся в основном на Хоккайдо и жившие своими коммунами.

Говорят, что Японская революция началась под влиянием очередных беспорядков в Приморье. Может, это и так, но события в Японии развивались гораздо быстрее. Во Владивостоке еще только проходили стихийные митинги, а в Японии уже гремели и какие-то троцкисты, и анархо-синдикалисты, и еще чорт знает кто, а в феврале впервые стало слышно о каком-то «Движении имени Котоку Сюсюя». Сюсюйцы не претендовали на руководство, но всегда были, что называется, в первых рядах, и уже к лету под их знамена встало несколько миллионов, а в сентябре они организовали первую всеобщую стачку. Потом такие стачки пошли одна за одной, и в декабре стачка стала оккупационной. В переводе на русский язык это означало, что работники захватили свои заводы и конторы и работали на них без хозяев. Присланные для наведения порядка полицейские и армейские отряды просто разоружались. По улицам ходили вооруженные патрули из числа сюсюйцев и сочувствующих. Через две недели «Конгресс делегатов трудовых комитетов и территориальных советов» объявил, что на подконтрольной советам и комитетам территории начинается построение коммунизма.

Во Владивостоке вооруженное восстание началось почти на год позже - в октябре следующего года. Японцы к тому времени не только навели порядок в зоне своего восстания, но и вышибли правительственные войска с северного Хоккайдо и с Кюсю и Сикоку, которые правительство пыталось превратить в свой оплот. Только острова Рюкю остались за правительством - народ там тогда еще не поддерживал сюсюйцев. Приморцам это все еще только предстояло.

Поначалу однако все шло как по маслу. Большая часть Приморья поддержала Владивосток. Армейские части, которыми Приморье было буквально нафаршировано, в большинстве своем заняли нейтральную позицию, а кое-где даже перешли на сторону восставших, и повстанцы получили оружие. Только пограничники уперлись, но они не совались дальше своих застав и контролировали только Уссури, да узкую полоску вдоль ее берега. Да еще какие-то части, сохранившие верность правительству, отступили к границе южнее озера Ханка, и против них был создан Западный фронт, по линии Камень-Рыболов - Липовцы - Покровка - река Раздольная. Весь рыболовный и торговый флот присоединился к восстанию, начался захват военных судов. Военным морякам это не понравилось, и они свалили на Сахалин, где тоже шло брожение, но до такого как в Приморье не доходило. Там они объявили о своей верности правительству, но активных действий не предпринимали. Японцы прислали корабли с грузом риса. Вместе с рисом из Японии приплыли Урусов и Гнатенко. Гнатенко родился и вырос во Владивостоке, а Урусов был родом ни то из Москвы, ни то из Питера, за свои революционные дела угодил в лагерь, но сумел бежать и вместе с Гнатенко, которому тоже уже светил хороший срок, удрал в Японию. Там оба они присоединились к сюсюйцам и теперь рассказывали о том, как здорово стало жить в стране восходящего солнца. Под их влиянием народ начал делать коммунистические преобразования по примеру японцев.

О том, что это были за преобразования, Горобец знал весьма смутно. То что он слышал, его не то, чтобы совсем, но в общем устраивало. Самого его тогда уже не было во Владивостоке. Радикальный коммунист, человек с каким-никаким опытом командования (в армии был командиром отделения, потом замкомзвода) Горобец был одним из создателей Трудовой гвардии Приморья. Вскоре его выбрали командиром бригады, а затем эта бригада стала дивизией. К началу декабря в сухопутных частях ТГП было около шестидесяти тысяч человек. Из них - двадцать тысяч под командованием Лозового на Западном фронте, и сорок - на Северном, который тогда еще и фронтом-то не назывался. Сорок тысяч трудгвардейцев были сведены в корпус, состоящий из трех дивизий; и самой укомплектованной из них была дивизия Горобца, которая первой и пошла очищать Приморье от контрреволюции.

Дивизия наступала в направлении Хабаровска. Под Хором, аккуратно за мостом через речку Хор ее встретила верная правительству десантная дивизия. Десантники по бездорожью обошли дивизию Горобца слева, перерезали дорогу, заняв Дормидонтовку, и Горобец оказался в мешке. Надежды на помощь не было. Дивизия Воронова из-за отсутствия транспорта еле доползла до Дальнеречинска, где ее передовые отряды были атакованы пограничниками, а дивизия Матвеева находилась где-то на побережье между Великой Кемой и Максимовкой. Верные правительству войска уже подходили к Амуру. Такая вот была ситуация накануне "японской оккупации".

Конечно, никакая это была не оккупация, и Горобец это прекрасно знал. Оккупируют, не спрашивая согласия, в лучшем случае предупреждают: мы мол к вам идем, так что не удивляйтесь и не рыпайтесь, а то ведь вас замочить придется. А японцы прислали во Всеобщий совет телеграмму: "Готовы по первому требованию оказать военную помощь". Сторонниками такой помощи были прежде всего Урусов и Гнатенко, командовавший Северным корпусом. Они и раньше-то предлагали позвать сюсюйцев, но тогда

их не слушали, а теперь положение было аховое, и они убедили принять предложение. Горобец получил радиogramму от Гнатенко: "Держись любой ценой! Помощь идет". Через полчаса после того, как десантники предложили Горобцу сдаться и дали двадцать четыре часа на размышление, сорокапятитысячный корпус японских добровольцев высадился во Владивостоке.

Японцы подошли за двадцать минут до истечения срока ультиматума. Они уже насобачились воевать у себя в Японии, они были полностью механизированы и, что всего важнее, их появление было полной неожиданностью для десантников. По самым скромным подсчетам дивизия "крылатой пехоты" потеряла двадцать процентов убитыми и более шестидесяти - пленными. Это был не разгром, это было уничтожение. То, что осталось от десантников, было отброшено к Хабаровску. Японцы передали свои позиции Горобцу и двинулись вниз по Амуру. Противник попытался сделать вылазку, но Горобец оказался хорошим стратегом и разбил его в пух и прах, сам почти не понеся потерь. Японские корабли господствовали на море, и правительственные войска на востоке Хабаровского края, боясь попасть в клещи, начали отступать за Амур, так что Матвеев без боев дошел до устья Амура, где и соединился с японцами.

После этого был образован Северный фронт. Комфронтом был выбран Гнатенко, а Горобца избрали командиром корпуса, который теперь почти весь стоял под Хабаровском. Сформированная (как и весь Трудфлот) из матросов рыболовцев и торговых судов Амурская флотилия блокировала Хабаровск с реки, изредка перестреливаясь с пограничными катерами. Потом пограничники, получив приказ из центра, оставили свои заставы, поднялись вверх по Уссури и, переправившись через озеро Ханка, заняли позиции против Западного фронта. Теперь они были единственной верной правительству силой в этом районе, потому как стоявшие там армейские части окончательно разложились. Пограничные катера, лишившиеся береговых баз, ушли в Амур выше Хабаровска. Амурская флотилия вошла в Уссури.

Горобца поначалу охватил энтузиазм. Но скоро на смелый энтузиазм пришли невеселые раздумья. Идти со столысячной армией на Москву можно только при одном условии - если она будет расти по дороге. Между тем, за Амуром повстанцев, похоже, не ждали. Даже Хабаровск защищался отчаянно. Ледоколам Амурской флотилии приходилось регулярно долбить лед на Амуре, чтобы по нему не могли перейти правительственные части. По скудным сведениям из России, там шла отчаянная антияпонская пропаганда. К весне мало что изменилось. Президент, объявивший Третью Отечественную войну, грозился послать на Дальний Восток корабли с Балтики, но они пока не отправлялись. Японцы вместе с Трудфлотом, прочно держали море в своих руках. Но Хабаровск пока упирался, а Западный фронт не был ликвидирован, хоть и несколько отодвинулся к западу.

"Ничего, - усмехался Урусов, частенько появлявшийся на Северном фронте, - Хабаровск можно и им оставить, если согласятся его демилитаризовать. А у пограничников - в тылу китайцы. Еще месяц-другой - они осмелеют и оккупируют их территорию. С китайцами им не справиться. А против нас китайцы не попрут, мы для них - буфер". Горобцу это не нравилось. Он не хотел, чтобы исконно-русскую территорию захватывали китайцы, которых и так в Приморье развелось, как собак нерезаных. Но когда он говорил об этом Урусову, тот его не понимал: "Что это за буржуазные предрассудки? Ты воюешь за освобождение пролетариата, и русский буржуй для тебя такой же враг как и китайский. Твоя родина - земной шар, и какая тебе разница, чей сапог ее топчет? Погоди, накопим сил, так не только до границы, до Шанхая дойдем!" Горобец не хотел идти на Шанхай, он хотел идти на Москву, а Урусов только смеялся: "А почему не на Пекин? Чем китайские рабочие хуже русских? Тем, что у них глаза косые? А ты на свои посмотри! - глаза у Горобца и в самом деле были по-восточному ко-

сые, потому как его бабка по материнской линии была удегейкой. - Пойми, дура, наша цель - не Москва и не Пекин, а мировая коммуна. А с чего мы начнем: с Москвы, с Каира или с Рио-де-Жанейро - какая разница?" Горобец представлял себе, как в Москве (которую сам он видел только по телевизору да на открытках) по Красной площади перед Мавзолеем под мелодию "Прощание славянки" в едином строю проходят на параде бойцы всемирной коммунистической армии: китайцы, негры, мексиканцы..., и на душе у него становилось легко. Но затем опять начались сомнения: "Мировая коммуна... Когда это еще будет? А пока не с Россией, а с Японией?" Во Владивостоке хоть и со скрипом, однако устанавливались коммунистические отношения. Впервые после стольких лет народ наедался досыта. Приморцы наконец почувствовали себя людьми. Но Горобец думал не об этом. Он знал, что приморское хозяйство все больше связывается с японским, и что фронт наполовину держат японцы, а по другую сторону фронта стоят такие же русские, как и он. В этой ситуации он и решился на поступок, определивший и его дальнейшую судьбу, и судьбу Приморской революции, и исход Третьей Отечественной.

Пятого мая к нему доставили парламентаря с правительственной стороны. Парламентарь передал ему два письма. Одно было от командующего фронтом с той стороны генерала армии Нехлюдова: "Мы пришли, чтобы восстановить территориальную целостность России. Предлагаю вместе с нами содействовать освобождению Родины от японской оккупации." Другое - от президента, более циничное: "Нам известно, что решение о передаче Приморья под власть Японии принималось без Вашего ведома, и ответственность за него Вы не несете. В случае перехода на нашу сторону, обещаем Вам и Вашим солдатам полную амнистию за участие в антиправительственных действиях, а также сохранение за Вами должности командующего корпусом с присвоением соответствующего воинского звания". Это письмо Горобец использовал в сортире. Письмо Нехлюдова - сохранил.

Восьмого мая российская транспортная авиация беспрепятственно доставила в Хабаровск свежее подкрепление. Противовоздушная оборона Горобца не сделала ни выстрела, а японские истребители, предназначенные специально для воздушной блокады Хабаровска, остались на аэродромах. Наблюдение за противником не входило в обязанности японцев, о необходимости подняться в воздух их должен был оповестить Горобец. Но Горобец уже сделал свой выбор.

Затем российские части вышли из Хабаровска и ударили во фланг японцам. Гнatenко объявил Горобца предателем и призвал трудгвардейцев не подчиняться комкору, но было уже поздно. Японцы отошли с большими потерями, Горобец остался прикрывать Хабаровск, а правительственные войска покатили напрямик на Владивосток, заходя одновременно в тыл Западному фронту.

Между тем переход на другую сторону не прошел для корпуса бесследно. Часть трудгвардейцев пошла за своим командиром, но часть расценила его поступок как предательство. Многие просто не могли понять, что происходит, и предпочли уйти в леса и там разобраться, что к чему. Хуже всего было то, что граница прошла не между

полками, не между ротами и даже не между взводами, а между отдельными бойцами - в каждом отделении были и те, и другие и третьи. Естественно, такой корпус не мог быть боеспособным. Японцы загноили его в Хабаровск, заперли там и бросились за российскими частями, догнав их уже под самым Владивостоком. Появление у них в тылу японской дивизии было для наступающих полной неожиданностью, и они отошли, пропустив японцев в город. Владивосток не был взят, но положение повстанцев оставалось тяжелым. Нейтральные армейские части начали одна за другой переходить на сторону правительства и занимать города и поселки, разгоняя повстанческие гарнизоны. Дивизии Западного фронта оказались в окружении и были почти полностью уничтожены; лишь немногим из трудгвардейцев удалось пробиться к морю севернее Славянки, где их подобрала трудфлотовские корабли. Да еще пятый отдельный полк, на две третьих состоявший из китайцев, одним им ведомыми тропами пробрался на территорию Поднебесной и попытался оттуда переправиться через Уссури, но был окружен китайскими частями и сдался. Лозовой погиб в бою. В Уссури вернулись пограничные катера. Повстанцы удерживали побережье от устья Раздольной до устья Амура. Две японские дивизии и Амурская флотилия растянулись вдоль Амура до самого Хабаровска, что было небезопасно.

К июню от корпуса Горобца осталось двенадцать тысяч человек, сведенных в дивизию - остальные либо дезертировали, либо сдали оружие и ушли по-хорошему (Горобец сам разрешил такое, чтобы избавиться от ненадежных). Ряды Горобца пополнились за счет объявленной в Приамурье еще в марте и продолжавшейся до конца мая добровольной мобилизации. В одном только Хабаровске набралось одиннадцать тысяч добровольцев. Еще шестнадцать тысяч было набрано в северной части края. Уссурийскую, Хабаровскую и Приамурскую дивизии собрали в один Добровольческий корпус, которым теперь командовал Горобец. Третьего июня корпус вышел из Хабаровска и начал теснить японцев на северо-восток. На соединение с японцами шел Гнatenко, собравший в пятидесятный кулак часть трудгвардейцев, ушедших от Горобца после перехода того на сторону правительства. Горобец не дал ему встретиться с японцами, окружил под Найкином и уничтожил отряд полностью. Половина отряда сдалась и была отправлена в лагерь для военнопленных, остальные были перебиты. Гнatenко застрелился. Японцы, не вдаваясь в затяжные бои, отошли к Ванино и оттуда морем переправились во Владивосток. Амурская флотилия ушла в Татарский пролив.

Но силы повстанцев еще не были окончательно сломлены. От Трудовой гвардии Приморья под Владивостоком осталось две тысячи, кроме того город защищало сорок тысяч японцев. Но японские корабли и Трудфлот курсировали вдоль побережья, не давая выбить повстанческие гарнизоны из прибрежных поселков; по горам бродили партизанские отряды из бывших трудгвардейцев и бойцов выбитых армейскими частями гарнизонов; а в самом Владивостоке двадцать тысяч человек, не расстававшихся с оружием, были готовы в любую минуту оставить свои рабочие места и драться с армией на улицах города.

В августе наконец появилась эскадра из балтийских и северных кораблей под командованием контр-адмирала Бубенцова. К ней присоединились остатки Тихоокеанского флота, и сила получилась внушительная. Японцы и Трудфлот приготовились к сопротивлению, и произошло несколько перестрелок, но до серьезных стычек не дошло - обе стороны не столько применяли силу, сколько демонстрировали ее. Бубенцов попытался сагитировать трудфлотовцев к переходу на его сторону, но дело оказалось гиблое - все, кто после перехода Горобца усомнились в правильности своего выбора еще в мае-июне сошли на берег. Это здорово ослабило Трудфлот, но им не сказали ни слова. Разборки на кораблях не хотел никто - ни те, кто жаждал великих потрясений, ни те, кто мечтал о великой России.

Скоро стало ясно, что в случае серьезной заварухи весь японско-повстанческий флот все-таки окажется на дне, но жизнь свою продаст дорого. Гибель японских кораблей и Трудфлота означала морскую блокаду Владивостока. Уход - тоже.

Горобец обратился к Президенту с предложением объявить повстанцам всеобщую амнистию, если те сложат оружие. Президент отказался, требуя безоговорочной капитуляции. Но о предложении Горобца стало известно, и это позднее прибавило ему популярности.

Постепенно правительственные войска заняли все побережье, кроме узкой полоски от устья Раздольной до Находки. Но Владивосток держался. И тогда в генштабе заговорили о возможности воздушной атаки города.

Идея ударить по повстанцам с воздуха была не нова. Военные летчики в Приморье с самого начала либо заняли нейтралитет, либо поулетали за Амур (в отличие от летчиков гражданских, из которых была сформирована транспортная авиация ТГП), так что еще в декабре российская военная авиация была приведена в боевую готовность. Но переход на сторону повстанцев нескольких частей ПВО и появление в Приморье японских истребителей резко охладили пыл штабных генералов. Теперь, когда от повстанческого ПВО остались рожки да ножки, а все приморские аэродромы были заняты правительственными частями (так что даже транспортная авиация ТГП теперь базировалась на Хоккайдо), старая идея вновь ожила.

В конце сентября президент пошел-таки на объявление амнистии всем, кроме японцев, и одновременно дал два дня срока для полной сдачи, пригрозив в случае отказа начать бомбежку города. После этого Всеобщий совет принял решение об эвакуации.

Вместе с японцами уплыло около сорока тысяч русских, не считая матросов Трудфлота. Многие просто не верили в амнистию, такие потом вернулись. А кое-кто всерьез решил, что лучше жить в коммунистической Японии, чем в капиталистической России. Как, например, Урусов, которому, кстати, обещали амнистию не только за эту войну, но и за все его прошлые дела. Урусов в последние дни обороны был одним из самых активных в ВС, да и в Горштабе, именно он последним сошел на палубу корабля, уходящего в Японию; поэтому его возвращение должно было означать окончательное национальное примирение. Так что даже Горобец уже в бытность свою губернатором по интернету послал ему письмо, предлагая вернуться. "Ты же - русский, - писал он, - твоя Родина - Россия, а не Япония!" "Я - не русский, я - коммунары, - написал в ответ Урусов, - моя Родина - коммуна, а там, у вас меня ждет рабство у какого-нибудь буржуа. А ты, м...к, думаешь, что российское г...о - вкуснее японского меда, ну так и ешь г...о и соси х...р русским буржуйам!" "А ты - японским коммунарам," - подумал Горобец и больше не писал.

Вскоре после окончания войны его отправили в отставку. Но на бабах он не остался. На губернаторских выборах, несмотря на все фальсификации, Горобец получил шестьдесят и два десятых процента голосов. Ставленник президента - двадцать четыре и шесть. Остальные бюллетени были признаны недействительными. Интересно, что против обоих не голосовал никто - такие просто не пришли на выборы.

На своем посту Горобец сделал многое. Выбил из бюджета деньги на восстановление хозяйства и потратил их по назначению. Опираясь на присланные войска, железной рукой задавал преступность. Несмотря на потерю кадров, возродил рыбный промысел. Способствовал возвращению значительной части беженцев. Дважды на него было совершено покушение: первый раз его пытались отправить на тот свет мафия, второй - просто какой-то псих с геростратовой манией, вообразивший, что страшно прославится, убив такого человека как Горобец. На второй срок его выбрали с еще большим отрывом от соперников. И на третий - тоже.

Его популярности не вредили даже радио- и телепередачи из Японии, в которых бывшие приморцы рассказывали, как хорошо жить при коммунизме. И хотя Японская революция нашла сочувствующих во всем мире, и даже лозунгом бразильских повстанцев стало: "Сделаем как в Японии!" (и ведь сделают, похоже!); несмотря на все это, приморцы только посмеивались, слушая или смотря очередную передачу. Может, дескать, им там в Японии и хорошо, но только нам и здесь неплохо. Тем более, что после окончания Третьей Отечественной в Приморье практически не осталось коммунистов. Кто был убит, кто сбежал в Японию (японские корабли тогда до самой зимы тайно подходили к берегам России, чтобы забрать партизан), кто просто поумнел, как сам Горобец. Ведь он когда-то тоже верил в коммунизм. А теперь убедился, что и при капитализме можно нормально жить, если у власти стоит человек, понимающий народ и заботящийся о нем.

К тому же победа в Третьей Отечественной войне заметно подняла патриотизм русского народа. Еще бы! Впервые за долгое время Россия выиграла войну, не только отстояв свою территориальную целостность, но и закрепив ее - японское правительство на Рюкю официально отказалось от претензий на Курилы ради того, чтоб заключить с Россией договор о помощи в случае войны с КДК. Кстати, хотя воевать с японскими коммунистами России не пришлось, но восстание на Окинаве было подавлено не в последнюю очередь потому, что Россия привела в боевую готовность свой Тихоокеанский флот, и кораблям КДК пришлось торчать у берегов Хоккайдо, вместо того, чтобы идти на помощь окинавским коммунистам. Эта победоносная операция еще больше усилила патриотические чувства приморцев.

Правда, как сообщают соответствующие органы, до сих пор во Владивостоке (а может и где еще) есть с десяток идиотов, которые жалеют, что Приморье осталось русским. Но сил у них хватает только на листовки да надписи на стенах. Тем более, что действовать им приходится в глубоком подполье.

Горобец подошел к окну и покачал головой. Что и говорить - легки на помине! И смелости им не занимать, равно как и дури. Вот уж кому не спится в ночь глухую! Прямо напротив его окна, не взирая на обилие постов вокруг, кто-то написал черной краской: "Ты еще проснешься в коммунистической Японии, сука!"

Вл. Платоненко

СОДЕРЖАНИЕ

АНТИФАШИЗМ	2
НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕНОЦИД	4
ЧУДЕСА ЕВГЕНИКИ	9
ТРИ ЭТАПА ВСЕМИРНОЙ БОРЬБЫ	11
КАКИМ БЫТЬ РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ: РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИЛИ ПРОФСОЮЗНЫМ?	15
ОТ ВЛАСТИ К БЕЗВЛАСТИЮ	24
СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-МАКСИМАЛИСТЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	25
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА	26
СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	30
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ	32
ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯН И РЕМЕСЛЕНИКОВ ИЛИ К КАКОМУ КЛАССУ ОТНОСИТЬ «НОВЫХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ»...37	
СУДЬБА ПАТРИОТА	40

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы делаем журнал «Прямое действие» в свободное от работы время. Приносим извинения за возможные опечатки и иные погрешности.

АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ

это анархистское течение в рабочем движении, которое считает революционные союзы трудящихся основным инструментом борьбы за их социальное и личностное освобождение. Он отвергает любые партии и выборы и признает только непосредственную самоорганизацию людей труда. Развивая среди них навыки самоорганизации и солидарности в повседневном сопротивлении против произвола капитала и государства, за расширение прав и завоеваний наемных тружеников, проводя забастовки, всеобщие стачки и т.п., анархистские рабочие союзы одновременно готовят Социальную революцию и торжество вольного коммунизма.

Наши цели:

*Ликвидация государства и всех его органов, армии, полиции и секретных служб. Всеобщее вооружение народа для поддержания порядка и обороны.

*Добровольное объединение людей в территориальные вольные коммуны и их федерации вплоть до мирового уровня.

*Экспроприация собственности и государства; организация труда вольными ассоциациями производителей по принципу: «каждый по своим способностям». Передача функций координации и планирования экономики коммунам и ассоциациям, их федерациям и конгрессам.

*Ликвидация денег и наемного труда; распределение по принципу: «каждому по его потребностям».

*Свободное развитие каждой человеческой личности во всех ее проявлениях.

Издание выпускается с 1994 г.

Наш адрес: **117485 Москва, а/я 34** (без указания названия)

Подписка на следующие 4 номера газеты стоит 40 рублей плюс стоимость 4 конвертов с марками для отправки.

Если вы хотите получить бесплатно 3 следующих номера - напишите нам!

С НАМИ МОЖНО СВЯЗАТЬСЯ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ:

comanar@mail.ru

страничка в Интернете:

www.kras.fatal.ru

www.aitrus.narod.ru